

НАТАЛИЯ
КОЧЕЛАЕВА

Семейные тайны

*Кипят страсти человеческие —
древние и вечно юные...
Рождаются семьи —
сливаются судьбы, течет жизнь...*

РОМАН
И В ГОРЕ,
И В РАДОСТИ

Мир этой книги изумительно пестр и разнообразен, в нем порой происходят странные случаи, необыкновенные совпадения и удивительные встречи... Кипят страсти человеческие, и бессмертные, древние, забытые боги, чьи храмы давно лежат в развалинах и жертвенники повержены, снова спускаются на землю. Они сходят в наполненную опасностями жизнь, чтобы снова познать любовь и ненависть, верность и предательство, горе и радость.

Наталья Кочелаева

И в горе, и в радости

«Не могу спать. Я не сплю девятую ночь. Сажу на диване рядом с телефоном, иногда откидываясь на подушки. Телефон молчит. Я сажу, прикрыв глаза, и под воспаленными горячими веками проносятся воспаленные, болезненные видения.

Кира. Она снилась мне задолго до ее рождения. Теплым солнечным лучом, ласковым котенком на коленях, свежим ветерком, запахом белых лилий. Кира, свет мой, душа моя. Моя пропавшая дочь.

Она исчезла. Просто вознеслась на небеса в пушистом облаке. Моя Кира исчезла без следа. Перед самым своим двадцатым днем рождения моя дочь покинула меня. Теперь, девятую ночь перебирая в памяти все, что было с ней связано, я понимаю: именно этого, втайне от себя, я и боялась всю жизнь. Именно от этого просила уберечь. Странно, что это случилось так поздно. Она была рождена, чтобы умереть. С тяжелым пороком сердца, слишком слабая, слишком красивая, слишком хрупкая для этого мира. Про таких детей медсестры между собой говорят «не жилец». Но я отстояла ее. Больницу, где двухлетней Кире делали операцию, я помню так ясно, как будто это было вчера. Запах лекарств и дезинфекции. Строгий и острый запах. И что-то в нем еще — тревожное и неотвратимое. Я осталась у дверей операционной, держа в руках драное больничное одеяло и пижамку — зеленую, в желтых утятах пижамку, — «Дальше вам нельзя». Накануне молодой, усталый после ночной смены доктор в сотый раз предупреждал меня, что не может ничего гарантировать и что надежда на благополучный исход ничтожна, «это не в наших руках». Говорить о Боге тогда еще было не принято. Но я отмолила ее. Это был единственный раз, когда я обращалась с просьбой. К Богу? К Небу? Не знаю. У белых дверей операционной. У дверей, за которыми в ясном голубоватом свете ангелы-врачи держали в руках маленькое детское сердце. Я ничего не знаю о Боге, но я отмолила ее.

В палате реанимации старенький анестезиолог украдкой подносил нитку к побелевшим губам Киры — дышит ли? Кира жила моим дыханием. Не отводя глаз, не отрывая губ, я вдыхала в нее жизнь. День за днем, год за годом. Она была лучшей лилией в моем цветнике, самой лучшей и самой капризной. Именно тогда я решила сделать все, чтобы моя дочь никогда не знала нужды. Никогда не знала никаких забот, несчастий, огорчений.

Жива ли она? Я гоню от себя эти мысли.

Кира — красавица. Она родилась такой, единственной среди красных и сморщенных младенцев, которых приносили кормить моим соседкам по роддомовской палате. Моя Кира. Белокожая и черноволосая, глазастая и удивленная кроха выросла в чудесную девушку. Двадцать лет... Как странно. Она не похожа ни на кого. И совсем не похожа на меня.словно и не течет в ее жилах ни капли крестьянской крови. Тоненькая и прозрачная, вся устремленная вверх, словно создана она не для ходьбы, а для полета. Ее огромные серые глаза смотрят сквозь лица и предметы. Черные, такие же, как у ее отца, густые волосы (Кира вечно теряет и ломает свои заколки — только что я нашла на коврик в ванной ее шпильку, увенчанную крошечной шелковой лилией) падают на ее узкое бледное лицо.

Рожденная вне брака, она была самым желанным ребенком на свете. Зачем ты ушла от мамы, Кира? Скажи мне, Долли, где твоя хозяйка? Кира до сих пор играет в куклы. Точнее, в одну куклу. Собственно, Долли и есть тот камешек, на котором держатся мои надежды. Если бы Кира сбежала из дома, как, по словам серого следователя, который принял мое заявление,

каждый день сбегает сотни двадцатилетних девушек, разве она оставила бы Долли?

Долли-венецианка в пурпурном бархате, любимица моей дочери, молчит. Куклы не разговаривают. Речь — преимущество человеческое. Моя дочь была не вполне человеком. Она говорила мало. Бывали дни, когда я совсем не слышала ее голоса. И сейчас понимаю, что совсем не знала ее. Если она вернется...

Куда она могла пойти? Ей некуда было идти! Она никого не знала, у нее не было знакомых и друзей, не было привязанностей. Ей никто не был нужен. Кроме... Кроме... Фарфоровая кукла-венецианка не спит. Ее зеленые стеклянные глаза открыты. Когда я смотрю на нее, мне становится легче. Мне становится немного легче...»

Женщина спала, облокотившись на диванные подушки, прижав к груди фарфоровую куклу в пурпурном бархате. Спала быстрым, тревожным, неглубоким, но крепким сном — как спят на вокзалах, в дороге, в бомбоубежищах в перерывах между обстрелами. Так спят те, кого усыпляет на несколько минут милосердный ангел надежды. Они готовы мгновенно проснуться — от любого звука. Даже во сне она ждала. Даже во сне знала, что самым лучшим из звуков будет телефонный звонок. Телефонный звонок...

«Рябь шла по воде. Игрушечные волны всерьез разбивались о крутой берег. На берегу, на летнем лугу, собирала цветы девочка. Девочка в белом платье, с черными волосами, с тонкими руками. Оглянись на меня! Но она смотрит в другую сторону — узенькая речка, близки берега. Кто там машет рукой, кто там манит ее? По узкой тропинке она сходит к воде, роняя цветы — белые лилии, кровавые розы, черные амстердамские тюльпаны. Разве такие цветы растут на лугу у реки? Я оборачиваюсь и вижу: девочка уже по колени в воде, по пояс, она уходит все дальше, и нет сил остановить ее, нет голоса окликнуть...

— Кора!

Почему я так называю ее? Почему так сжимается горло? Почему так черна вода в этой странной реке? Почему она пахнет так странно — сталью, холодом, забвением? Что за дерево там, на другом берегу, что за человек там, под деревом? Сгусток тьмы, сердце мрака — и неизвестный плод пламенеет в его руке, как вырванное сердце.

— Кора!

Она не оборачивается. Ее зовут с другого берега. Темный голос, темный, как вода этой реки:

— Персефона!

Туман клубится над рекой. Кора, моя дочь, уходит от меня — бесшумная ладья увозит ее на тот берег. От меня. И только венчик из белых лилий плывет по воде. Мне нужно до него дотянуться, дотянуться, до...»

— Тихо, тихо! Тсс. Поспи немножко. Вот так, ложись, я тебя укрою. Усни, Александра, усни.

Матушка наша была хорошая женщина, но, ей-богу, с придурью. Это ж надо придумать — Аврора! Удружила младшенькой, нечего сказать. Правда, та, чуть подросла, стала имени стесняться, потому что дразнили ее, как и следовало ожидать, крейсером. В деревенской школе, понимаете, не место было греческим богам. Елена Генриховна, училка, пускалась, бывало, в объяснения, но кому охота была ее слушать? И девчонку так задергали, что она к шестнадцати годам, когда паспорт получала, имя сменила. Стала Александрой. И правильно, я считаю. Но вот зачем она сама дочку Кирой назвала? Какие такие греческие боги ее надоумили? Получше, конечно, чем Аврора, но все равно — не по-русски как-то. Нет бы — Машей, Дашей или Полиной! В школе дочку Киркой дразнили... Но недолго — девочка всегда умела себя поставить. Как раз и деньги у матери в кармане зашевелились, слава тебе господи. А до этого — чего только мы с ней не делали — и полы в аптеке драили, и газетами торговали у метро, и посуду по ресторанам мыли... Потом уж цветами она занялась. Без образования сейчас никуда. Александра-то института своего не кончила. Да и как бы он ей сейчас понадобился? Учительшей много ли заработаешь? Ей не карьера, ей деньги нужны были — дочку кормить, одевать, лечить. Все хотела так подняться, чтобы от Кирино отца отойти, не зависеть от него ни в чем. И это ей удалось. Удалось бы, если бы Кира не пропала.

Я про Александру плохого не скажу. Я сама, считай, ее вырастила. Мамка после родов померла, — шутка ли шестого ребенка под полтинник родить! Какого угодно здоровья не хватит, а мать всю жизнь была затурканная. Батяня, плохого слова не говоря, гонял ее, как лошадь на корде, все по его делалось. Потому и всех детей нормально назвали, как батя хотел. Меня вот Галиной. Еще были сестры Ольга и Мария, да уже померли. Аврора — так матушка перед смертью просила дочку назвать, и батя уважил. Все же он ее любил. Как умел. Слишком нрав у него был тяжелый. Только перед смертью умягчился. Тогда Александра как раз из Петербурга вернулась. С кузовком. А он ничего, даже не попрекнул. Меня б со свету сжил! Да не дал Бог детей, ни брачных, ни внебрачных. Только мужа-алкаша, да и тот давно загнулся. И вся моя семья осталась — Александра да Кира. Теперь Киры нет. Пропала. И Александра пропадет. Глаза у нее уже безумные. Девять дней, считай, прошло. Десятую не поспит — спятит, это уж и к гадалке не ходить.

Следователь Кленов принял много заявлений о пропавших людях и немало повидал таких женщин. Осатаневшая от горя и растерянности мамаша, воспаленные глаза — поди, ночи не спит, все о дочурке думает. А дочурка упорхнула из душного и тихого гнездышка, чтобы метнуться в огромный мир. Такой соблазнительный и опасный. А мамашка пусть доживает свою скучную жизнь. Лет под сорок? Быть может, моложе. Но стремится выглядеть как бизнес-леди. Тщательно взбитые волосы, тщательный макияж, костюмчик цвета фуксии. Черт ее знает, эту фуксию, следователь ее отродясь не видел — просто бывшая супруга, большая специалистка в области моды и стиля, так этот цвет называла. У нее такое платье было — с разрезом чуть не до пупа что спереди, что сзади.

Впрочем, если бывшая супруга следователя Кленова выглядела в этой фуксин весьма и весьма соблазнительно, то Александра Леонидовна Морозова походила на Нонну Мордюкову в роли председателя колхоза. Категорически не шел ей и белый кружевной шарф на шею — из привлекательной в общем-то женщины он делал комическую тещу, намекал на дурной характер и напрасно прожитые годы. О том же говорило и лицо женщины — лаконичное, небогатое событиями лицо, щедро украшенное серыми глазами. Трудный путь наверх, никого за спиной, редкие удачи — взмыть на мутной волне перестроечного предпринимательства и удержаться, когда волна спадет. Не вершина Арарата — труба пониже, дым пожиже. Романтическая профессия — цветочница! Но в Александре Леонидовне ничего романтического нет. Цветочница нового формата — в костюмчике, с дешевым штампованным золотом в ушах и на пальцах. Скорее уж нечто романтическое угадывалось в ее сестрице, откровенной старой перечнице — Галина Морозова похожа на пиковую даму, старую графиню, под полуседыми локонами которой скрывается постыдная плешь, а под мутно-бессмысленным взглядом — сакральное знание, ядовитое и заманчивое. А ведь ей не так уж и много лет! Но так выглядят женщины, с молодости замученные тяжелой работой, своей некрасивостью, недоброжелательным и требовательным равнодушием окружающего мира.

— Итак, у нее с собой была кредитная карточка, так? И мобильник, правильно?

— Мобильника не было. Он сломался накануне.

— А как именно сломался?

— Кира сказала, там что-то с динамиком. Хотела покупать новый.

— Могу я на него взглянуть? В смысле, на старый, сломанный мобильник?

— Конечно, можете. Только зачем вам? Я уже смотрела. Он работает.

— То есть ваша дочь ввела вас в заблуждение?

— Н-не думаю... Может, он был неисправен, а потом как-нибудь сам наладился...

— Ага...

Так не бывает. Мобильники — даже такие крутые, как этот, — сами по себе не восстанавливаются.

— Мне кажется, ваша дочь просто решила скинуть с себя этот электрический ошейник. Вы уж меня извините. Что она взяла с собой, знаете? В чем была одета?

— Да. Белое платье, голубые туфли-балетки, голубая сумка. Косметикой Кира не пользовалась, но всегда носила с собой флакончик духов. От Сержа Лютена. Парфюмер такой.

— Знаю, — буркнул Кленов, хотя слышал о Серже Лютене первый раз в жизни и вершиной парфюмерного искусства полагал духи «Быть может», которые в детстве дарил маме на Восьмое марта, а в зрелом возрасте — супруге. До тех пор, пока та его не бросила. Быть может, «Быть может» тоже сыграли в этом свою роль. — Как духи назывались?

— «Tuberous Criminelle», — без запинки произнесла Александра.

Не нужно было быть полиглотом, чтобы перевести название. «Преступная тубероза»!

— Редкие духи? Дорогие?

— Не знаю... Наверняка не дешевые.

— Украшения? Кольца, серьги, часы?

— Сережек Кира не носила, у нее и уши-то не были проколоты. Всегда носила кольцо.

Непростое такое кольцо, сделанное на заказ. Буква «К», увитая такими... цветами, что ли, вьющимися... И с бриллиантками. Она всегда его носила, никогда не снимала. Оно одно такое.

— Ясно. А много денег у нее на кредитной карточке?

— Даже не знаю.

Конечно, она не знает. Баловали девчонку, как принцессу, вот и расплачиваются теперь...

— Так вы полагаете, с ней все в порядке? — в который раз робко, но назойливо переспросила мамаша беглянки. Голос у нее был богатый, в нем переливались бархатно-красные, глубинно-синие тона.

— Я не могу этого утверждать, — в который раз повторил Кленов со вздохом. — Основываясь на личном опыте, могу сообщить: двадцатилетие девушки уходят из дома очень часто. Особенно после конфликтов с родителями. У вас были конфликты? Столкновения?

Следователь, следователь с усталыми глазами, похожий на всех следователей героически-романтического кино о преступлениях и наказаниях! Следователь в потертых джинсах и вытянутом сером свитере, с красивой фамилией Кленов! Понимаешь ли ты, о чем и о ком ты говоришь? Вот это угловатое слово «конфликт», которое так гладко звучит теперь в выпусках новостей из уст холеных ведущих — прилагательное «вооруженный» как-то сглаживает и облагораживает его, но оно ведь на самом деле означает войну. Конфликт — это война, только об этом запрещено говорить холеным ведущим обоюбого пола. Это просто война, а какая война могла быть между матерью и дочерью? Между Александрой и ее странной, ни на кого не похожей, не от мира сего девочкой?

— Нет. У нас не было конфликтов.

— Видите ли, молодой человек, — ласково пропела старая карга, тетушка беглянки, — у нас в семье не было никаких столкновений и быть не могло. Речь идет о другом. Кира... Она странный человек, странная девушка, очень замкнутая, очень своевольная. Она могла обидеться на что-нибудь или на кого-нибудь. Что-то ее могло ранить. Обычно в таких случаях она уходила в себя... Но могла уйти и из дома. Я это допускаю.

— Почему? — заинтересовался Кленов. — Почему допускаете? — И получил, чего хотел. Идиотский ответ на идиотский вопрос:

— Я гадала на картах. Кире выпала дальняя дорога.

— И все? — уточнил Кленов.

— Нет, — вступила мамаша. — Она уже уходила из дома один раз. Ей было двенадцать.

— Как это произошло?

Следователь Кленов, как тебе рассказать об этом? Девочка пришла из школы. Из

отвратительной школы, серого казенного дома, где в классах душно и пахнет мелом и чернилами, а в коридорах — холодно, пахнет хлоркой и подмышками. Нет-нет, это другая школа. Это элитный лицей, в ней пахнет только цветами и детской радостью, в крайнем случае — освежителем воздуха из разноцветного баллончика. Киру ни за что не отдали бы в дурнопахнущее казенное заведение, но в сознании Александры школа всегда оставалась школой ее личного зябкого детства. Она неохотно отпустила туда дочь, хотя сознавала, что не права, и Галина говорила о том же. Тот памятный разговор можно было бы назвать конфликтом, тот громкий разговор между двумя громкоголосыми сестрами, старшей и младшей.

— Я заменила тебе мать, да! Я тебя вырастила, и, слава богу, вырастила нормальным человеком! А ты хочешь сделать из девочки домашнего зверька, плюшевую кошечку! Оранжевое растение!

— У Киры плохое здоровье! У нее больное сердце! Если с ней что-то случится, мы же не сможем жить, мы же будем винить себя в этом! Пусть занимается дома, мы можем себе это позволить.

— Ты не сможешь всю жизнь носить ее на руках. Она не поблагодарит тебя за это — потом. Ей нужно привыкать к людям, она и так дикарка, она даже не умеет говорить с посторонним человеком! Ей нужно играть с детьми, это позволит ей забыть о своей болезни и, может быть, поправиться!

Галина победила. Кира пошла в школу. В дорогой лицей, прославленный, впрочем, не ценами за обучение, а внимательным отношением к личности учащегося. У Киры появилась подруга — некрасивая толстощекая девочка со скобками на передних зубах, дочь известной поп-дивы. Поп-мамочка была нагло красива, — но ее красота, выточенная резцом шведского пластического хирурга, была так же невыносимо вульгарна, как и ее песни, и ее поведение. Впрочем, достоинства и недостатки матери вряд ли могли сказаться на воспитании дочери — дива давно уже проживала в прохладном Лондоне со своим неуловимым и трудноопределимым очередным мужем, а дочка росла в прохладном Петербурге у родителей своего отца. Молодой режиссер, первый, стартовый супруг дивы, обрел популярность только после смерти — те пять картин, что он снял, ерзая в узких штанишках бюджета, задыхаясь в ласковых клещах цензуры, внезапно оказались не Библией, но Камасутрой вздорного мира кинематографии. Их раздергали на цитаты и кадры, о них писали и говорили, новоявленные модные режиссеры, ломая виртуальные члены, изо всех сил повторяли позы и положения. Для девочки Наташи, первого и наименее удачного творения режиссера, созданного в соавторстве с безголосой и безголовой певичкой, отец давно стал только тенью на белой стене, узнаваемым силуэтом в жестоком свечении экрана. Его участие в Наташиной жизни было подразумеваемо и соизмеримо с тем участием, которое принимает в нашей жизни хороший фильм, или книга, или берущая за душу песня. Все же у нее был отец, она знала его имя. А Кира своего отца не знала, и ни одного материального свидетельства того, что она явилась на свет не путем непорочного зачатия, у нее не было. Ни фотографии, ни письма, ни даже имени от отца не осталось. Кира носила фамилию своей матери, даже отчество было дано ей взаймы. Два или три раза она спросила мать — кто был ее отец? Где он? Но мать отделялась сказками — крошечную девочку, удивительно красивую, нашли в сердцевине цветка лилии, она появилась на свет благодаря волшебству. Но этого волшебства Кира не смогла предъявить своей подруге — отлично осведомленной внучке врачей — и остальному весело-любопытному классу. В двенадцать лет самой увлекательной сказкой кажется жизнь.

Время новых сказок приходит позже, вместе с усталостью от жизни. И Кира ушла из школы, откуда ее через час должна была забрать Галина, ушла, оставив сумку с книгами и тетрадями.

— Я чуть с ума не сошла. Она вернулась домой поздно вечером. Сказала, что гуляла, что была в кино. Думала о жизни, так она и сказала...

— Вот видите! — Следователь обрадовался чересчур уж явно. — В двенадцать лет убегают из школы в кино — на полдня. В двадцать лет прогулки могут быть чуть дольше... Но мы ее найдем. Вам нужно набраться терпения. Может быть, какой-то намек отыщется в ее личных вещах? Какие-то визитные карточки, записные книжки? Мы с вами вместе посмотрим, и что-нибудь наверняка выяснится.

— Да?

Этот вежливый, равнодушный вопрос взбесил Кленова.

К сожалению, он очень хорошо его понял, когда попал в то гнездо, откуда упорхнула девица с нелепым именем Кира. В квартире было пять комнат. Для начала ему показали большую гостиную. Было заметно, что над обстановкой немало потрудился дизайнер, — рассеянный мягкий свет, идущий, казалось, из стен, бежевые и сиреневые оттенки, сказочной красоты и удобства диван, ненавязчивые картины — условные, расплывчатые, сил нет какие изящные цветы. Логова колдуньи-сестрицы и самой хозяйки дома Кленов не стал осматривать, вряд ли там сыскалось бы что-то, что могло ему помочь, а дух безмужичьего дома, вдовий, стародевичий, разведенный и брошенный дух он почувствовал еще с порога.

Не было этого духа только в комнате Киры. Здесь пахло легкими, нежными духами и молодостью. Здесь жила молодая девушка, почти ребенок, здесь преобладали все те же бежево-сиреневые тона, но с вкраплениями белого — огромный белый медведь на кровати, белая вязаная шаль на спинке стула, невинно-распутные белые домашние туфельки с загнутыми носами, отороченные пухом.

Хозяйки не стали мешать Кленову осматриваться — беседовали за дверью, в холле. Следователь слышал их голоса — бархатно-красные, глубинно-синие интонации младшей сестры и более мягкие, бежево-розовые — старшей. Он уже знал, что домашнее хозяйство вела старшая — никакая домработница, никакая приходящая помощница не переступала порога этого дома. А жаль. Прислуга часто владеет чужими тайнами и охотно ими делится. «Домработницы все знают, это ошибка думать, что они слепые» («Мастер и Маргарита»). А вы думали? Но нет так нет. В комнате Киры не прибирались с момента ее исчезновения. Это правильно. Да и раньше она, по словам Галины, неохотно пускала домашних в святая святых. Предпочитала прибираться сама. Галина только мыла полы и окна, к остальному принцесса ее не подпускала.

Главных сюрпризов Кленов ожидал от огромного секретера, похожего на спящего бегемота. Три ящика, и в каждом может храниться маленькая тайна, которая позволит успокоить несчастную мать и успокоиться следователю. Помимо антикварного бегемота, в комнате были — кровать, гардероб, туалетный столик с зеркалом, стул и еще какая-то дрянь вроде стула-недомерка. Кленовская жена называла такое дурацким словом «пуфик». Этот самый пуфик сразу же кинулся следователю под ноги, и пришлось его отшвырнуть, как непроказившего щенка.

Гардероб был забит одеждой. Ряды платьев, блузок, юбок... Кленов присвистнул. Разумеется, его удивило не количество вещей — чего еще ждать? Единственная дочь у мамы, которая, мягко говоря, не бедствует. Но вот вкус у нее своеобразный. Все оттенки

белого! Белый снег, белые лилии, белая кость... Кира Морозова была помешана на белом цвете и ничего другого не носила. Стиль в одежде тоже выдерживала — никаких брюк, никакого мини. Длинные, струящиеся или узкие, облегающие платья. Туфли — тут же, в ряд на специальных полочках — классические лодочки на более или менее высоких каблуках или без каблуков вовсе. Ни шпилек, ни платформ. Действительно, своеобразная девица. С пунктиком.

Осмотр туалетного столика ничего не дал. Обычные косметические причиндалы — тоники какие-то, дезодоранты, кремы. Внимание Кленова привлек огромный флакон белого стекла, увенчанный словно бы фигурой ангела или бабочки — кружевные крылья из серебряной проволоки клубились вокруг субтильного тельца неведомого создания. Запах свежести, запах озона после летней грозы, запах разваленного пополам спело-розового арбуза... И еще пахло как бы страстью — словно рядом с Евгением Эдуардовичем в комнате находилась обнаженная, полная желаний и нежности женщина. Кленов даже обернулся — настолько сильной была навеванная запахом фантазия. В дно флакона впаяна овальная пластинка. Крошечная, серебряная. И надпись на ней Кленов сумел прочесть без посторонней помощи. Потому что она была очень короткой и на русском. «*Кира*» — вот тебе и все. Именные духи?

Стройный дуэт голосов в холле не умолкал. Кленов открыл дверь.

— Это что? — поинтересовался он у Александры Леонидовны, сунув ей в вялую руку флакон.

— Не знаю... Духи, наверное, — растерялась она.

— Да я сам вижу, что духи! Они принадлежали вашей пропавшей дочери?

— Очевидно, да, если стоят у нее в комнате, — вступила Галина Леонидовна.

— И она все время пользовалась этими духами?

Александра осторожно понюхала флакон, точно там мог быть нашатырь или серная кислота.

— Может быть, последнее время. Раньше я их не видела. Видите, флакон едва почат, значит...

— Ладно, — прекратил пустой разговор Кленов и снова сунулся в комнату. Духи он на столик не вернул. Прихватил с собой. Они ему понадобятся.

Им начал овладевать азарт, знакомый любому следователю, — азарт ищейки, идущей по следу. Запах духов, название которых Кленов смог прочитать самостоятельно, остался с ним, повис на кончиках пальцев. Душа Киры, ее ароматная сущность была теперь близка ему, он чувствовал ее, как чувствуют приближение грозы или разнос у начальства.

Секретер он оставил на сладкое, но тут выяснилась неприятная деталь. Все три ящика были заперты.

— Она всегда их запирала, — пояснила Александра на его безмолвный вопрос. — Всегда, с детства. Мы даже никогда не интересовались... У подростка могут быть свои тайны, тем более у такого, как Кира. Вы согласны?

Кленов покачал головой. Он не знал, могут ли быть у подростка тайны. Он вырос в питерской коммуналке, где семья Кленовых занимала одну, хоть и большую комнату. Его кровать стояла за шкафом, уроки он делал за столом, за которым в разное время обедала семья, думал над чертежами отец и раскладывала шитье мама. В их семье и во всей коммуналке невозможно было утаить даже такое интимное дело, как поход в туалет, а уж такой антикварный секретер занял бы все свободное пространство в их комнате.

Бегемоту пришлось вскрывать пасть с помощью столового ножа. Операция прошла удачно, Кленову удалось отжать замки и ознакомиться с содержимым первого ящика. Журналы. «Мир театра», «Кулисы», даже развратно-глянцевый «Салонные истории», который у понимающих людей давно уже именовался «салонными истериями». Журнальчик, в котором служители Мельпомены обоих полов самозабвенно предавались нарциссизму, а также публиковались душераздирающие истории их жизни, любви и в отдельных, особо антикварных случаях — смерти. На нетребовательный взгляд Кленова, читать такой журнал было заведомо бессмысленно. Зачем тебе знать, каков твой кумир в жизни, если его личность представляет собой лишь цепочку отражений более-менее удачных ролей? Так задумавшись, Кленов перебирал журналы, пока сыщицкий инстинкт не подергал его за рукав и не предложил обратить внимание на одну занятную деталь. В каждом журнале фигурировал один и тот же персонаж, ради которого, очевидно, эти разрозненные фолианты театрально-киношной жизни тут и были собраны.

Диана Юстицкая.

На обложке «Салонных историй» она была представлена собственной персоной. Породистое, холеное лицо, заставляющее полагать, что в молодости его обладательница была ах как хороша собой. Но Кленов все же кино смотрел и в театры, бывало, захаживал и потому мог сказать наверняка — нет, не была. В молодости Юстицкая смотрелась пикантной мордочкой, таким апфантерриблем. «Теперь лета к суровой прозе клонят»^[1]. В благородном наклоне головы — тонкая печаль о несовершенстве этого мира, который она, Диана, не в силах сделать лучше. В одиночку-то! Но она, по крайней мере, старалась — об этом и заголовок на обложке. «Я, по крайней мере, старалась». Интересно, о чем это на самом деле? Глаза актрисы с непередаваемо тонким выражением — тут и доброта, и ирония, и добрая насмешка — смотрели загадочно. А помимо броских заголовков журнал украшал автограф. Витиеватый почерк, черт разберешь. Но несомненная подпись — «Юстицкая». «Милой девочке Кире с искренним пожеланием счастливого творческого пути».

Так, вот это что-то новенькое. Значит, Кира Морозова была большой поклонницей Дианы Юстицкой. Станный выбор. Хотя, если вдуматься... Кира и сама была странненькой, что неоднократно подчеркивалось ее пожилыми родственницами. К тому же Юстицкая в своем автографе говорит о каком-то творческом пути, который непременно должен быть счастливым. Вряд ли под творческим путем подразумевается, скажем, проектирование особняков или рекламных кампаний. Скорее всего, Кира поделилась с кумиром своей мечтой — пойти по ее стопам. Интересно, мать об этом знала?

Поставив мысленно галочку, Кленов двинулся дальше. Пара учебников по актерскому мастерству — мечты для девочки были не только мечтами, она активно претворяла их в жизнь. Несколько книг, в том числе увесистый том Вильяма нашего Шекспира. Вот интересно, есть ли в этом доме книги? В гостиной Кленов не заметил ни одной, в холле тоже. Только телефонная. В любом случае эти книги Кира держала у себя, значит, работала с ними. Собиралась поступить в театральный? Тайком от матери, которая об этом ни словом не обмолвилась? Такое бывает с девочками. Особенно с теми девочками, которых дома держат на коротком поводке, стремясь контролировать каждый шаг: «Моя крошка! Мое дитя! Она такая слабая и хрупкая, она не от мира сего!» А девочке не терпится причаститься к соблазнам этого мира, и театральный институт — один из них.

Второй и третий ящички картину прояснили и дополнили. Справочник «Образование в Петербурге», ненавязчивые брошюры для абитуриентов.

Больше ничего. Ни писем, ни фотографий. Записная книжка — и в ней почти пусто. Сейчас ни к чему записывать телефоны и адреса, даже дни рождений знакомых на бумаге. Все можно поместить в мобильный телефон. Ее мобильник остался дома. Быть может, она купила себе новый. Эта линия сейчас проверяется, быть может, ниточка выведет к беглянке. Для начала стоит проверить — знакомство Киры Леонидовны Морозовой с Дианой Юстицкой, узнать, в какой институт она подала документы, поступила ли?

— Вы знали, что ваша дочь мечтала стать актрисой?

— Ваш вопрос поставил меня в тупик, — созналась Александра, немного помолчав. — Я понимаю, это бросит на меня тень... Нет. Кира ни с кем не делилась своими планами. Год назад она поступила на факультет журналистики. С большим энтузиазмом принялась за учебу, но потом ее забросила. Просто перестала ходить на лекции, и скоро ее, разумеется, отчислили.

— Как вы к этому отнеслись?

— Да никак, — улыбнулась Александра. Улыбка преобразила ее лицо — вспыхнули погасшие глаза, даже румянец появился на скулах. — Она молода, деньги у нас есть, как видите... Кира могла выбирать ту профессию, которая придется ей по нраву, могла и вовсе не работать.

— Всю жизнь жить с вами на ваши деньги? — не удержался Кленов.

— Ну зачем вы так, — мягко упрекнула Морозова. — Она могла войти в дело, унаследовать его, так сказать. У Киры был вкус к цветам, она была природным флористом... У меня ведь тоже нет никакого образования, и я также оставила институт на первом курсе. Правда, по другой причине. Потом — она могла бы выйти замуж, посвятить свою жизнь семье, детям...

Но Александра сказала это так, словно для нее замужество Киры и ее смерть стояли примерно на одной ступени. Кленову стало ясно, что перед ним одна из тех фанатичных матерей, которые видят смысл своей жизни в ребенке и тем чаще всего портят ему его собственную жизнь. Из таких матерей выходят змеи-тещи и стервы-свекрови, они не терпят делиться своим сокровищем ни с кем, никогда и охотно пришили бы ребенка булавкой к своей юбке, как Настеньку из «Белых ночей» Достоевского.

— Так, значит, вы были бы против, если бы Кира выбрала профессию актрисы и попыталась поступить в соответствующий институт? — скучно спросил Кленов. Ответ он знал.

— Быть может, и не была бы против. Я вполне уверена, что Кира не создана для сцены. — Глаза женщины вдруг наполнились слезами. — Господи, о чем мы говорим! О ее поступлении, а ее, может быть, уже нет...

— Стоп! — прикрикнул Кленов. — Это плохая мысль, ее не надо допускать.

— Конечно, я позволила бы все, — уже на истерической нотке высказалась Александра и уткнулась всхлипывать в платок.

— Вот именно, — подчеркнуто серьезно заметил Кленов. — Вот именно так многие дети и полагают. Убежим, повенчаемся, кинемся в ноги — простит. И ваша дочь, скорее всего, поразмыслила точно так же. А почему вы сказали, что она не создана для сцены?

— Она, конечно, всегда интересовалась театром... Ходила на все премьеры... Но никогда не делилась впечатлениями. Вообще редко о чем-то рассказывала. И в детстве — не читала стихов, как другие дети, не было у нее стремления что-то изображать, как вообще у девчонок. Я помню, в лицее ей хотели поручить роль маленькой Бабы-яги на каком-то

утреннике, так она отказалась наотрез, даже со слезами. Сделала даже «иногда»...

— Что — иногда?

— Ах, да мы так называли ее капризы. Бывало, она расстраивалась, долго плакала, а потом замолкала. Могла молчать два-три дня. Причем казалось, что она не может говорить по какой-то причине физиологического порядка. Мы водили ее к врачам. Все говорили в один голос, что девочка очень ранима и впечатлительна, что на этом фоне у нее может развиваться временная афония. Нельзя ее только волновать, понимаете.

Кленов мало что понимал, но на всякий случай кивнул. Афония — штука загадочная. Но со склонностью к такому заболеванию на театральных подмостках действительно делать нечего.

Диана Юстицкая приняла следователя Кленова Евгения Эдуардовича в своей примерной, после утреннего спектакля. Кленов сам выбрал этот вариант — во-первых, не желал, чтобы звезда посещала его скромный кабинет в Управлении, во-вторых, знал, что «родные стены» подействуют в этом случае сугубо положительно. Актриса сможет расслабиться, авось да и припомнит что-нибудь, что не пришло бы ей в голову в «тюремном застенке». Он даже на спектакле честно отсидел — первый раз за пять лет, он даже цветов для звезды принес! На такой букет ушла бы половина его зарплаты, но он достался ему даром. Едва только обмолвился о том, что пойдет к актрисе Юстицкой, порасспросит о Кире, Александра Леонидовна вручила ему свою визитную карточку и черкнула на обороте несколько слов.

— Зайдете в один из моих магазинов, там вам подберут букет. Она же все-таки актриса, женщина, ей будет приятно получить цветы от такого славного юноши...

«Славный юноша» прозвучало совсем по-матерински, и это отчего-то покорило Евгения Эдуардовича. Только потом он понял — Александра Морозова была не только не старше, но моложе его на полгода. Что же это она, черт возьми, так рано себя в старухи записала? Конечно, дочь-безотцовщина, свое дело, некогда о глупостях думать. Но... Кто их, женщин, поймет? Или горе от бегства дочери потрясло ее так, что из дамы средних лет она превратилась в тетку, которой меньше пятидесяти не дашь при самом выгодном — рассеянно-бежевом — свете?

Цветочные магазины торговой сети «Деметра» — это, кажется, что-то из мифологии? — разбросаны были по всему городу, и один из них помещался как раз на Октябрьской, неподалеку от скромных апартаментов Кленова. Не раз и не два пробегал он мимо маленького магазинчика, который даже снаружи выглядел уютно, как высланная шелком шкатулка. В витрине цвели стилизованные ветви яблони и невероятные позолоченные розы, порхали радужные райские бабочки. Впервые Кленов перешагнул порог магазина и сразу же задохнулся от насыщенного аромата цветов. Впечатление было такое, словно кто-то неожиданно ударил его кулаком в лицо.

«Грубые какие сравнения», — попрекнул он сам себя, но за первым шоком последовал второй. К нему двигалась нимфа, нимфа в образе девицы сказочной красоты, в воздушном платье цвета морской волны, отороченном белой пеной. Несомненно, она поднялась с морского дна, чтобы посрамить изможденно-анорексичных красоток, помешанных на собственном весе и изощренных диетах, — а мимоходом и пленить сердце зазевавшегося следователя Кленова.

— Чем могу быть полезна? — мелодично спросила прекрасная океанида.

У Кленова было слишком много вариантов для ответа, и часть из них способна была смутить даже солдата-сверхсрочника, потому он вообще воздержался от вербального способа общения. Просто выудил из кармана и ткнул куда-то в облако белой пены картонный прямоугольник, уповая на то, что это именно нужная визитка. Иначе пришлось бы выворачивать перед нимфой карманы, а в них завалилось много лишнего — пакетик с презервативом, пара барбарисок, мятые десятки и даже аккуратный кусок туалетной бумаги — на случай оказии.

Визитка оказалась подходящей. Кленову было предложено сесть и подождать, и он

безвольно опустился на прохладный кожаный диванчик. В глазах немного прояснилось, реальность стала четче. Выяснилось, кстати, что нимфа в магазине была не одна — вокруг кружились две ее товарки, одетые в такие же, видимо, форменные костюмы — пышная юбка и строгий френч голубовато-зеленого цвета. Впрочем, нимфы-подружки были наняты, очевидно, только для того, чтобы оттенять красоту третьей. Она-то и суежилась за прилавком, поглядывая на Кленова удивленно и заинтересованно. Даже, можно сказать, изучающе, и Евгений Эдуардович порадовался, что именно сегодня вздумал начистить выдавшие виды ботинки, а вместо вытянуто-потертой джинсовой сбруи надел темный костюм в тонкую желтую полосочку. Имелось в виду, разумеется, вечернее культурно-массовое мероприятие, посещение театра, но сгодился прикид еще раньше.

Его несколько задело, что нимфы ни о чем не спрашивают. Он, например, всегда полагал, что самые шикарные цветы — красные розы и женщине нужно дарить только их. Конечно, если финансы позволяют. Если же нет — можно преподнести что придется. Ландыши там, молочайник всякий. Свою жену, тогда будущую, а теперь бывшую, он, помнится, покорила именно огромным кустом темно-красных роз на длинных стеблях. Стебли были толстые, как бревна, сами розы отчего-то ничем не пахли, но Вероника все равно была потрясена и счастлива. Хотя если припомнить, чем дело кончилось, то, может, красные розы были не такой уж хорошей идеей?

Букет, собранный по записке океанической нимфой, был прекрасен и утончен. Он состоял из бледно-лиловых ирисов и бледно-розовых роз. В нем была простота — торжественная, дорогостоящая простота. Потрясенный Кленов принял букет на сгиб руки, как младенца, и двинулся к выходу. И ушел бы, не сказав ни слова, если бы не легкий, как запах ирисов, смешок нимф за спиной.

Евгений Эдуардович повернулся как по команде «кругом», сделал четкую отмашку головой, которая от такого неосторожного обращения немедленно возобновила кружение, и сказал:

— Спасибо. Как вас зовут?

— Пожалуйста! Кого? — зашебетали нимфы.

Ему хватило ума не выделять одну из девушек и быть любезным со всеми.

— Простите меня, юные леди, — прочувственно обратился он к нимфам. — Я, правду сказать, несколько растерялся от такой роскоши и общества прекрасных дам. Позвольте представиться — Кленов Евгений. Живу неподалеку, но к вам зашел в первый раз. Теперь знаю дорогу. Позвольте узнать ваши имена?

Второстепенные нимфы назвались Олей и Ритой. Главная откликнулась на имя Наташа.

Сжимая в одной руке это сладко-пахучее, шуршащее, шершавое имя, а в другой руке — букет, Кленов продолжил свой путь.

Букет, видимо, и в самом деле был собран по неведомым правилам комильфо, потому что Юстицкая приняла его с нежно-благодарной улыбкой. Впрочем, может быть, она сама была чересчур комильфо для того, чтобы отшвырнуть его не глядя в кучу цветов, принесенных благодарными поклонниками ее драматического таланта?

После краткого периода расшаркиваний и реверансов следователь Кленов перешел к делу. Тут его ждало ожидаемое, но от этого не менее печальное разочарование — Диана Юстицкая Киру не помнила. Вообще.

— Они часто приходят, — поделилась она с Евгением Эдуардовичем. — Девочки, которым хочется шагнуть на сцену. Я благословляю их, что ж, — ведь они этого ждут. На

самом деле я никому, никому из них не пожелала бы подобной судьбы.

Кленов подивился про себя — надо же, еще чем-то и недовольна! Интересно, кстати, сколько ей лет? Юстицкая выглядит, как настоящая звезда, — сияет ухоженная кожа и волосы, молодо блестят глаза, и все это озаряется нестерпимым искристым свечением голубых камушков — в ушах и на пальцах. И чем ей не нравится «подобная судьба»?

Кленов решил времени не терять и, спустившись в сырую пасть метрополитена, через четверть часа уже шел по Моховой — к красивому, красно-заплаканному зданию Академии театрального искусства. Перед входом он замедлил шаг, достал из бумажника фотографию Киры Морозовой, взгляделся. Пожалуй, слишком она бледная и худая, чтобы считаться красавицей... Но глаза, глаза! Да уж, такую надо бы взять в актрисы.

В холле было тихо и прохладно. Из стеклянной будочки не суровый охранник-бультерьер выглядывал — выглядывала хрупкая старушка, божий одуванчик в кружевном воротничке, в седеньких мелких кудряшках.

— Вы куда, молодой человек?

Кленов продемонстрировал одуванчику удостоверение и прошествовал на второй этаж, где и имел место быть деканат. Он без труда обнаружил доску объявлений — оформленную с шиком, но уже довольно обшарпанную. Список фамилий поступивших — счастливый мартиролог! Каменщикова, Монаков, Морозова... Итак, Кира действительно побывала здесь незадолго до своего исчезновения, да и раньше заглядывала. И ей удалось поступить! Надо же...

— Вам кого? — поинтересовалась маленькая изящная дама, похожая на какую-то тропическую птичку. Птичка выпорхнула из дверей деканата и смотрела на Кленова с птичьим интересом. Предъявленное Кленовым удостоверение явно шло вразрез с этим нежно-удивленным взглядом, но цель была достигнута. Птичка вспорхнула, защebetала и указала Евгению Эдуардовичу на двери, за которыми, по ее словам, помещался Великий и Ужасный, Заслуженный и Народный мастер курса — Сергей Иванович Злотников. Именно к нему на растерзание и поступила маменькина дочка Кира Морозова. И тут можно было бы за нее опасаться. Злотников, безусловно знакомый следователю по многочисленным ролям в кино, сначала специализировался на ролях отважных юнг и лихих гусаров, а после, постарев и располнев, начал играть благородных отцов — есть, кажется, такое театральное амплуа? В последнем нашумевшем российском блокбастере (есть и такие) Злотников сыграл предводителя всея российской мафии, убеленного искусственными сединами, умного, ироничного, всемогущего. Слуга царю, отец солдатам. По физиономии он истинный бабник, отметил про себя Кленов. Ни одной не пропустит.

— Как же, как же, — рокошущим, роскошным басом произнес Злотников. — Кира Морозова... Будет прок, полагаю. А что случилось? Она что-то натворила? Такая, знаете, эксцентричная особа, м-да...

«Масленные твои зенки», — подумал Кленов, мыслями своей матушки, очевидно. Но вслух сказал коротко и ясно:

— Да нет, ничего.

Пусть понимает как хочет. Будем надеяться, у Киры Морозовой не будет впоследствии неприятностей из-за этого визита. К началу занятий она, несомненно, явится в эту порядком захлавленную, пахнущую пылью и потом комнату, и тогда — пожалуйста к родным пенатам!

— Ты должен мне помочь, — сказала Александра вместо приветствия.

— Во-первых, добрый день. — ответил Краснов. Как всегда — спокоен, корректен, сдержан. Кажется, ничто не может возмутить этого олимпийского спокойствия. Даже несанкционированное появление персоны нон-грата в его кабинете. В святая святых! Дубовые панели глушат звук, под ногами — мягкий, благородного синего топа ковер. Сам хозяин сидит за монументальным, похожим на надгробие письменным столом и паяется в лэптоп. Александре подумалось: «Интересно, сидел ли он за ним до моего шумного появления в приемной или уселся только теперь, чтобы продемонстрировать мне — я отвлекаю важного человека от важной работы! Я ворвалась в дом, я покусилась на частную жизнь, все, что я скажу, может быть использовано против меня! Да, так оно и будет. Он всегда был сильнее. Вряд ли мне когда-нибудь удастся загнать его в угол. Всякий раз после разговора с ним у меня оставалось странное ощущение — словно я пыталась поймать шилом шарик ртути. Красивый, переливающийся, серебряный шарик. Его глаза похожи на ртуть. Холодноватое, металлическое серое свечение. Это — глаза моей дочери. Она унаследовала их от него».

— Добрый день.

В который раз Александра сдалась и приняла его правила игры.

— Не желаешь присесть?

Села. Очень удобное, совершенно неудобное для Александры кресло. Оно слишком мягкое, и, чтобы встать с него, ей понадобятся некоторые усилия. Оно слишком уютное, и в ее бедной голове, измученной бессонными ночами, сразу началось легкое кружение и покачивание.

— Чай, кофе? Сок? Может быть, выпьешь чуть-чуть? Я вижу, ты расстроена.

— Кофе. С коньяком.

Александра никогда не пила так рано. Но чашка кофе сейчас была необходима. Пусть даже с коньяком. Иначе не выдержать.

Женщина с незаметной внешностью принесла и поставила на инкрустированный столик перед Александрой поднос — огненная турка с кофе, чашки, пузатые бокалы, какие-то тартинки и пирожные. Александра даже не успела сообразить, когда Краснов приказал доставить все эти роскошества в кабинет. Или прислуга нынче читает мысли на расстоянии?

Хозяин встал, достал из бара бутылку коньяку.

— Кажется, неплохой, — заявил он после неестественно пристального изучения этикетки.

— Наверное, самый лучший. — Александре удалось вложить в это замечание весь скупо отпущенный природой сарказм. Но Краснов этого не заметил. Вполне убедительно не заметил. Близкие знали эту его манеру — пропускать мимо себя все то, что не может причинить реального вреда. Он словно загораживался невидимым щитом, становился совершенно непроницаем. Впрочем, сарказм тут и впрямь неуместен. У Краснова всегда все самое лучшее. «Именно поэтому он на мне и не женился», — припомнила Александра. У него должна быть самая лучшая жена! Но жена у него так и не появилась. И у Александры нет мужа. Краснов стал первым ее мужчиной. И остался единственным.

Кофе был огненно горяч и вкусен. Коньяк придал ему необыкновенный аромат.

Александра всегда была чувствительна к запахам и сейчас безошибочно определила, что для Краснова эта рюмка коньяку — не первая на сегодня. Хотя только пробило полдень. Мало того — сквозь сандалово-кожаный аромат его одеколona, сквозь ментоловый холод дыхания, сквозь кофе и коньяк она уловила шлейф вчерашнего алкоголя. Не запах, скорее намек на запах, но просвещенному достаточно.

— Я тебя слушаю, — сказал он, подавая знак всей своей холеной физиономией — приподнялись густые брови, вздрогнул вопросительно уголок рта, внимательно взглянули шарик ртути. — Тебе нужна помощь. Деньги?

— Нет. Разве я когда-нибудь приходила к тебе за деньгами?

— Мне кажется, в этом не было необходимости.

Краснов деликатно указал Александре на ее шесток. В этом и впрямь необходимости не было. Деньгами он обеспечивал свою несостоявшуюся супругу исправно, ежемесячно. Сначала это были доллары в безликих белых конвертах, их привозил немолодой, смахивающий на Челентано мужчина, шофер Краснова. Потом они стали приходиться на личный счет Кире. Не слишком много, не слишком мало. Необходимо и достаточно. Так что он прав.

— Что-нибудь с девочкой?

Наконец догадался спросить.

— Да. Кира... Она пропала.

Встал, заходил по кабинету.

— Поясни.

Тут Александре требовалось все самообладание, чтобы не вскочить, не заорать по-базарному, не устроить истерики.

— Она ушла из дома. Это в лучшем случае. В худшем — стала жертвой преступления.

— Ты заявила в милицию?

«Да! А ты как думал! Что я буду сидеть в своем кабинете и жрать коньяк до обеда, а потом приду к тебе на кофе с тем же коньяком?» Но вместо этого Александра произнесла:

— Да. Конечно. Они убеждают меня, что Кира именно ушла из дома. Что она вернется или как-нибудь даст о себе знать. Что никаких... Никаких криминальных трупов у них не появлялось, что маньяков в области не водится. Что нужно просто ждать...

— Может, они и правы, — протянул Краснов, достал из хрустальной коробочки сигарету, предложил гостю.

Александра никогда не курила, по сигарету взяла зачем-то.

— Это очень крепкие, «Житан», — предупредил ее бывший — муж? возлюбленный? Бывший отец ее бывшей дочери?

Такую мысль Александре не следовало допускать в голову. Она разревелась. Слезы ее определенно не украсили. На щеках сразу же появились красные пятна, мгновенно отекли веки и волосы под слоем лака стали безжизненно-тусклыми. К тому же макияж, нанести который Александре стоило трудов и самообладания, погиб. От этого ей стало еще горше.

— Успокойся, дорогая. — Голос Краснова звучал непривычно мягко. На него всегда действовали женские слезы. К тому же он никогда не видел Александру плачущей. Он никогда не видел ее жалкой, униженной, опустошенной. — Успокойся. Вот, возьми платок.

Она не взяла платок — в последнюю секунду подумала, что не хочет оставлять на изысканном английском полотне потеки туши, мазки помады, постыдную слизь. Александра достала из сумочки пачку бумажных салфеток, утерлась. Краснов стоял рядом с ней,

пристально смотрел, как она утирается, сморкается, громко прерывисто вздыхает. В его взгляде было сочувствие и что-то еще неуловимое — так автомобилист смотрит на раздавленную им кошку. Дворовую, бродячую, полосатую, никому не нужную и не милую кошку. Живая все же тварь, да.

— Успокойся. Я обещаю — мы ее найдем. Я подниму все свои связи. Ты меня слышишь?

— Да, — ответила Александра, уводя глаза с линии огня его взгляда. — Живая тварь, да. Помоги мне. Помоги нам. До свидания. Сделай что-нибудь. Я знаю, ты можешь. Ты можешь почти все. Ты не мог стать отцом своей дочери. Ты не мог стать моим мужем. Ты не... Но ты можешь ее найти. Я знаю.

Большую часть своего монолога она произносила уже на улице. За рулем автомобиля. Стоя в пробке, потом стоя под светофором. Александра говорила громко, по никто не обращал на нее внимания. Может быть, думали, что она говорит по телефону как у диспетчеров — все на голове, а руки свободны, о да, руки у нее теперь свободны.

Ей не хотелось домой. Дома Галина сидит над картами. В доме пахнет кофе, корвалолом и тревогой — а раньше пахло Кирой, ее любимым миндалем в шоколаде и духами от Сержа Лютена. Но куда податься? На работу? Заехать проинспектировать один из магазинов? Пойти в кино? В кабак? За много лет жизни в Петербурге Александра не завела себе подруг. Она делилась своими тайнами с герберами и доверяла мечты туберозам. Да и какие могли быть у нее мечты и тайны? Будь у нее подруга — она не смогла бы обсудить с ней ни кулинарного рецепта, ни сладких подробностей бразильского сериала, ни распродажи в ближайшем бутике. Приготовлением пищи, добротных и вкусных домашних блюд, занималась Галина, сериалов — ни бразильских, ни русских — Александра не смотрела, а гардероб ее последние десять лет составляли костюмы, покромом изумительно похожие друг на друга. Так что обсудить с гипотетической подругой Александра могла только тонкости своего изящного бизнеса и те странные, туманные полумечты-полувидения, которые нежно одолевали ее в свободные минуты. Но разве об этом говорят вслух? Только шепотом, только с цветами...

Куда подаются женщины, когда им некуда пойти? Когда нет сил думать ни о своей, ни о чужой жизни и хочется, чтобы отпустило. Хоть минуту передышки выпросить бы у этой боли, которая ледяными когтями сжимает горло...

И Александра все же решилась заехать в магазин. Их всего было шесть, по всему городу. Не однодневные закутки с чахлыми розочками и гвоздичками — изящно декорированные, удачно расположенные элитные магазины. И работали там не скучающие куколки, озабоченные пережевыванием приторных резинок, а настоящие специалистки, обученные флористике и дизайну. Не обязательно хорошенькие, но привлекательные и элегантные. Впрочем, какая дуреха не смогла бы привлекательно выглядеть в сочиненной Александрой форменной одежде! Сине-зеленые пышные юбки, кокетливо-строгие мундирчики. В этом салоне уже давно работали две подружки-веселушки, Рита и Оля. Точка располагалась на бойком месте, и не так давно туда приняли еще одну девушку. На нее-то Александре и хотелось взглянуть. Директриса этого отдельно взятого магазина была наделена разветвленной системой родственных связей и то и дело норовила пропихнуть на теплое местечко какую-нибудь племянницу Манечку, неумеху и неряху. Это следовало пресекать.

Но эта девушка была определенно хороша. Под внимательным взглядом хозяйки она быстро и ловко составила букет — на день рождения подруге, как объяснил вошедший в

салон одновременно с Александрой спортивный мужчина. Оба остались довольны восхитительно нежным, невинно-провоцирующим букетом. И только когда клиент, оставив в кассе голубенькую бумажку, ушел, девушка обернулась к Александре и спросила:

— Александра Леонидовна, а вы меня не узнали?

Мудрено было ее узнать. Одноклассница и единственная на ее памяти подружка Киры изменилась почти до неузнаваемости. Наташа Ренквист, русская дурнушка с красивой шведской фамилией, несомненно похорошела и стала все-таки походить на героиню скандинавского эпоса.

— Наташенька, здравствуй! Погоди, как ты тут оказалась?

Идиотский вопрос. Но Александре как-то больше ничего в голову не пришло.

— Так у меня же теперь фамилия мужа, — потупилась Наташенька. Ну конечно же к этой новой внешности — без скобок на зубах, прыщей на лице и лишних килограммов на фигуре — обязательно должен полагаться супруг. Вероятно, с соответствующим экстерьером, но без особых доходов. Иначе зачем бы ей работать?

«Мне стоит поговорить с этой девочкой, — решила Александра. — Хотя бы для того, чтобы поговорить с ней о Кире». Они были дружны, пока учились в школе. Смешная толстушка с бесцветными волосами, туго затянутыми в хвостики... Теперь по красоте она может сравниться со своей былой наперсницей. Только Кира — лилия, слишком хрупкая, слишком бледная. А эта — чайная роза в пышных оборках, в волнах сладкого аромата.

— Наташенька, а ты приходи ко мне вечером. Запросто приходи, не стесняйся, хорошо? Тетя Галя будет рада тебя увидеть снова. Посидим, поговорим. Хорошо? Ты еще помнишь, где мы живем?

— Помню, конечно. Я обязательно приду.

Она еще что-то говорила, но Александра ее не слышала. У нее ненадолго помутилось в голове, и пестрая рябь цветов понеслась перед глазами. Внезапно и эти яркие краски, и аромат показались ей невыносимыми. Зачем ей все эти цветы, если нет Киры?

— Вам плохо? — знакомый голос. Ах, вот кто это — следователь в потертых джинсах. Сейчас он, правда, в костюме. — Вам нужно присесть, и воды стакан. Девочки, ну же...

— Не надо, не надо, — пробормотала Александра довольно жалким голосом. — У меня просто закружилась голова. Здесь душно.

В магазине всю работу выполнял кондиционер, но ее слова приняли на веру. И выпустили — без стакана воды. Кленов, правда, увязался за ней. Поддерживал за локоть, подозревая в намерении рухнуть в обморок.

— Как вы тут оказались? — поинтересовался он у Александры, нахально усаживаясь на переднее сиденье ее автомобиля.

— Это мой магазин, если вы помните. Я заехала проверить, все ли в порядке.

— Надо же, — протянул Кленов. — Вчера, например, вы не произвели на меня впечатления женщины, которая может помыслить о делах. О, изменчивая женская натура!

На это «изменчивой женской натуре» ответить было нечего. Оправдываться? Чего не хватало! И она промолчала.

— Уж не получили ли вы, часом, сведения о том, где находится в данный момент Кира Леонидовна Морозова?

— Нет, — ответила Александра.

— А вот у меня, пожалуй, есть кое-что для вас, — объявил Кленов. Тон у него совсем изменился, изменилось и выражение лица. Теперь он выглядел скорей добрым дядюшкой,

наставляющим на путь истинный заблудившееся дитя. — Даже можно сказать, радостная новость. В общем, в этом году ваша дочь поступила в Академию театрального искусства. Хотела быть актрисой, да.

— Кира?!

— Вы удивились, — довольным голосом констатировал Кленов. — Вы ничего об этом не знали?

— Вы могли бы сразу мне сказать: «Вы плохая мать», — ответила Александра. — Да, я ничего об этом не знала. И удивилась, конечно. Поймите меня правильно: я была слишком занята. У меня...

— Бизнес. Конечно, я знаю, — покивал Кленов, черт бы его побрал!

Быть может, он и не хотел Александру обидеть. И не было в его словах послышавшейся ей злой иронии. Дескать, надо же, как мы заняты! Даже недосуг собственным дитем заняться! Дело в том, что у Кленова тоже был сын Вадик. Шестнадцатилетний оболтус при разделе совместно нажитого имущества достался супруге, и с тех пор Евгений Эдуардович видел его нечасто. Надо заметить, сынуля тоже не особенно рвался к папочке, считая его густопсовым неудачником, да еще и больным на голову — кто ж в наше время работает на государство?

Но тут, кажется, пришло и для Александры время отыграться.

— А вот вы что тут делали, товарищ следователь? — поинтересовалась она, постаравшись придать голосу медовую сладость. — Букетик покупали? Или за мной следили? Или, не дай бог, сведения собирали?

— Собирал, — поспешил признаться следователь Кленов. — Представьте себе. И если уж зашла речь о нашем с вами общем деле, не могли бы вы сообщить мне — кто эта девушка, которую вы пригласили только что в гости?

— Разумеется, могла бы. Это одноклассница моей дочери, Наташа. Единственная ее приятельница, насколько я могу судить.

— Насколько вы можете судить, — шутовски поклонился Кленов. — А почему же вы, сударыня, мне не сказали, что одноклассница вашей дочери и ее приятельница работает в вашем магазине? Почему скрыли этот факт, но тайком от меня пригласили эту мадемуазель пошептаться у вас дома, за чаем?

— Я не знала, что она у меня работает, — сжав зубы, пробормотала Александра. — У меня шесть магазинов, подбором персонала занимаются директора магазинов!

— Все ясно, — просветленно покивал Кленов. — Только давайте договоримся: вы изложите мне суть вашего разговора сразу же, как только он закончится.

— Сразу же? А вы что — собираетесь в это время курить на лестнице?

— Зачем же курить? Во-первых, я не курю. Во-вторых, полтора года назад шотландец Александр Белл получил патент на первый практически пригодный телефон. Что из этого следует, догадываетесь?

— Хорошо, — вздохнула Александра, как-то вдруг очень устав от этого разговора и от самого Кленова, такого эрудированного, веселого и находчивого. — Хорошо, я позвоню вам. А теперь всего хорошего.

— Вы разве меня не подвезете?

— До метро, — объявила Александра, заводя машину.

Галина напекла пирожков с капустой и с мясом. Пирожки стояли на столе в двух плетенках, накрытых белоснежными салфетками, и источали божественный аромат, от которого у Наташи сводило желудок, истомленный многодневной диетой. Кто их придумал, эти диеты? Кто придумал эти каноны красоты, из-за которых у нее в жизни все так неладно? Если бы она была красавицей, худой и воздушной, как Кирка Морозова, в жизни у нее все пошло бы по-другому, в этом Наташа была уверена. А так — все наперекосяк. Еще в детстве ее жалели бабушка с дедушкой. Бабушка Анна Аркадьевна была врачом, известным не только в Петербурге, но и за пределами страны психиатром, и то и дело изобретала для внучки разнообразные методики питания. Надо было тогда слушаться ее, а не таскать из холодильника толстые куски докторской колбасы! Потом, когда они оба умерли — дед от сердечного приступа, а бабушка через полгода от горя, как заявила ее коллега Мария Николаевна, следить за Наташей стало некому. Она осталась одна в огромной питерской квартире, и можно было есть колбасу сколько влезет! Она так и поступала. Готовить она не любила, да, в сущности, и не умела.

Всю предыдущую жизнь она прожила за бабушкой и дедом, как за каменной стеной. Где-то еще за границей обреталась и мамаша, но от нее только иногда приходили письма и посылки с красивыми вещами, которые в большинстве были Наташе малы или узки. Вероятно, мамочка не принимала во внимание то обстоятельство, что чадо растет и фигурой отнюдь не Твигги. Но потом и эти грустные посылки как-то прекратились. Из подслушанных бесед бабки и деда Наташа узнала, что у матери «проблемы с алкоголем», кажется, еще и проблемы с нынешним мужем. В общем, ей не до ребенка. Так что, оставшись одна, Наташа даже не стала писать матери. Вряд ли она даже узнала о смерти родителей своего первого мужа, а быть может, и сам факт существования дочери изгладился из ее отравленной алкоголем памяти. Впрочем, покинутое дитя на жизнь не жаловалось. После смерти родственников ей досталось неплохое наследство — долларовый счет в банке от бабушки и коллекция картин и скульптур от деда-искусствоведа. Можно было жить в свое удовольствие. Бабушка с дедом жили строго. Ночные клубы и рестораны — для бездельников и шалопаев. Алкоголь и никотин — смертельные яды. Внучка должна пойти по стопам бабушки, благо дорога для нее уже проложена. После института можно выйти замуж, благо жених уже есть. Скромный юноша, тоже сирота, племянник Марии Николаевны. Учится в университете на факультете компьютерных технологий. Жених с невестой дружат с детства. Что интересного в ее жизни должно случиться после свадьбы и окончания института, Наташа понимала смутно. Наука о психах? Кафедра в институте? Бред какой-то. Жених-сирота ей в общем нравился — смирный, из такого веревки вить можно. Хотя, если вдуматься, тоже не фонтан. Длинный и тощий, без намека на мышцы, глаза грязно-серые, на лбу и подбородке — прыщи. Наташа была уверена, что жизнь с ним будет столь же бессмысленна и безрадостна, как зазубривание латинских названий костей черепа, а их в черепе, с вашего позволения, двадцать девять!

Институт она бросила. Как-то само собой получилось. Выяснилось, что ночные клубы — не такое уж ужасное место, как толковала бабушка. Выяснилось, что вовсе не обязательно уметь готовить самой — в городе полным-полно чудесных кафе, где можно в любое время перекусить, а ужинать пойти в ресторан! Еще выяснилось, что отдыхать можно не в

подмосковном санатории, куда бабка с дедом мотались каждый год всю жизнь, с завидным постоянством, и ее таскали с собой — а скука там была смертная, — но и за границей. В Турции, в Египте, на тропических островах, где золотые пляжи, синий океан, райская жизнь, как в рекламе дрянного шоколада «Баунти».

Друзья семейства Ренквист пытались, разумеется, принять участие в судьбе сиротки. Бабушкины знакомые отступились от Наташи после того, как она бросила институт. Все они были медиками, и для них отступничество от Эскулапа и Гиппократов выглядело предательством. Дедовы приятели — коллекционеры, ценители, художники — продолжали общаться с «маленькой Ренквист». Некоторые из них, как Наташа полагала, с не вполне бескорыстными целями. Ожидали, когда разгулявшаяся сирота начнет распродавать коллекцию Павла Карловича Ренквиста.

Но не дождалась. До этого дело не дошло — Наташа вовремя очнулась. Огромный куш из бабушкиных денег был уже выброшен на ветер. Нужно было идти работать, искать средства на жизнь. Но куда податься? Младшая Ренквист подалась продавщицей в парфюмерный магазин, но там ей не понравилось. Из салона, где продавались сотовые телефоны, ее вежливо попросили через месяц. Психиатричка из районной поликлиники, узнав про бедственное положение дел внучки Анны Аркадьевны, устроила ее работать в регистратуру и сумела убедить в необходимости продолжить учебу. Наташа решила восстановиться в институте и, сидя в регистратуре, не ленилась открыть учебник... Но тут появился Егор.

Бледный ангел в кожаных джинсах, он появился в поликлинике рано утром, когда Наташа еще не успела подкрасить губы и потому чувствовала себя незащищенной. Здание поликлиники было с ее домом по соседству, она часто по утрам прибегала на работу без макияжа и успевала нанести «боевую раскраску» в промежутке между явлениями пациентов. Молодой человек попросил записать его к благотельнице-психиатричке. Наташа отыскала его карту. Георгий Карев, двадцати девяти лет от роду, по знаку зодиака — Скорпион. Сиротка Ренквист влюбилась в Скорпиона с первого взгляда и теперь лихорадочно вспоминала — как там с гармонией между Скорпионами и Водолеями? Но так и не припомнила, потому что ее одолела другая мысль — бледный ангел сейчас посетит врача и упорхнет, и она больше никогда его не увидит!

Следовало что-то предпринять. Наташа заперла регистратуру и побежала к врачу с охапкой больничных карт. Георгия она увидела в очереди, перед дамой-истеричкой и печальным алкоголиком. Увидела — и впала в ступор. Так и стояла всем на посмешище примерно три минуты, пока ее не привела в чувство проходившая мимо по своим делам уборщица Ленка.

— Ты чего тут застыла? Медузу Горгону увидела?

Ленка закончила филфак, работала учительницей литературы, пока не начала пить и не попала в уборщицы, но в жизни разбиралась слабо. Какая ж это медуза? Это красивейший человек, какого только Наташе приходилось видеть!

И он обратил на нее внимание. Пока она стояла в больничном коридоре, на грязно-зеленых стенах которого тосковали плакаты «Случайные связи — путь к заразе» и «СПИД не спит!», он на нее посмотрел и сделал, вероятно, самые благоприятные выводы. Потому что, выйдя из кабинета, не прошествовал к выходу, а нагнулся к окошечку регистратуры.

— Кто-кто в теремочке живет? — поинтересовался он низким и томным голосом, от которого у Наташи сладко заныла душа и внизу живота стало горячо.

— Это я... Мышка-норушка, — ляпнула она, стараясь поддержать затеянную им игру.

— А прозвище у мышки есть?

— Наташа...

— А я Георгий. Егор.

— Я знаю...

Он демонически изломил бровь и щедро улыбнулся. Отвел с лица темную прядь — волосы были длинные, шелково-блестящие — кондиционером он пользуется, что ли?

— Ты во сколько заканчиваешь? — спросил он, Наташа даже не сразу поняла о чем.

— Я... А, в шесть.

— Я зайду.

Он не разрешения спрашивал, просто объявил о своем решении зайти, и все тут! Примите к сведению. Наташа приняла. Она упростила практикантку посидеть за нее в амбразуре регистратуры, сбегала домой, приняла душ, уложила волосы, переделалась. Просто и со вкусом — джинсовый костюм от Dolce&Gabbana и туфельки от Mia Mia. Все было куплено еще осенью, в Милане, где Наташа прогуливалась по Пьяцца Дуомо, а потом пила кофе и ела восхитительные маленькие сэндвичи в кафе на Сант-Андреа. Как же оно называлось, это кафе? Не важно, уже не важно. Этой весной она поедет в Милан с Егором...

Она чуть не опоздала — мечты и воспоминания затягивали ее, как мед затягивает безмозглую муху. Но Егор, надо сказать, тоже особо не торопился — он вошел в двери, когда старомодные часы в холле показывали уже без пятнадцати семь, а Наташа устала отвечать на удивленные вопросы «коллег»-врачей. Раньше она свою работу таким вниманием не баловала.

Георгий приехал за ней на прекрасном серебряном автомобиле, и она все хотела спросить, как он называется, и все не могла решиться продемонстрировать свою отсталость. Разговор вообще не клеился. Наташе все никак не удавалось ввести себя в душевное состояние барышни, которая едет на свидание с очередным блестящим кавалером, а Георгий просто думал о чем-то своем, внимательно смотрел на дорогу и насвистывал мелодийку из фильма «Убить Билла» — ту самую, которую насвистывает жутковатая одноглазая медсестра, неся перед собой шприц, заряженный ядом.

На перекрестке перед кстати переключившимся светофором он, быстро наклонившись к ней, крепко и деловито поцеловал ее в сжатый, не ждущий поцелуя рот, и все как-то переменилось, словно деликатная рука убавила свет. Наташа разговорилась, она рассказывала Егору про Милан и Лондон, про рестораны, в которых ей случилось побывать, и про знаменитостей, которых удалось увидеть, а он внимательно кивал и улыбался.

Они поехали в китайский ресторан, где Егор учил ее есть палочками — только для того, чтобы прикоснуться к ее руке, конечно! — а потом к Наташе домой. На следующий день Наташа взяла отгул, и через день — тоже. Когда же она все-таки пришла на работу, силой выпихнув себя из мятого, мягкого постельного тепла, уборщица Ленка прокомментировала это событие фразой из сборника диктантов Розенталя:

— Усталые, но довольные, возвращались ребята домой, — и заржала так, что перепугала даже выдавших виды психов в очереди.

И жизнь пошла совсем хорошая, как у людей. Правда, в институте Наташа так и не восстановилась. У нее появились домашние дела, у нее появился семейный очаг, который нужно было поддерживать, пусть даже с помощью полуфабрикатов и растворимых супов. Через месяц Егор сделал Наташе предложение, преподнеся колечко с небольшим, но чистым

бриллиантиком, и она настояла на том, чтобы познакомиться с его матерью. До знакомства со своей избранницей Георгий Карев жил на Васильевском острове в коммунальной квартире. Его дом опечалил Наташу с первого взгляда — на первом этаже какой-то хозяйственный склад, полуразрушенные, осевшие от груза времени стены скрывают отвратительный коммунальный хаос. Мать Егорушки оказалась худой и костистой бабой, с лицом застывшим в отвращении к окружающему миру. К встрече с невесткой она, очевидно, долго готовилась — в единственной комнате был накрыт шаткий стол. Вареная картошка, салат из отвратительных крабовых палочек, щедро залитый майонезом, бутылка подозрительной водки.

Впрочем, сама хозяйка вкушала огненную воду с энтузиазмом, даже не взглянув на бутылку мартини, принесенную парочкой в дар. Употребив больше половины бутылки, она растрогалась, стала слезливой и агрессивной одновременно — в русском алкоголизме эти две ипостаси сочетаются самым причудливым образом. Егорушка морщился и вздыхал, потом вообще встал и вышел «за сигаретами». Очевидно, в этот день на Васильевском острове объявили никотиновый мораторий, потому что не было его минут сорок. За это время Ольга Анатольевна успела исплакаться от любви и сочувствия к своей будущей невестке.

— Такая ты беленькая, такая нежная, — приговаривала она, обдавая Наташу запахом водки и тухлой рыбы, что было вдвойне удивительно, потому что никакой рыбы, ни тухлой, ни свежей, на столе не наблюдалось. — Погубит тебя мой охламон. У-у, весь в своего папочку окаянного, гуленого. Ну да ничего, авось остепенится с тобой-то рядом. Ты его — слышь? — во как держи, чтоб ни-ни... А так он парень хороший, башка у него варит, ты не смотри, что он в тюрьме сидел, сейчас все сидят...

От последнего сообщения Наташа так обалдела, что даже не заметила, как свекровь допила водку и заснула, как сидела, только голову откинула на спинку потертого кресла. Тут и Егор вернулся.

— Так и знал, — сухо заметил он, взглянув на утомившуюся родительницу. — Не сердись на меня, зайчонок.

— Ну что ты! — с готовностью отозвалась Наташа, понимая, как ему сейчас больно, и тяжело, и стыдно за такую мать, припомнив и свою мать тоже — бросившую ее двух месяцев, неизвестно куда пропавшую.

И только ночью, в постели, когда они распили бутылку шампанского и Наташа, сладко обессиленная, лежала на мускулистом животе Егора, а тот курил и небрежно играл ее прядями, она решила спросить:

— Скажи, а правда, что ты сидел в тюрьме?

— Мамаша сообщила? — усмехнулся Егор в темноте. — Во дает, уже успела. Было дело. Полтора года целых.

— А... За что?

— Менты подставили. Я проходил свидетелем по одному неприятному делу, а они мне подкинули героин и залистали. Не думай об этом, зайчонок. Все хорошо.

Они поженились в мае, даже несмотря на то, что Ольга Анатольевна Карева умерла за неделю до назначенного дня бракосочетания. Умерла, отравившись паленым спиртом, не вызвав особого сожаления даже у своего единственного сына. Наташа боялась переносить свадьбу, боялась до нервной дрожи и кошмарных снов, но этого и не пришлось делать.

— Она была больным человеком, она давно была алкоголичкой, — сказал Егор, когда

они вернулись со скромных похорон и Наташа снимала черную блузку, чтобы повесить ее в шкаф, рядом с белоснежным свадебным платьем. — Но я думаю, то, что в ней оставалось от нормального человека, от моей матери, которую я помню с детства, радовалось нашей любви. И ее душа не будет против нашей свадьбы, и никто нас не осудит.

И Наташа охотно согласилась с женихом.

На свадьбу ей некого было звать, по свидетельница-то нужна? Невеста наотрез отказалась от приятельниц Егорушки в роли подружек невесты. Все они были вертлявые, нахальные, особенно раздражала Наташу одна готическая образина — черные волосы до пояса, пальцы, шея, уши увешаны черными опалами, радикально черный макияж и кружевное черное платье, сквозь которое просвечивали все ее соблазнительные прелести! Прозвище было образине — Эльвира, и ее Наташа возненавидела больше всех, а ведь именно ее Егор и прочил Наташе в свидетельницы!

Но тут, на счастье, она столкнулась с бывшей одноклассницей, старой подружкой Кирой Морозовой. Встретились они случайно, в маленьком бистро, где Кира задумчиво прихлебывала кофе без сливок и сахара, а Наташа поджидала ушедшего «по делам» Георгия в компании молочного коктейля и ломтя клубничного торта.

Подружки обрадовались, даже расцеловались и стали болтать о том о сем, как могут болтать только две двадцатилетние особы, встретившиеся после долгой разлуки. Конечно, болтала в основном Наташа. Кире же, которая так и не оторвалась за прошедшие годы от подола своей матери, рассказывать было, в сущности, нечего. Зато она отлично слушала, в нужных местах ахала и мечтательно улыбалась, и по ней видно было — завидует. Рассказ о своей невероятной любви и невероятном же счастье Наташа завершила просьбой — пусть Кира станет свидетельницей на ее свадьбе, потому что другой такой подруги у Наташи нет и не будет!

— Да и ты сама повеселишься, развеешься, — убеждала Наташа свою подругу, чувствуя превосходство над ней и готовясь теперь оказывать ей всяческую заботу и покровительство. Теперь, похорошевшая и счастливая, она имела на это право.

— Да уж, повеселюсь, — вздохнула Кира, болтая ложечкой в чашке. — Мама меня или не отпустит, или сама со мной пойдет. Сама вряд ли, у нее дел много, а вот Галю снарядит...

Наташа тоже вздохнула. Только тети Гали и не хватало на ее свадьбе, замысливавшейся как богемно-молодежное мероприятие! Будь там куча престарелых родственников и родственниц, еще куда ни шло...

— И никак не отвяжешься?

— Можно попробовать, — повеселела Кира. — Они ж меня только в театр спокойно отпускают, да в парикмахерскую, да вот еще по магазинам, как сегодня... Во сколько регистрация, в два? Так я скажу, что пойду в салон, потом в театр, а сама к тебе. В девять мне надо быть дома... Но тут уж ничего не поделаешь!

— Отлично, — отозвалась Наташа, выглядывая в окно. — О, а вот и Георгий!

Егорушка принес невесте красную розу, был представлен подруге и так элегантно склонился над ее рукой, что у Наташи неприятно екнуло внутри. Кира тоже не осталась равнодушна к явлению чернокудрого красавца. На ее лице ничего особенного не отразилось, но Наташа-то знала свою подругу с первого школьного звонка и изучила ее достаточно хорошо!

Но переигрывать ситуацию было поздно, и Кира пришла к Наташе утром в день свадьбы, чтобы помочь ей одеться. Ради подруги Кира изменила своему любимому белому

цвету, нарядившись на этот раз в потрясающее светло-оранжевое платье — от Валентино, как она без малейшего оттенка хвастовства пояснила Наташе. Оранжевое шло Кире, на бледные губы и щеки ложились пламенные отблески, черные волосы струились по плечам, глаза блестели, и платье так нежно подчеркивало хрупкость ее фигуры, что невеста моментально почувствовала себя толстой коровой. Трепетно выбранное платье оказалось ворохом дурацких юбок, кринолин — антикварным излишеством, прическа — нагромождением глупых овечьих кудряшек. От нового видения самой себя и окружающего мира Наташа вдруг расплакалась и успокоилась только тогда, когда увидела, что Кира плачет вместе с ней. Оказывается, перед свадьбой невесте полагается плакать! Кира похвалила и платье, и туфли, и прическу и помогла Наташе с макияжем, и Наташа простила ей модную хитрость, простила Валентино, потому что у нее-то, у Наташи, был Егор, а у Киры никого не было!

Свадьба прошла успешно, а вот дальше все переменилось. Наташа, теперь уже по мужу — Карева, принялась обустраивать свое семейное гнездо, не задумываясь до времени над тем, что супруг прилетает в вышеозначенное гнездо все позже, а червячков приносит все меньше. Наследство Наташино окончательно растаяло — его съели свадебные расходы, свадебное же путешествие на Мальдивы, покупка приданого (какая семейная жизнь без шелковых простыней?) и прочие мелкие радости. Супруга же эти временные трудности, как оказалось, не особенно напрягали — он продолжал жить своей таинственной жизнью, работать на таинственной работе и домой возвращаться все позже и позже. От него пахло виски и чужими роскошными духами, и он все чаще засыпал на шелковых простынях, отвернувшись носом к стенке.

Наташа долго сдерживалась, не желая плакаться в жилетку Кире, перед которой так щеголяла своим счастьем. Но Кира позвонила сама и показала страдающей супруге такой близкой и родной, что Наташа не выдержала и рассказала ей о своих бедах.

— И к тому же я из-за этих неприятностей снова набрала четыре килограмма, потому что, когда я переживаю, я ем!

— Ты чувствуешь себя оставленной, потому что нигде не работаешь, — пояснила Кира. — Тебе нужно чем-нибудь заняться, понимаешь? Тогда у вас появится больше тем для разговоров, да и деньги тебе не помешают...

Наташа с трудом представляла себе, куда она может пойти работать. Обрато, в регистратуру? Вряд ли уже примут, лимит благотворительности исчерпан. Да и какие новые «темы для разговора» могут последовать из ее сидения перед крошечным окошечком, куда назойливо тычутся пациенты? Да скорее она сама закиснет в этой чертовой поликлинике, мимо которой ей и ходить-то неприятно, вряд ли ей удастся разнообразить таким способом свою семейную жизнь!

Но Кира неожиданно предложила свой вариант, и к этому варианту Наташа отнеслась более чем благосклонно.

— У мамы ведь цветочные магазины, так? — втолковывала Кира. — Туда то и дело требуются продавщицы. Внешние данные нужны хорошие, ну да это у тебя есть. Умение общаться с людьми тоже есть, ты же не зря в регистратуре своей сидела. Специальное образование — курсы флористов всего месяц...

— Постой, какие курсы? Я никаких курсов...

— Вот и закончишь, — перебила ее Кира. — Я знаю очень хорошие, с их дипломом тебя сразу возьмут. Правда, они платные...

Наташа загрустила — представила себе, сколько стоят эти «очень хорошие курсы» и как это скажется на захромавшем семейном бюджете. Придется, наверное, еще одну картину продать...

— Если у тебя проблемы, я тебя выручу, — обнадежила ее Кира. — Да ты даже не думай об этом! И потом помогу устроиться, не волнуйся.

Наташа взяла у Киры деньги на курсы со спокойной душой. Во-первых, у подружки денег куча, она их вообще не считает, да и тратить ей их, по большому счету, не на что. Во-вторых, ей частенько казалось, что весь мир ей как бы должен. За что? За сиротство, за скучное детство и не менее скучную юность. Да и потом — разве она, Наташа, такая красивая, умная и развитая, не стоит всего самого лучшего?

На курсах дело сразу пошло на лад. Наташе понравилась флористика, понравились цветы, и понравилась она сама себе в новой роли. В самом деле, что за глупость — медицина. Флорист — вот профессия для уважающей себя леди. Так тонко, так грациозно! Цветы в белых пальцах с идеальным маникюром, загадочное и нежное выражение глаз, шуршание и особенный запах оберточной бумаги, трепет атласных лент.

И в магазине ей понравилось. Директриса приняла ее не как искательницу места, а как Кирину ближайшую подругу, которой пришла в голову блажь поработать — для своего удовольствия исключительно. Конечно, как она могла отказать хозяйской дочери!

Но тем для разговора с Егорушкой у Наташи не появилось. Он, правда, обрадовался, когда узнал, что она устроилась на работу, расцеловал и назвал, как раньше, зайчиком, но поведения своего в корне не изменил. К тому же вскоре произошло событие, которое заставило Наташу пересмотреть все свои взгляды на жизнь. После работы она решила немного прогуляться. Егор все равно придет поздно, все равно от него будет пахнуть вином и такими чужими, такими роскошными духами, в которых заключено все — морские брызги, птичьи крылья, запах горячего песка и нежных объятий... Наташа пошла в «Адриатику» — недавно открывшееся кафе, где всегда можно было поесть креветок, устриц и прочих скользких морских прелестей. Там у нее был шанс забыть о своих таких постыдных неудачах и представить себя светской печальной дамой, скучающей над судками с невиданными соусами. Но даже этого невзрачного утешения ей не дано было получить.

Они сидели у окна — ее Егорушка и подлая, бесконечно подлая подруга! Согласно высочайшим канонам предательства она ужинала с ее мужем так, как будто это был абсолютно свободный молодой человек, сроду Наташу не знавший! Сухопарая красотка в стиле Твигги, в потрясающем вечернем туалете — конечно же в светлом! — кормила ее Егорушку мидиями с двузубой вилочки и смеялась. Щурились длинные серые глаза, влажно блестели идеальные зубы, так ослепительна была нежная ложбинка между грудей в вырезе жемчужно-серого платья!

Этого Наташа пережить не могла. Она опрометью кинулась вон из проклятого ресторана, куда ей так некстати пришла идея забрести. Она не помнила, как добралась до квартиры, и осознала себя только после того, как подушка промокла от слез насквозь, а в горле невыносимо засадило. Тогда она пошла в кухню — попить — и долго стояла возле современной хромированной стойки, не помня, кто она и зачем пришла, а потом долго пила прямо из-под крана, чувствуя себя так, будто глотает не чрезмерно фторированную питерскую воду, а уксус и желчь.

Егорушка явился только в шесть часов утра. К этому моменту она порядком напилась — выкушала все, что стояло в изысканно-красивом баре. Полбутылки шотландского виски

промелькнули незаметно, за ними последовал ямайский ром. Потом — итальянское вино в смешной плетеной бутылке. Потом Наташу долго и некрасиво тошнило, а еще потом она «догонялась» водкой и хорошо поставленным, но немзыкальным голосом спывала «Цвѣтэ тэрэн, цвѣтэ рясно», хотя украинской мовы сроду не знала.

— Да-а, вот это картина, — промолвил Георгий, взглянув с порога гостиной на свою благоверную. Та лежала на бело-розовом ковре в окружении пустых бутылок, разбитых стаканов и раскиданных закусок — сначала она еще пыталась закусывать, надо же! — полуголая, мокрая, зареванная.

— Я все знаю, — заявила ему Наташа. — Пошел вон отсюда, сволочь!

Господи, как она потом корила себя за этот отвратительный разгул и за эти кабацкие, скандальные выкрики! Куда, интересно, в тот момент подевался весь опыт, накопленный путем чтения статей в женских журналах — от «Работницы» до «Космополитена»? Вот если бы он никуда не делся, опыт этот, и Наташа смогла выдержать имидж благородно-сдержанной леди, оскорбленной и страдающей, но любящей жены... Но что толку вести речь о пролитом молоке? Пока она выкрикивала проклятия и неверному мужу, и подлой подруге, Егор быстро покидал в огромную дорожную сумку свои вещи, бросил ключи от квартиры с серебряным брелоком-зайчонком (Наташин подарок) на телефонный столик и ушел. Навсегда.

Она это пережила, разумеется. Она даже продолжала ходить на работу, сосватанную подлой Киркой-разлучницей, продолжала ходить только для того, чтобы доказать самой себе — она чего-то стоит и без протезирования, она сможет. Пару раз Наташа приезжала на Ваську — просто так, чтобы пройти мимо окон Егорушкиной квартиры. Разумеется, он жил здесь, куда еще ему было податься? Не к Кире же, под крылышко к ее мамочке и тетеньке.

В окнах комнаты, где жила когда-то Егорушкина несчастная мать, такая же брошенная им, как теперь Наташа, и в самом деле горел свет, двигались, как рыбы в аквариуме, призрачные силуэты. Но рассмотреть что-либо, конечно, было невозможно. Квартира располагалась на высоком втором этаже. Только раз Наташа заметила в окне фигуру соперницы — она вешала шторы. Подумать только — вешала шторы! Обживалась!

Когда в магазин нежданно-негаданно нагрянула хозяйка Александра Леонидовна, Наташа сориентировалась в ситуации моментально. Еще пока составляла букет для подруги какого-то молодящегося придурка, она все просчитала и приняла решение. Разумеется, Морозова пришла просить для своего будущего зятка свободы. Может быть, даже не просить, а требовать, чтобы Наташа дала Георгию Кареву развод. Повела себя хозяйка очень умно, хоть и непонятно — сделала вид, что не узнала Наташу. Или и вправду не узнала, ожидала увидеть за прилавком толстуху в очках? Но Наташа ее одернула, обратила на себя внимание невинным детским вопросом. И про мужа упомянула вскользь, очень кстати — пусть знает, что Наташа не намерена отказываться от своего единственного... Задаром.

Александра Леонидовна глазом не моргнув проглотила эту пиллюлю. Пригласила Наташу на чай вечером! Понятно, не в магазине же разговаривать в присутствии двух продавщиц, сверхлюбопытной директорши, уже показавшей острый носик из дверей своего кабинета, и покупателей, которые могут в любой момент прийти!

И Наташа решила твердо: если уж Егорушку не вернуть, то пусть Кире и ее мамаше он обойдется как можно дороже. Такой своеобразный обмен: семейное положение меняю на холостое. С доплатой.

И вот теперь ее ожидало такое потрясение. Наташа смотрела на Александру Леонидовну опустевшими глазами, которые сейчас благодаря стеклянному блеску линз, васильковому оттенку и неподвижности здорово смахивали на глаза пластмассовых кукол времен детства Морозовой-старшей.

Кира сбежала из дома! Наша послушная овечка улизнула с любовником от авторитарной мамы, которая всю жизнь ее на поводочке водила! И тут Наташа снова проявила завидную реакцию и хватку. Она сообразила: если она сейчас сдаст явку на Васильевском острове, переполошившаяся мамаша, вероятнее всего, унесет оттуда Кирочку в когтях, и очень далеко. Варианты простираются от домашнего ареста до скоропалительного отсыла бедняжки на один из тех райских островов, которые так любит Наташа! Это раньше согрешивших дочерей в монастыри запирали, а теперь их отсылают на курорты. Кому средства позволяют, конечно. Разлучница отправляется на райский остров или садится под домашний арест, чтоб неповадно было уводить чужих мужиков, а Наташа ласковой лисичкой подкрадывается к Егорушке. Теперь она будет умнее. Никаких пьяных истерик и горьких упреков! Красота, благородство, сдержанная страсть и гордая нежность! Она завоюет его обратно — он же ее муж, наконец!

Воодушевившись идеей возвращения супруга к попоранному семейному очагу, Наташа не без удовольствия съела пирожок, запила глоточком чаю, промокнула губы прохладной льняной салфеткой и сказала:

— Вы зря так расстраиваетесь, Александра Леонидовна.

— То есть? — насторожилась Александра. В этой фразе она, как и следовало ожидать, услышала не одно утешение — успокойтесь, мол, не принимайте так близко к сердцу, — но и колюченький намек. Наташа, девочка себе на уме, явно знала больше, чем можно было предположить.

— А то, что я знаю, где Кира. Ваша доченька сбежала с моим мужем. Нечего сказать — хороша подруга... Да вы не плачьте, Александра Леонидовна. Я вам дам адрес. Главное, увезите от него ваше сокровище, а там я уж как-нибудь разберусь. Хотя, конечно, я вас понимаю. Никто такого от Кирочки не ждал...

Александра плакала и не чувствовала, что плачет. Крупные слезы катились по щекам, повисали на подбородке, падали и оставляли некрасивые темные пятна на белоснежной скатерти.

«Переживает, что дочурка ее так кинула», — сообразила Наташа. Тут можно было бы со вкусом поделиться друг с другом соображениями о том, как Кира могла так поступить с матерью и единственной подругой, какая именно она зараза и как двум умным и опытным женщинам разрешить эту ситуацию без дополнительных потерь. Но Александра Леонидовна, несмотря на все утешения и увещевания (к Наташе присоединилась еще и Галина Леонидовна), продолжала тихо плакать и к дальнейшей беседе была явно непригодна. Поэтому Наташа наскоро начертила адрес на поданной Галиной бумажке и поспешила проститься, пообещав звонить. Теперь оставалось только набраться терпения и ждать, когда беглянка будет водворена на свое место, обеспечив Наташе свободу маневра. Вероятно, отплакавшись, мамаша тут же кинется на Васильевский остров, захватив с собой в качестве поддержки тетю Гаю!

Но тут Наташа просчиталась. Александра никуда не поехала, просто физически не смогла. Сжав в кулак заветную бумажку с адресом, который она заучила наизусть — Васильевский остров, улица Нахимовцев, дом 16/7, квартира 3, — она заснула каменным сном смертельно уставшего человека.

Ошиблась Наташа и в том, что касалось отношения Александры к беглянке дочери. Не испытывала та ни горечи, ни обиды, ни материнской ревности. Только величайшее, ни с чем не сравнимое облегчение. Кира нашла. Она не попала под машину, не стала жертвой похищения, не была увезена в питерские страшные болота маньяком-потрошителем. Она жива, ее можно увидеть в любой момент.

Дальше мысли Александры не шли. Сам факт присутствия Киры в мире живых наполнял ее такой огромной, ни с чем не сравнимой радостью, что она словно не помещалась внутри и выкатывалась наружу вместе со слезами. Она некоторое время плакала даже после того, как заснула...

«Мы шли по черной пустыне. Под ногами пересыпался, отвратительно скрипел черно-серый песок. Песок или пепел? Не знаю. Но во сне Кира была со мной. В этой жуткой пустыне среди черных барханов, под угольно-черным, совершенно беззвездным небом, она шла рядом и страдала от жажды и голода. И хотя я не могла ей помочь — я все равно была счастлива, что моя дочь вернулась и мы снова вместе, пусть даже в этом ужасном сне.

В пустыне бывают оазисы. Мы набрали на один такой — в бархатной зеленой траве пел неумолкающую песню ручеек, цвели небывалые цветы и порхали в кронах деревьев крошечные золотые птички. В кронах деревьев, сказала я? Нет, дерево было только одно. Невысокое дерево с могучим стволом, с гладкими, словно лакированными листочками, оно было увешано темно-багровыми плодами.

— Гранаты, мамочка!

Кира кинулась к дереву — я не успела ее удержать. Но эти плоды нельзя есть! Они растут слишком низко, слишком заманчиво, и в траве под деревом много паданцев, источающих тяжелый, приторный аромат. Они пахнут слишком странно, и в разлом лопнувшей кожицы видны не рубиновые зерна, а мертвая человеческая плоть.

— Не трогай их, Кора!

Я снова называю дочь чужим именем, по сейчас мне некогда над этим задуматься. Я кидаюсь к ней, но она уже сорвала с дерева один из плодов, и сейчас он с жутковатым скрежетом — как будто открывается заржавевшая дверь — лопается в ее руках. Из омерзительного плода хлещет не сок, а самая настоящая кровь. Ярко-алая, живая, дымящаяся, она заливает руки Киры и ее платье. Но моя дочь словно не замечает этого и подносит гранат к губам.

— Не ешь его, Кора!

Она поворачивается ко мне, и я вижу, что это уже не моя дочь. Ее платье сплошь красное, ее нежное лицо исказилось и стало прекрасным — но отвратительно-прекрасным, как и эти плоды. Гранат вызвал это преображение. Передо мной не Кира — жаждущая крови вампирша, волчица за секунду перед броском, демон, потерявший человеческое обличье.

— Кора!

Сновидение тает. Распадаются черные пески, раздвигается небесная тьма, образуя бешено крутящуюся воронку. И в эту воронку попадают и оазис, и дерево, и Кира.

Почему все же во сне я зову ее Корой?»

В тот самый час, когда Александра смотрела свой кошмарный сон, в котором она с дочерью шла по черному песку, в клубе «Монако» на Караванной вечеринка была в разгаре. Клуб — среднее питерское заведение, где группы средней же руки играют регги и рок-н-ролл, где выпивка — хорошая и дорогая, а еда — еще дороже, но плохая. В «Монако» приводили своих подруг менеджеры среднего звена и расслаблялись, как уж могли — с помощью танцев, пива, а порой и кое-чего позабористей — травки, экстази, кислоты.

Менделей был завсегдатаем «Монако». Нет, он не являлся менеджером среднего звена, приходил всегда один и ненадолго. Порой пил виски, но не танцевал. У него и так забот хватало. Менделей приторговывал всякой дурью, и администрация клуба отлично это знала, как знали и постоянные клиенты. Пару лет назад он как-то пропал — и пропал полтора года, но потом явился снова. Очевидно, нанес дружеский визит в места, которые в народе принято называть не столь отдаленными. Никто выяснять не стал, а Менделей не отличался разговорчивостью.

И в этот раз он явился примерно часов в десять. Как обычно, встал у входа, и тут же к нему подошел один из постоянных посетителей клуба. Сережа Гильянов, тридцатипятилетний редактор захудалой газетенки, посвященной новинкам в области компьютерных игр, был не прочь изредка побаловаться чем-нибудь эдаким, отчего сотни раз пройденная, но любимая игрушка «Тихий Дом» становилась еще более занимательной. Наркоманом Сережа не был, но сегодня, как полагал, имел право на маленькую порцию искусственного счастья. Полчаса назад его девушка Оксана отказала ему в руке и сердце, мотивировав отказ недостаточно прочным материальным положением своего бойфренда. И вообще дала понять, что развлекаться с Сережей она готова, а связать свою жизнь собирается с человеком серьезным и положительным. Например, с Пашей Волковым, Сережиным приятелем, присутствующим на этой же вечеринке. У Паши был маленький, но перспективный заводик где-то в Тверской губернии. Заводик производил краски, лаки и прочую химическую отраву, на которую и запала расчетливая Оксаночка.

Неприятно пораженный корыстолюбием, неожиданным в восемнадцатилетней особе, которая по возрасту своему должна думать только о конфетах, цветочках и плюшевых медвежатах, Сережа решительно направился к Менделею и, очевидно, отоварился у него какой-то дрянью, потому что вслед за этим отчалил в дабл и отсутствовал довольно долго. Неизвестно, что он там такое употребил, но вернулся в зал уже совершенно преобразенным человеком.

За время его отсутствия Оксаночка принялась за дело со всем энтузиазмом молодости и сейчас уже танцевала с Пашей Волковым какой-то медленный танец. При этом она что-то нашептывала ему в толстое и мохнатое ухо, так что Паша улыбался самой идиотской из своих улыбок и при этом выглядел человеком, полностью довольным жизнью. Но выглядел он так недолго. У Гильянова, как рассказывали потом очевидцы, в руке оказалось простейшее оружие уличных боев, так называемая «розочка». Именно этой розочкой, образовавшейся из разбитой пивной бутылки, добрейший человек Сережа, за всю свою жизнь обижавший только инопланетных монстров из «Тихого Дома», перерезал горло своему приятелю Паше Волкову. От уха до уха, так что у Паши появилась как бы еще одна улыбка — но уже не милая и смешная, а жуткая и отвратительная. Тихо булькнув, здоровяк

Волков свалился на пол. Оксаночка оценивала событие в течение пары секунд, потом набрала побольше воздуха в субтильную грудную клетку и громко, с переливами завизжала. Впрочем, до коронной рулады она добраться не успела — Гильянов свернул ей шею с быстротой и силой, которые мы могли бы счесть профессиональными, если бы не знали совершенно точно, что самое опасное, на что был способен Сережа в прошлой жизни, — это выругать по-матушке нерадивого сотрудника, который не успел сдать в положенный срок обзор компьютерных новинок, да еще и пришел просить «авансик на пиво».

Только после того, как Оксана упала на пол, словно тряпичная кукла, публика очнулась. Несколько нетрезвых храбрецов кинулись к распоясавшемуся Сереже, администратор зала лихорадочно тыкала острием ногтя в свой мобильник, вызывая милицию, девушки голосили с видимым наслаждением. Но Гильянов, очевидно, больше не собирался развлекать посетителей клуба, потому что кинулся из зала, но не к выходу, а к кухне. Вообще он производил впечатление человека не владеющего собой и потерявшегося в мире своих безумных галлюцинаций. Это подтвердило его дальнейшее поведение — с грохотом и звоном миновав кухню, Гильянов кинулся по подсобной лестнице на второй этаж и, оказавшись в тупике (на лестнице грохотала, пыхла и покрикивала погоня!), выбил своим телом небольшое окошко и рухнул на тротуар. Падения со второго этажа, очевидно, хватило ему для летального исхода, потому что с асфальта он больше не поднялся. Приехавшая бригада упаковала его в черный пластиковый мешок и увезла в морг, туда же попали и корыстная манекенщица Оксана Рябцева, и скромный владелец лакокрасочного завода Павел Волков.

Утречком эта малоприятная и кровавая история легла на стол Евгению Эдуардовичу. Собственно, разбираться в ней особенно не приходилось: двойное убийство произведено на глазах у трех десятков свидетелей, имеется и мотив, вечный как мир, — ревность. Благо бармен прекрасно слышал судьбоносный разговор, состоявшийся между покойным Гильяновым и упокоенной им Оксаночкой. Видел бармен и то, как Сережа удалился общаться с Менделеем, как вернулся после долгого отсутствия и как выразил новообразовавшейся парочке свое недовольство.

И все понятно было бы с этой стороны, если бы не характеристика господина Гильянова, выданная ему знакомыми, присутствовавшими на той же кровавой вечеринке. По их словам, господин Гильянов нравом был суший цветочек, сроду никого не обидел и не оскорбил, а уж чтобы голову голыми руками свернуть... Да он такое наверняка только в боевиках видел, да и то отворачивался. В нетрезвом виде — а потреблял он исключительно пиво — также был кроток, аки голубь.

Так что смутил теперь Кленова только контакт Гильянова с Менделеем, состоявшийся перед самой кровавой разборкой. Даже самому захудалому ежу их питерского реденького лесочка понятно — продал драгдилер безобидному редактору газеты какую-то дрянь, которая и стимулировала такую неожиданную агрессию. Какую именно дрянь — выяснит судмедэксперт Рома с говорящей фамилией Резак, а до тех пор Менделея однозначно следовало прихватить. Хватит, погулял на свободе.

Кленов тоже не вчера родился и справедливо полагал, что в одночасье прихватить зарвавшегося драгдилера вряд ли удастся. Тот был калач тертый, воробей стреляный, наркотики вряд ли хранил на кухонной полке в банке для муки. Можно взять ордер на обыск, но вряд ли из этого что-нибудь выйдет. Менделея следует пасти, пасти старательно и долго, только тогда будет результат. Менее щепетильные коллеги Евгения Эдуардовича не

постеснялись бы, придя к Менделееву с обыском, просто-напросто подкинуть ему пару щепоток героина в запаянном пакетике... Вор должен сидеть в тюрьме, цель оправдывает средства. Но Кленов к ордену иезуитов не принадлежал и поступать подобным образом не хотел. Хотя стоило бы взять на мушку Менделеева — на этот раз он стал причиной смерти троих молодых и неплохих людей.

За всеми делами и размышлениями Евгений Эдуардович как-то подзабыл о преступной туберозе — Кире Морозовой. Подзабыл и о том, что Александра Леонидовна вроде бы обещала отзвониться ему после того, как побеседует с красавицей океанидой, так некстати оказавшейся одноклассницей Киры.

Теперь вот припомнил, когда нашел у себя неизвестно зачем прихваченный из дома Морозовых флакон духов. Необычный флакон, что и говорить. Крышечка — тощенькая девочка в окружении цветущих ветвей — явно сделана из серебра. И крошечная серебряная пластинка впаяна в дно изысканного флакона. Духи назывались «Кира». А фирма, производшая их, скрывалась под загадочной аббревиатурой МАРК. Ничего ни о духах, ни о фирме Кленов раньше не слышал, но мы уже говорили, что он вряд ли мог бы считать себя специалистом в области парфюмерии. Однако в этих духах, в самом факте их существования Евгению Эдуардовичу мерещилось нечто... Скажем так, интригующее и загадочное. Нечто странное.

Ни объяснить себе этого чувства, ни избавиться от него Кленов так и не смог, поэтому решил: навестить бывшую супругу (не столько ее, сколько сына-охламона) и между прочим спросить — не знает ли она про эти духи чего-нибудь интересного? А если и она не знает — поискать в Интернете. Там и не такое можно найти, Кленов это знал. Только карточку интернетную купить надо.

Компьютер у Кленова был старенький, модем — очень старенький. И то и другое досталось от чада.

— Мама купила мне новый, а этот можешь забрать себе, — кинул ему как-то во время одного из нечастых посещений Вадик.

Кленов не оскорбился. В конце концов, старый компьютер купил пацану он сам, на всем выгадывал, даже курить бросил — думал, на пару месяцев, оказалось — навсегда. И забрал умный ящик. И даже полюбил виртуальные просторы Интернета, немного стесняясь этой своей слабости. Вот и теперь, прежде чем нырнуть с головой в «монакские события», он решил пробить по «Яндексу» загадочную фирму МАРК и узнать побольше о ее деятельности. Он не знал, зачем ему это нужно. Более того, он не знал, нужно ли это вообще. Просто ему казалось, что духи, носящие имя их хозяйки, духи в драгоценном флаконе вполне могут быть в своем роде единственными. Собственно, и это могло ничего не значить для расследования. Но тут Евгений Эдуардович полагался на свое чутье, которому эти духи, черт знает отчего, пришились по нраву.

В детстве для совсем еще крошечного Марка — Марка Твена, как тогда звали его взрослые, имея в виду феноменальные умственные способности ребенка, — великим праздником было, если маме удавалось вдруг выкроить из череды нескончаемых театральных будней свободный денек, чтобы провести его с ним. Мать и сын обожали друг друга. Они могли часами гулять, например, по летним, с раскаленными от зноя чугунными оградами паркам, весело вдыхая радужную взвесь из водной фонтанной пыли и цветочной пыльцы, или нарочно не торопясь идти до самого конца Морской улицы, где, казалось, именно их ждал притаившийся в тени каштанов и кленов магазинчик чудесных сладостей, который они между собой прозвали «Хитрым», или, порой зимних вьюг, просто читать друг другу вслух любимые книги, уединившись в какой-нибудь особенно уютной комнате старинного дома.

Мальчик очень рано выучился читать. Однажды, как-то на зимние праздники, родители пригласили гостей — люди собрались все уважаемые и серьезные. Из кухни в гостиную и обратно сновала, ловко удерживая блюда с аппетитно дымящимися яствами, всегда улыбочивая домработница Ньюша. Торжественно открывался и, впрочем, немедленно запирался вновь знаменитый, лишь в особых случаях освобождаемый от пыли платяной шкаф в комнате бабы Веры — бабушки Марка по материнской линии. Для бабы Веры этот год должен был стать последним, по никто тогда про это не знал... О чем-то шептала на своем игольчатом диалекте елка, напоминая женщину в зеленом платье со сверкающими бусами.

«Прочитай стишок, деточка!» — попросил Марка один из гостей, смешной толстяк с двойным подбородком и сальными от индейки губами. «Просим, просим!» — поддержали толстяка остальные. Шестилетний Марк выбрался из-за слишком высокого для его роста стола, быстро нашел глазами родителей (те одобрительно кивнули) и, не по-детски собранно следуя за бешеным ритмом стихов, начал из Жуковского:

*До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон.*

.....

*Он нахмураясь глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.
«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне».*

.....

*Сей монах молчаливый и мрачный — кто он?
Та монахиня — кто же она?
То убийца, суровый смальгольмский барон;
То его молодая жена.*

Изумленные гости пораскрывали рты, а отец Марка — уже тогда известный профессор

археологии, представитель новой формации в научном мире Дмитрий Краснов — откровенно гордился перед коллегами маленьким сыном, довольно потрясая в воздухе жилистыми руками и нараспев произнося не вполне понятное ребенку словосочетание: *в е л и к о е б у д у щ е е*.

В тот вечер всего за несколько минут до премьеры «спектакля века», как его поспешили назвать добывающие свою жизненную энергию из порталных скважин театралы, прямо перед Большим драматическим бесшумно затормозил недоступный для простого смертного (да и ненужный ему, если уж на то пошло) автомобиль — гранатовый лимузин с неприкасаемыми номерами и наглухо тонированными стеклами. Когда, таинственно щелкнув, открылась блестящая дверца, первыми из разверзшегося полумрака показались глаза. Раскосые, внимательные, пронизательные и точно все просвечивающие глаза. Это был не просто охранник. Не рядовой телохранитель. И уж конечно, не безликий человек в штатском, без которого нынче не обходится ни один хоть сколько-нибудь уважающий себя политик или бизнесмен, хоть кто-нибудь, кого есть за что убить.

Нет. В мягкие декабрьские сумерки, незаметно оглянувшись по сторонам и быстро оцепив ситуацию, всматривался настоящий китаец, в чьем имени непостижимым для европейцев образом сочеталось удивленное на выдохе «хо», чуть лукавое, вооруженное многовековой хитростью «ли», хранящее древний отзвук Великой китайской равнины «ро», тревожное и вместе с тем поэтически-нежное, будто из звукового параллельного мира взятое «йон». Впрочем, давно уже никто не называл его здесь по имени, да и мало кто мог бы тут это имя верно произнести. А он, в свою очередь, давно свыкся со своим странным, мрачноватым и внушающим невольное уважение прозвищем — Харон.

Вслед за китайцем, убедившись, что нет опасности, из машины вышел его хозяин. «Жди здесь», — сухо сказал он и четкими, словно выверенными по идеально правильной математической формуле, шагами отправился к служебному входу в театр, оставляя за собой ровные следы на только что выпавшем, искрящемся от искусственного света снежке.

Марк Дмитриевич Краснов в определенных кругах считался человеком, умеющим смотреть на мир «с холодным вниманием». Он очень много знал и очень мало говорил, полагая, что информация может быть гораздо ценнее денег и могущественнее власти. Удача улыбалась ему, но его тонкие бледные губы по-прежнему оставались крепко сжатыми, все равно как если бы за ними хранилась великая тайна, — и вряд ли кто-нибудь мог бы похвастать, что видел его взволнованным или растроеным.

И даже сейчас, пробиваясь сквозь разноцветную артистическую массовку к расположенной в самом конце коридора гримерной своей матери — известной и заслуженной актрисы Дианы Юстицкой, — он не испытывал и тени сыновнего волнения, хотя не виделся с матерью почти целых полгода.

«Комедианты, — думал Марк, чувствуя, как электрическим разрядом пробегает по нему холодок презрительного отчуждения. — Кажется, Грэм Грин так и не получил своей Нобелевской. Это ведь он одному особо дотошному журналисту ответил, что заслуживает гораздо большей награды, нежели всемирное признание, а именно: смерти. Верно сказано».

Взявшись за ручку двери, разделяющей его с самым родным человеком на свете, Марк Дмитриевич немного помедлил, будто догадываясь, что за порогом гримерки ему предстоит встретиться не только с матерью...

«Странное ощущение. Я обречен на то, чтобы видеть, а не смотреть, слышать, а не

слушать, знать, а не предчувствовать. Природа наделила меня чем-то вроде сканирующего устройства, и теперь я слишком много знаю о нутре человеческом.

Вчера один банкир, закрепивший за собой славу гурмана и немалого эстета, рассказывал о крошечном озере на собственном острове где-то посреди океана. В озере том он велел поселить семь диковинных рыбок — семь живых букв, образующих имя его дорогой супруги. Венчал же эту трепещущую анаграмму самый главный по редкости и цене экземпляр — пантодон, а попросту рыба-мотылек.

Но, слушая подогретые громом откровения, я представил не волшебное озеро с крылатой рыбкой, грациозно взлетающей над водой в свете луны, не прекрасную женщину, что вышла из дому посекретничать с ночным океаном, не белоснежную магнолию в ее волосах. Мне ясно увиделось, как по извилистому горному серпантину, по краю бездны, движется, выхватывая фарами узкие промежутки густой южной ночи и заглушая моторами тревожную звукопись цикад, верный своему смертоносному маршруту, караван с оружием.

Вот оно, остающееся после огня красивых речей зло. Вот где скрыт ответ на вопросы, которые страшно задавать даже наедине с собой...

Странно. — Марк вновь как бы прислушался к самому себе. — Последнее время думаю так подробно, точно хочу поделиться с кем-то».

— Мама! — негромко произнес он с необычной для себя растерянностью, первым же взглядом сняв с материнского лица искусно нанесенные пласты профессиональной косметики и с горечью ощутив, как еще больше отдалилась от него мать за прошедшие месяцы, как постарела она. — Мама, я пришел.

— Сынок! — Женщина сделала инстинктивное движение навстречу, но так и не обняла стоящего перед ней сына, лишь коснувшись взволнованными пальцами его плеча. — Господи, сыночек! Да что ж это я? Садись, садись скорее. Не виделись-то как давно. И не позвонил вчера. А какой худющий!.. Посмотреть останешься?

Марк не планировал оставаться. Ему с некоторых пор наскучило заглядывать под маски — и в театре, и в жизни.

— Ты же знаешь, дела. Я зашел только... — он не договорил, внезапно увидев в углу примерной, под ярко раскрашенной афишей, худенькую девушку — почти ребенка — с огромными серыми глазами, которые смотрели прямо на него и не мигали.

— Да это Кира, Кирочка Морозова! — объяснила Диана Петровна, перехватив настороженный взгляд сына. — Мечтает служить Мельпомене. «Вот розмарин, он для воспоминаний. Прошу вас, милый, помните. А вот цвет троицын — для дум...» Помнишь? Маленькая Офелия просто бредит сценой.

«Какие у нее глаза — распахнутые! — подумал Марк, внимательно изучая девушку. Поединок их взглядов продолжался. — А плечи совсем по-детски вздрагивают, будто я уже дотрагиваюсь до них».

Марк вдруг вспомнил что-то давно забытое и очень-очень родное. Впервые за всю жизнь ему захотелось совершенно, кажется, незнакомому человеку сказать нечто искреннее, сокровенное. Ему, Марку Краснову, хладнокровному аналитику, всегда за счет неразговорчивости приумножающему личный золотой фонд, захотелось говорить и быть понятым, все равно как если бы он в одно мгновение излечился от немоты.

— Нездешнее у вас имя, — сказал Марк и мысленно улыбнулся. — Сказочное, как и вы сами.

Кира явно смутилась. Она перевела удивленный взор на не менее удивленную актрису,

потом вновь — уже строго — посмотрела на ее сына, но не произнесла ни слова в ответ.

— Кирочка у нас умница. Все спектакли смотрит, на репетиции, хоть и нельзя, беру ее потихоньку, — включилась Диана Петровна, чтобы разрядить паузу. — Вот и мне теперь настало время делиться опытом, — вздохнула она. — Хорошо, когда есть с кем.

— Хорошо, когда есть, — согласился Марк, однако интонация его голоса, мягкая, неподдельная, не подлежащая привычной эмоциональной цензуре интонация, выразила нечто гораздо большее. — Кира, я вас... Я не мог видеть вас раньше? — Не дожидаясь ответа, вроде бы как даже и не надеясь на него, он вновь спросил, глядя на Киру: — Вы знаете Лоренцо Бернини? Возрождение. Италия. Потрясающая скульптурная пластика. Я покажу вам после... Если интересно... А на последней «Каменной сказке» вы были? У меня говорят, сердце каменное, представляете? Может, и так. Но знаете — я только вас сегодня увидел, и оно заколотилось. Камень тоже раз в тысячу лет оживает.

Марк говорил, чувствуя всю банальность и пошлость своих слов и ужасаясь ей. Но бледное лицо Киры дрогнуло. Она вся встрепенулась и подалась в сторону Марка, точно обрадовавшись, что его сердце — живое.

В тот же миг резкий продолжительный звонок возымел явное намерение расставить все по своим местам. А в гримерку, нервно постучав, заглянул всклокоченный человек, у которого на неровном лбу буквально написано было, что он режиссер.

«Третий!» — ужаснулся он. А у Марка в голове мелькнуло: «Как будильник в детстве, когда не хотелось возвращаться из сна... Первых-то двух я и не заметил».

— Диана Петровна, миленькая, пора! — почти сорвался на фальцет режиссер и чуть не подпрыгнул, ударяя по последнему слову. Всклокоченная голова исчезла за дверью, показалась вновь и снова исчезла.

Далее Марк и впрямь действовал как во сне. Он решительно встал и подошел к девушке настолько близко, что смог различить, как пульсирует тончайшая голубая жилка на ее нежной, благородной шее. Будто бы со старинных заливных лугов, о которых он только читал, повеяло на него от волос Киры — слабых, но, как показалось ему тогда, готовых расцвести первозданной красотой и силой. Великая потаенная сила открылась перед ним в полупрозрачных, слишком тонких руках, за которые еще несколько минут назад ему было страшно, в жалобно вздымающейся груди, в несурзных, по-мальчишески подобранных под себя коленках — во всем щупленьком, угловатом девичьем теле.

— Я был бы счастлив услышать ваш голос. Здесь телефоны и адрес. В любое время. Всегда.

...Когда Марк ушел, Кира бросилась к Диане Петровне с расспросами. Но та отвечала лишь одно: «После спектакля, деточка, после спектакля».

И вот еврипидовская «Медея», переосмысленная, обновленная, вполне современная «Медея», правда, не на колеснице, запряженной драконами, а на светящемся всеми фарами джипе, промчалась по сцене мимо Кириных глаз. Вместо монологов и реплик Кира слышала негромкий, зато столь убедительный голос Марка, а ее кулачок сжимал и разжимал серую визитную карточку, на которой не было ничего лишнего — только необходимые цифры и надпись: «Марк Дмитриевич Краснов. Президент нефтяной компании МИНОС».

С некоторых пор нефтяной бизнес перестал интересовать Марка Дмитриевича Краснова в плане, как сказал бы китаец Харон, «достижения денег». В очередной раз подписывая

выгодные соглашения с партнерами или досрочно (из надежных, тщательно расчищенных, многожды опробованных источников) узнавая о том, что именно его компания победит в предстоящем залоговом аукционе, Марк Дмитриевич все чаще забывал испытывать чувство гордости, хотя память имел великолепную. Он гордился другим. Точнее, он ставил перед собой сверхзадачу несколько другого, запредельно сложного уровня и был по-настоящему рад лишь в те моменты, когда осознавал, что справляется с ней.

«Глупцы стремятся изменить мир, не понимая, что мир сам по себе бесконечно изменчив. Перемены к лучшему? Но кто знает, что лучше, а что... «Старики управляют миром, а вот сладить со сном не могут...» Вчера я был способен моделировать только свой завтрашний день. А сегодня способен — завтрашний день страны».

Последнее время Марк часто повторял про себя одно и то же слово: влияние. Когда он рассчитывал отдаленные последствия какого-нибудь сложного финансового хода, для него самым важным было, в какой степени этот ход повлияет на общую атмосферу в стране и насколько все это увеличит его собственный удельный вес. Внимательно следил он за буйством торгов на бирже, зная, что биржевые страсти подчинены на сегодняшний день его воле; ему нравилось прислушиваться, как сильные люди мира сего, ставшие чуть слабее на следующее утро после новой блестяще проведенной комбинации МИНОСа, здороваются с ним — осторожно, тихо, зависимо; он включал поздно вечером телевизор, он это делал всегда не глядя и с легким пренебрежением, и о чем бы ни говорила сладкоголосая ведущая политических новостей — о партийных разборках, о коррупции в высших да и в низших эшелонах, о выборах, — ко всему этому в большей или меньшей степени была приложена его невидимая рука.

Марк, в отличие от многих близоруких руководителей, понимал: нельзя относиться безответственно к социальной ответственности бизнеса. Даже самый малый капиллярчик великой нефтеносной системы, даже безвестный сторож на самой дальней ветке разветвленного, разросшегося чуть ли не в пределах всей страны нефтепровода требует внимания и особой заботы. На службе у могущественной организации не должно быть маленьких и обиженных, ибо от малых обид — большие беды.

Надо ли говорить, что практически все без исключения работники компании (от уборщицы в офисе до директора какого-либо регионального филиала, например саратовского) были бесконечно преданы своему хозяину и служили ему верно. Разумеется, если обнаруживалось, что кто-то вдруг запил по не важно какой причине, или подозрительно часто начинал ошибаться третий заместитель бухгалтера, или по вине алчного наместника грубо нарушались правила безопасности, или не в меру смысленный менеджер косил одним глазом в сторону конкурентов, словом, в случае недобросовестности сотрудников к ним применялась вполне административно-командно-бюрократическая мера: их ждало увольнение. Полное, окончательное, безнадежное. Но подобные случаи можно было пересчитать по пальцам одной руки главного помощника Марка, вице-президента компании Александра Эрберга, а пальцев на той руке осталось у него всего-навсего три...

Только с ним, с давним своим школьным другом Сашей Эрбергом, мог поделиться Краснов сокровенными мыслями. Только ему да еще, пожалуй, Харону мог он довериться в этой недоверчивой, подозрительной жизни. Кстати, в начале пути, в тревожную пору становления МИНОСа, Эрберг уберег Марка от верного краха.

Разведчики конкурентов пронюхали, что ненавистный им молодой да ранний не уплатил вовремя налоги. В офис Краснова, на Грибоедовском, нагрянули неприятности.

Черные маски. Автоматы. Женщина-инспектор, высокая и ледяная, как Снежная королева из старого мультфильма. И почему бы ей не растаять в такую жару? И почему нельзя воды из хрустального кувшина, все равно — живой или мертвой? Выручил Эрберг. Он — с глазу на глаз — поговорил с инспекторшей, после чего инспекция сразу же прекратилась. Вице-президент никогда не уточнял, о чем именно шел их почти полуторачасовой разговор, а президент и не спрашивал.

...Закрыв глаза, Марк попытался представить себе Киру. Удивленно вспархивающие ресницы, едва заметный румянец на бледном, утонченном лице, плавный и одновременно стремительный поворот шеи...

Спальный район давно спал. Александрийская душа Петергофа летела во сне к пределам Верхнего сада. У входа в Нижний парк притулился на скамеечке бомж, положив под голову охапку прелой листвы. Казалось, он чутко-чутко прислушивается к ему одному ведомым звукам, доносящимся откуда-то из-под земли, и потому совершенно недвижим. Поздней питерской ночью музыка дворцово-парковых ансамблей звучала только для избранных.

«Интересно: она уронила расческу, но не проронила ни слова. И все-таки что заставляет меня думать о ней? Куда был устремлен ее взгляд? А ведь она смотрела прямо в глаза мне. Почему я не могу так долго заснуть?»

Марк с трудом нащупал выключатель ночной лампы с фарфоровой подставкой и почти антикварным, старомодным абажуром, сделал привычно короткое движение указательным пальцем, но мгновенно отдернул руку. «Черт! А могло бы, верно, убить. Уж не подстроено ли? Да нет. Эрберг не допустил бы».

Ему пришлось откинуть одеяло — какой теперь сон! — набросить халат и пойти, спотыкаясь, к письменному столу у окна, чтобы достать из ящика свечку. Обыкновенную свечу, что лежала там вместе со своими стеариновыми сестрами еще с прошлой осени и терпеливо ждала, когда настанет ее день, вернее — ночь.

Вспыхнула, быстренько сказав пару зажигательных слов, спичка. Дрогнуло только что родившееся пламя свечи. «Голубое основанье. Золотое острие...» — вспомнил Марк любимые с детства стихи. И свечи в крошечной тьме он любил затепливать тоже с самого детства.

Незаметно высокие потолки сделались еще выше: на них возникли, зашевелились, переплелись таинственные узоры теней. Марк держал свечку перед собой, и создавалось впечатление, что он повелевает тенями, чьи контуры изменялись при каждом движении его руки. Из полумрака сверкнули глаза нахохленного чучела филина, висящего на стене. В темноте, в глубине комнаты, вырисовались, тускло забронзовели мощные переплеты раритетных книг. Старинный секретер тихонечко скрипнул, будто досадуя, что его, привыкшего за два века к строгому распорядку, разбудили в столь поздний час.

Марк с горящим лепестком Прометеева дара в руке вошел, нарочно не зажигая электричества, в огромную гостиную, посередине которой уютно расположился круглый стол на могучих львиных лапах; заглянул в библиотеку, где, бывало, любил по ночам работать отец («Томас Эдисон, — обычно говорил он, прежде чем уединиться в библиотеке на всю ночь, — придумал электрическую лампочку, чтобы люди меньше спали и больше творили, ведь, к сожалению, сынок, люди значительную часть жизни проводят во сне»); потом открыл стеклянные двери столовой, чтобы немного полюбоваться, как на фарфоровых чашках заплещут веселые блики огненных отражений.

Древняя геометрия греческого орнамента, украшающего байковый халат Марка, тоже, казалось, пришла в движение, позлащенная трепещущими отблесками свечи.

Если бы в этот момент кто-то посмотрел на окна особняка Красновых извне, то, вероятно, увидел бы, как то в одном, то в другом черном оконном проеме возникает и вновь исчезает этакий блуждающий огонек — наглядное свидетельство ночных бессонных раздумий там, внутри.

«Трудный день завтра, а я не о делах думаю. Да что со мной такое?! Необходимо встретиться с Эрбергом и обсудить условия очередных вложений. В теперешних условиях мало просто финансировать строительство балаганов и восстановление церквей. Наступило время поддерживать не объекты, а объективирование, не конкретную партию, а политическую жизнедеятельность страны, не строительство дорог, а самое движение. Кто материально обеспечивает движение, тот, разумеется, управляет им...

Кира, Кира... Где раньше я мог слышать твое имя?»

Марк не заметил, как со свечой в руках очутился на террасе, наедине с поздней, звездной августовской ночью. Звезды светили так ярко, что деликатная свечка решила потихонечку погаснуть. «Всегда летит на юг», — подумал он, глядя вверх, на созвездие Лебедя, что в ту минуту распласталось над крышей.

«Да, Летний треугольник терпеливо учит нас гармоничному мироустройству. Но мы, однако ж, скверные ученики. А с другой стороны, у звезд есть право не лгать, не предавать товарищей, не воровать и не убивать. Неправда, у людей тоже есть подобное право. Оно дается нам от рождения. Любопытно, где родилась Кира? Питерская, конечно. Неужели я...»

Он посмотрел под ноги, будто переводя дух, и снова поднял глаза к звездному небу. «Вот вечно летящая Стрела, вот крошечный ромбик Дельфина, сияющий в память об аргонавтах, а вот и мое любимое созвездие — Лира, а в нем самая яркая звезда Северного полушария неба: голубовато-белая Вега.

Будь рядом Кира, я рассказал бы ей сейчас подробнее об уникальном параллелограмме Лиры, о легендарном фракийском певце и о его бесстрашном подвиге. Она, конечно, читала, но я поведал бы ей иную, несколько отличающуюся от словарных легенд историю. Мне вообще много о чем нужно рассказать ей...»

Марк жадно и глубоко вдохнул свежего ночного воздуха, принесенного западным ветром откуда-то с воды, с неоглядных просторов Финского залива, прислушался к насыщенному шелесту еще нежухлой, еще тугой от соков листвы и вдруг почувствовал себя так, как никогда еще доселе не чувствовал. Как будто бы только что нашел выход из баснословного критского лабиринта. Или после долгих скитаний под землей снова обрел звезды.

Он проводил глазами огненную каплю метеоритного дождя, и его губы вспомнили, что умеют улыбаться.

...Машину, как всегда по-особому плавно и неторопливо, вел осторожный Харон. «Быстрее поедешь — тише повезут», — любил повторять он в ответ на упреки в слишком уж законопослушной скорости. На заднем сиденье расположился Саша Эрберг, внимательно изучая бумаги и удостоверяясь в подлинности размашистых подписей. Иногда он приговаривал, мелодично картавя: «Вер-рно, все вер-рно. Невер-роятно!»

Между прочим, столь выразительное произношение замечалось за ним лишь в тех исключительных случаях, когда какое-либо чрезвычайно сложное и важное дело удавалось

провернуть идеально, «без сучки без задоринки», как он сам выражался.

— Слыхал? — Эрберг дотронулся сзади до плеча Марка трехпалой рукой. — Шуты из Думы думают подкинуть народу новую мульку: право на пр-риродную р-ренту показательно обсуждают. Как полагаешь, электорат-то дегенерат-то и на этот раз клюнет?

— Не знаю. — Марк явно размышлял о чем-то своем. — Обмануть обманутых не так-то просто. Во всяком случае, наш человек в корпусе уже контролирует данный процесс.

Они переглянулись.

— «Уже контролирует!»! — по-дружески передразнил его Эрберг. — Ты любишь все держать под контролем. Потому и сделку мы заключили р-р-редчайше выгодную. Но таки главная схватка — впер-реди.

— Нет, брат. — Марк иногда называл, да порой и считал Эрберга братом. — Силен не тот, кто побеждает в схватке, а тот, кому удастся избежать борьбы.

Услышав слово «борьба», Харон невольно усмехнулся. Он в совершенстве владел основными приемами джиу-джитсу и не однажды уже находил самое достойное применение собственным знаниям. Обычно немногословный, китаец счел на сей раз возможным внести свою азиатскую лепту в ход разговора:

— Если долго сидишь у реки, то когда-нибудь по ней проплывает труп твоего врага. Недеяние иногда бывает полезнее деяния. В этом заключена великая правда учения Дао.

— Видел я твое недеяние, — сказал недоверчивый Эрберг. — Ты тогда пятерых раскидал, мало им не показалось. А один, я слышал, до сих пор куриный бульон с сухариками через трубочку кушает!

Между тем светофор, как бы передавая всем городским одиссеям, всем стражникам и пленникам дороги весточку от близкой уже питерской осени, которая всегда приходила с Выборгской стороны, мигнул пару раз желтым оком и на долю секунды замер, словно хотел сам для себя решить: зеленый или красный. Харон без единого толчка остановил машину на перекрестке.

— Марк Дмитриевич, ну так как же? Что р-решаем с тр-раншем? У нас теперь карт-бланш в кармане имеется, и мы... Марк! Заснул, что ли?!

Краснов не спал. Он думал о Кире. Интересно, получила ли она духи, названные в ее честь? А если получила, то понравились ли они ей? И главное: поняла ли она, что духи созданы по идее Марка в экспериментальных лабораториях его фармацевтического концерна? По изящной задумке Краснова выходило буквально следующее: МАРК создал «Киру». Она умница, она должна, просто обязана оценить!

Ведомый Хароном, «ягуар» вновь набирал ход, вернее сказать, вновь крался по своим сложнопересеченным асфальтовым тропам. Марк Дмитриевич, не слушая назойливого Эрберга, шарил по радиоволнам в надежде отыскать среди бесконечных шансонов и пустопорожней новостной болтовни любимую радиостанцию — «Орфей».

Сквозь напластования звуковых диссонансов зазвучало напряженно-торжественное григовское вступление к танцу Анитры. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем Марк понял: это звонит его мобильник. И еще он с тревогой почувствовал, что этот звонок чудом долетел до него от охраняемой лишь с одной стороны границы — зыбкой, призрачной, судьбораздельной границы между жизнью и смертью.

Александра ехала на Васильевский остров, а внутри у нее закипал ураган. Торнадо! Чтобы немного отвлечься, она внимательно следила за движением, считала до ста и обратно, напевала старые эстрадные песенки. Но одна мысль не давала ей покоя, жгла и дырявила мозг, словно и не мысль то была, а серная кислота! Как она, Александра, могла быть так невнимательна к своей дочери? Как она не поняла, что ее единственный, драгоценный ребенок уже вырос и ей теперь нужно что-то, кто-то еще, помимо матери и тетки, помимо тихих вечеров перед телевизором? Как же можно было так ее просмотреть? Да кто угодно сказал бы — девчонке двадцать лет, ей нужен парень! Пусть не замуж, нет — замуж ей рано, Александра не вынесла бы этого, не отпустила бы Киру никуда. Но можно было бы найти приличного мальчика, чтобы Кира с ним встречалась. Вот у Фаины Сергеевны, директрисы одного магазина, сын очень славный мальчик. Костя, кажется, зовут. Чуть старше Киры и уже работает. Менеджер какой-то... В любом случае мальчик Костя мог бы сопровождать Кирочку повсюду, и в театр и в кино, был бы мил и услужлив — помня о том, где его матушка работает...

Поймав себя на такой мысли, Александра покраснела. Да и что толку пить боржоми, когда печень отвалилась! Все, поезд ушел. Не будет Кира ездить на свои обожаемые премьеры с почтительным мальчиком Костей. Она уже сбежала с проходимцем. С чужим мужем к тому же!

— Надо же, какая молодец девочка, — высказалась Галина после ухода Наташи.

— Кто молодец? — переспросила совершенно потерявшая соображение Александра.

— Кира наша, кто ж еще! Увела мужика у одноклассницы и в ус не дует!

— Это потому, что у нее нет усов, — кротко пояснила сестре Александра.

Теперь она кротости в себе не ощущала. Напротив того, клокотала, как Везувий. В ней странным образом сплелись жалость к Кире, вина перед ней и обида на нее. Собственно, она еще не знала толком, что будет делать, если обнаружит дочь, выражаясь фигурально, в объятиях любовника. Бросится с обвинениями? С поцелуями? Обласкает и примет под крылышко виновную парочку или проклянет с вершин оскорбленного материнского достоинства?

Кстати, совсем не факт, что парочке захочется идти к ней под крылышко. Но этого Александра во внимание не принимала. Ей, привыкшей к своей пусть относительно небольшой, но все-таки власти, казалось, что она в состоянии развернуть ситуацию по-своему. Да, она выпустила дочь из-под контроля. Она просмотрела какие-то перемены в обожаемом ребенке. Из-за этого начались проблемы. Но теперь она поняла свою ошибку, и все должно измениться...

Боже, какой ужасный дом! Александра сверилась с бумажкой, на которой Наташа записала адрес сбежавших любовников. Да, все верно. Но какой кошмар!

Это был один из тех старых питерских домов, которые давно уже стоят только на честном слове. Полуразрушенный подъезд, истертые шагами времени, выбитые ступени. Холод, и сырость, и грязь. Запах кошек. На первом этаже какой-то мебельный склад — там, очевидно, шум стоит целыми днями, во всем доме слышно!

Задыхаясь — от брезгливости и от волнения, — Александра поднялась по широкой лестнице на второй этаж. Дом явно знавал лучшие времена — перила на лестнице были

чугунные, с цветочной вязью, а на ступенях сохранились медные крепежи для дорожки. Парадный вход!

подавив нервный смешок, Александра остановилась у обшарпанной двери, которая, как и весь подъезд, как и сам дом, явно была пережитком прошлых лучших времен. Двустворчатая тяжелая дверь, лет пять назад она была безжалостно выкрашена грязно-коричневой, тошнотворного оттенка краской, но до того, быть может, как к ней приложили руки неведомые добродееи, числилась благородной дубовой дверью. Не исключено. Теперь ее испохабила краска, и не только — еще жестяная цифра «три», прибитая толстыми гвоздями, еще четыре разнокалиберные кнопки звонков, выросшие на стене рядом. У каждой кнопки было пришпандорено по деревянной дощечке, на которых разными способами — где химическим карандашом, где выжженной вязью — были написаны незнакомые Александре фамилии. То есть, надо так понимать, в квартире живут несколько семей. Куда ты попала, Кира, Кира!

Ни одна из фамилий на пакостных дощечках Александре ничего не говорила. Разумеется. Она-то ожидала, очевидно, что тут у входа будет висеть мраморная мемориальная доска, на которой золотыми буквами готическим шрифтом обозначится: «Здесь, в квартире номер 3, живет преступная тубероза Кира Морозова, покинувшая свою престарелую мать и сбежавшая с любовником!» И медный колокол рядом — чтобы вышеозначенная престарелая мать могла ударить в набат.

Но ничего такого не наблюдалось, и Александра, собравшись с духом, нажала на кнопку верхнего звонка. Однако в неведомых глубинах квартиры никакого отзвука не зародилось. Звонок явно не работал. Это был удар. Пришлось снова набрать в грудь воздуха и нажать на другую кнопку — на сей раз самую нижнюю. Снова тишина. У Александры черная муть подкатила к голове, и она, неожиданно для себя взвизгнув, так что на лестнице упало в обморок и покатилося по ступеням гулкое эхо, стала колотить ладонями по мерзким кнопкам. Этот демарш оказался успешнее. В безумном мире, очевидно, следовало действовать безумным образом.

Резкая трель наконец-то вызвала отклик. Внутри квартиры — в ее ожившей утробе — зашаркали, приближаясь, чьи-то шаги. Впрочем, они не торопились, и Александра, привалясь к косяку, успела пережить еще несколько отвратительных моментов, когда сердце, казалось, падало куда-то в пустой и холодный живот.

Дверь открыл человек, который, по всем параметрам, давно уже на звание человека не тянул. Скорее это явление стоило обозначить неделикатным понятием «синяк». В общем, стоящее в дверях существо явно принадлежало к обширному виду алкоголиков законченных. Щуплое тельце облачено было в полосатую просторную пижаму, украшенную многочисленными пятнами. Густые, черные с проседью волосы были давно не мыты и свисали грязными прядями на лицо. Из-под прядей смотрели светло-голубые застиранные глаза. Смотрели мутно и совершенно бессмысленно. Мощный запах перегара чуть не сбил Александру с ног. В руке у существа дымилась сигарета без фильтра и воздух тоже не озонировала.

— Вы к кому, дама? — сипло спросило существо.

— Мне нужна Кира... Кира Морозова здесь живет?

— Какая еще Кира... Ты девку, что ль, ищешь?

Александра кивнула, продолжая задерживать дыхание. Впрочем, реплика существа, которое так бесцеремонно отнесло ее единственную дочь к подвиду «девок», на секунду

выбила ее из колен. Пришлось выдохнуть воздух и обонять сигаретный дым плюс перегар.

— Так и звонила бы к ним, — предложило существо. — Звонят тут, звонят, сами не знают зачем... Эта девка твоя — с Жоркой, что ль, живет?

Почему-то имя Жорка вызвало у Александры реакцию самую непредсказуемую — в желудке закрутился тугой узел и ее чуть не стошнило. Но ей удалось героическим усилием преодолеть спазм — только пот на лбу выступил.

— Ну, заходи, — позволило существо, повернулось и пошаркало в глубь квартиры. — Только их, видать, никого дома нет. С утра из комнаты не вылазят. Обычно Жорка-то с утра на работу идет, так моется и кофе варит. А сейчас тихо... Вот ихняя дверь.

За высокой двустворчатой дверью действительно было тихо. Никто не отозвался на стук, и тут Александра не выдержала и тихонько завyla, уткнувшись лбом в холодную, скользкую стену.

— Э, ты чего? — обеспокоилось существо. Оно, оказывается, никуда не ушло, топталось рядом, поддергивая тощей рукой сползающие пижамные штаны. — Ты чего ревешь-то? Ну-ка, пошли-ка...

С неожиданной силой существо уцепило гостью повыше локтя и повлекло за собой по темному коридору в неведомую даль. Совершенно деморализованная Александра даже не сопротивлялась. Коридор привел их в неожиданно чистую и просторную кухню, где даже цвели фиалки на подоконнике, и развевались красные в горошек занавески, и на стене висела старомодная чеканка — толстая баба в платке пьет чай из блюдца, на столе самовар, а на стуле напротив — улыбающаяся самодовольная кошка. От взгляда на это сомнительное произведение искусства Александра отчего-то успокоилась, а стакан воды, хлопотливо наполненный из-под крана заботливым гуманоидом, и вовсе привел ее в чувство.

Может, все не так уж страшно? Может, если есть на подоконнике доверчивые фиалки, а на ступе чеканка с толстой чаевничающей бабой, то и житья тут может неплохо? А ведь есть еще и занавесочки — красные в белый горошек!

— Тебя как зовут? — поинтересовалось существо, решившее, очевидно, развить и закрепить возникшие отношения.

— Александра.

— А меня Маргарита.

Итак, существо оказалось женщиной, и Александре снова поплохело. К пьющим мужикам она, родившаяся и выросшая в деревне, относилась лояльно. Знал бы мужик свою норму, был бы тих во хмелю и работу бы не забывал — а так почему б не выпить? Но вот от пьющей женщины ее воротило. Господи, как себя можно довести до такого состояния?

Но факт оставался фактом — только эта увядшая Маргарита может вот сейчас, немедленно, рассказать Александре о ее дочери. Значит, придется с ней общаться — без отвращения, без дрожи и спазмов. А то заметит и обидится.

Но внимание Маргариты не было сейчас сосредоточено на Александре. Она полезла в холодильник, стоящий в углу кухни — старый и облезший, но покрытый сверху красной клетчатой салфеточкой. Из холодильника была извлечена непочатая бутылка водки и эмалированная миска, в которой при открывании обнаружились плавающие в рассоле огурчики. Из деревянной хлебницы хозяйка извлекла буханку черного хлеба и быстро нарезала крупными, на удивление ровными кусками.

— Ну, чего встала? Вон там, в буфете, справа, рюмки достань, — указала она Александре. — За знакомство надо выпить, нет?

Александра сомневалась в том, что в состоянии будет пить водку в десять часов утра, да еще в компании с этим цветком запоздалым, но отчего-то безропотно полезла в буфет — только что обратив на него внимание.

А было на что обращать-то! Буфет был огромен и прекрасен. Он был атавистичен и аутентичен. Он представлял вещь в себе, вещь ради вещи. Осколок позапрошлого века, он врос в эту кухню — очевидно было, что за всю свою жизнь его не сдвинули с места. У неизвестного варвара не поднялась рука покрасить его половой краской — буфет сохранял благородный темно-красный цвет. А еще он был украшен, щедро и нелепо. Чего на нем только не было — и фазаны, и утки, и гроздь винограда, и букеты роз. Стоял буфет на львиных когтистых лапах и венчался вазой с плодами. Все было деревянное, темно-красное, удивительное и нелепое. Совершенно растерявшись от такого изобилия, Александра потянула на себя указанную правую дверцу — та открылась со скрипом. За дверцей красовались какие-то яркие пластиковые тазики, висел цветастый передник.

— Давай скорее! — поторопила ее хозяйка. — Там же стояли! Ой, и правда нет! — удивленно воскликнула она, остановившись за спиной Александры. — И полки снимали... Когда успели? Ну вон там, за стеклом погляди.

Александра поспешно закрыла эту дверцу и открыла другую. За ней и стояли аккуратненьким рядком чистые разнокалиберные стаканы, чашки, рюмки.

— Вот эти давай, махонькие, — распорядилась Маргарита. Пока гостья паялилась на буфет, хозяйка успела накрыть стол — огурчики вынырнули из миски и расположились на тарелке, ломти хлеба заняли место в плетенке, тонко порезанные ледяные ломтики копченого сала соседствовали с дырчатыми кусочками сыра. В общем, накрыла чисто и умело, даже Александре придраться было не к чему.

— Погоди, я переоденусь. — Помойный цветик Маргарита прошмыгнула мимо гостьи и исчезла в темноте коридора. Впрочем, скоро вернулась — совершенно преображенной. В черном шелковом халате, на спине которого извивался красно-зеленый дракон, причесанная и даже с подкрашенными губами, она уже производила не столь удручающее впечатление. Лицо, освобожденное от седых прядей (их, придерживала теперь черная повязка), хранило, как говорится, следы былой красоты. Своеобразной красоты — рот был слишком велик, нос вздернут, глаза — разрезаны по-кошачьи. Но в свое время, очевидно, это испитое лицо выглядело необыкновенно красивым, пикантным, обаятельным — и пленяло сердца. Как потом выяснилось, Александра в этом суждении не ошиблась.

Совершенно растерявшаяся от всего, свалившегося на нее в это позднее утро, она позволила усадить себя за стол и налить рюмку ледяной водки.

— Удивила я тебя? — кокетливо осведомилась Маргаритка после первой, зажевывая кусочком сальца. — Вижу, удивила. Х-ха, я ж актриса! Все играю, даже теперь... Ну да, я пью. А кто б не пил на моем месте?

Вопрос был риторический. Хозяйке явно не терпелось поведать неожиданной собеседнице историю своих несчастий, которые привели ее на неровный путь женского алкоголизма. Но Александра была настроена решительно. Сначала, пока Маргаритка еще относительно трезва, она разузнает все о своей дочери, а потом, так и быть, выслушает исповедь горячего сердца. Но, чтобы успешно перевести новоявленную подругу на нужное направление, требовалась особая деликатность и бережность в общении. Александра старалась изо всех сил.

— Я тоже, похоже, скоро запью, — мрачно посетовала она. Ей как-то сразу удалось

взять в разговоре верный тон. — Дочь из дома ушла, представляешь?

— Да ты что? Значит, Жоркина девка — твоя дочь? Вот это новость!

Александра скорбно покивала.

— Да ты не майся, подруга! Они нормально живут, это я тебе говорю.

Свидетельство из уст спившегося цветочка Александру отчего-то совершенно не утешило.

— Жорка хороший мальчишка, я его с детства знаю, — поделилась цветочек. — Я ж его в театр на детские утренники водила. И мать его, покойницу, хорошо знала. Всю жизнь в одной квартире прожили. Она тоже последнее время поддавала здорово. Но Жорка — ни-ни, ни вина, ни водки. Только по праздникам, в смысле. Если пошло, то дорогое, поняла?

— Поняла. Хорошо, говоришь, живут?

— Говорю тебе, хорошо. Она девка тихая, но, видно, с понятием. Ко мне уважительно. Она ж в театральный поступала, а я ведь актриса...

Александра кивнула. Неужели у Маргариты такой алкогольный психоз — или она в самом деле бывшая актриса?

— Веришь? — разгорячилась Маргарита, разливая по второй. — Двадцать лет отпахала! Травести — вот как! Тильтиля играла в «Синей птице»! — Маргарита вскочила, раскинув тонкие руки в широких рукавах халата. — «Верно, верно, у меня есть птица... Где же она?.. А, вот и клетка!.. Митиль, смотри: вон клетка!.. Это та, которую носил Хлеб... Да, да, та самая... Постой, постой!.. Да ведь она синяя! Да ведь это моя горлица!.. Да ведь, когда я уходил, она была не такая синяя! Митиль, ведь это же и есть та Синяя Птица, которую мы искали! Мы за ней в этакую даль ходили, а она, оказывается, здесь! Вот это я понимаю!.. Митиль, ты видишь птицу? То-то бы Душа Света обрадовалась!.. Я сейчас сниму клетку...»

— Тонкие руки взмыли вверх — снимая невидимую клетку, усталые голубые глаза вспыхнули восторгом и радостью... — «Вот, пожалуйста, госпожа Берленго... Со временем она станет совсем-совсем синяя, вот увидите... Отнесите ее скорей вашей внучке...»

Маргарита замолчала. Несколько секунд Александра наблюдала за тем, как меняется ее лицо, как счастливая мальчишеская мордашка снова превращается в испитую физиономию пьющей пожилой женщины.

— Видала? У меня поклонников было — завались! И не простые, а из правительства. Цветами каждый спектакль заваливали, камешки дарили, бранзулетки... А потом, понимаешь, в одночасье, как отрезало. Рак в груди нашли. Облучали, химией всякой пичкали... И отрезали в конце концов. Начисто! — Маргарита замысловато выругалась. — И все, пожалуйста на пенсию! Силы-то уже не те, видишь ты, по сцене не попрыгаешь. Инвалидность дали. Все добришко распродала, по ломбардам рассосалось. Поклонников как ветром сдуло. Кому нужна баба с одной сиськой? Пенсия крошечная, пособие тоже не ахти. Вот и затосковала я... Давай выпьем!

Александра машинально опрокинула в себя водку. Ледяной комок легко прокатился по пищеводу и начал тихонько таять в желудке. Нужно было что-то сказать, но слова не шли. Действительно, несчастная судьба. Бедная Маргарита, жалкий цветик!

— Спасибо, коллеги не оставляют. Есть, кто завидовал, — те порадовались моей беде, а потом плюнули да растерли. Бог им судья. А есть, кто вошел в мое положение. Видишь, деньгами помогают, выручают, как могут. И в гости заходят, не брезгают. Твоя дочура сначала тоже сторонилась, потом поняла, что я за человек, уважительно отнеслась. Вот только позавчера мы с ней тут сидели, по душам говорили. Она вот как ты сидела...

От мысли, что она сидит на том самом месте, где только позавчера сидела ее пропавшая дочь, у Александры слегка закружилась голова. Или тут водка была виновата?

Тем временем Маргарита налила еще по рюмочке, выпила свою, не дожидаясь гостьи, и налила еще. Как на всех алкоголиков, спиртное действовало на нее быстрее. Лицо бывшей травести опять изменилось, теперь это было лицо человека, мучительно борющегося с какой-то болью или страданием, — губы крепко сжаты, выражение глаз напряженное, движения судорожные.

«Этак я скоро напьюсь, — испуганно подумала Александра, зачем-то все же выпив очередную рюмку. — И когда Кира вернется домой — вернее, в эту странную квартиру, — она застанет тут картину Репина «Не ждали». Мать распивает водку в компании соседки-синюшки! Пусть это даже бывшая актриса со сложной судьбой! Нет, так не годится».

Но Маргарите уже не нужен был собутыльник. Она успешно напивалась соло — то и дело хватала бутылку, хлопала рюмку за рюмкой, трясущимися руками прикуривала очередную «приму» и продолжала рассказ, делающийся все более и более запутанным. Впрочем, актерская школа давала о себе знать — рассказ велся хорошо поставленным голосом, так что его можно было принять за радиопостановку по мотивам, скажем, рассказов Довлатова.

— Дианка, понимаешь, нормальная баба, только в религию зря ударилась. Тебе, говорит, причаститься надо. А я ей — куда мне еще? Там же вином причащают, мешать нехорошо. Она мне денег оставила. Ей-то это тьфу, она ж не на зарплату живет, у нее там вроде сынок крутой, бандит наверное, а мне какое дело, главное, что о матери заботится. Я пожрать купила, курева там, ну и этого тоже, а Михалыч — да ты его не знаешь, тут есть один, нормальный мужик, только поддает — занял двести и не отдает, говорит, подхалтурю и отдам, он работает...

Но где и кем работает поддающий Михалыч, Александре так и не удалось узнать. Не доведя до конца своего ритмически организованного монолога, Маргарита уронила голову на стол. Бутылка водки почти опустела, только на дне плескалось немного прозрачной жидкости. Хозяйка была смертельно пьяна. С минуты появления Александры в квартире номер 3 прошло всего сорок пять минут. Время школьного урока.

В квартире стояла странная тишина, состоящая словно бы из многих звуков — капала вода из неплотно завернутого крана, тикал китайский пластмассовый будильник в виде домика на антикварном буфете, откуда-то доносились скрипы и шорохи... На мягких лапах прибежала из темного коридора пыльная серая кошка. Увидев Александру, она громко мяукнула и сунулась к блюдечку в углу. В блюдечке насыпаны были коричневые катышки — видно, какой-то сухой корм. Кошка стала им хрустеть, мотая лобастой башкой. Внизу, на складе, грохотало — видно, мебель грузили. Или разгружали, черт его знает. Маргарита тихо сопела. Александра затушила оставленную ею в пепельнице и невыносимо смердящую сигарету и встала, чтобы снова подойти к закрытым дверям комнаты. Комнаты, в которой последние две недели жила ее беглая дочь.

Она прижалась лбом к неотзывчивым доскам, словно желая просочиться сквозь них, как бесплотный дух или привидение. Проникнуть туда, осмотреться, узнать, в самом ли деле эта убогая комнатка в убогой коммуналке освещена присутствием Киры? Неужели она — воздушная и безмолвная — ходила по этому коридору, гладила некрасивую серую кошку, готовила пищу на двухконфорочной газовой плитке и беседовала с пьянчужкой травести?

Изнывая от безнадежности своего положения, она прикинула глазом к замочной скважине. Ничего не разглядеть — полумрак и отблескивает что-то полированное. Дверца шкафа? Похоже на то. Теперь Александра изменила позу — ерзая на коленях по шипастому резиновому половичку (дорогушие колготки сразу же покрылись дырками и затяжками, но все не важно, не важно!), она пыталась услышать ту тишину, которая стояла в комнате. Тикают ли там часы, потрескивает ли, разворачиваясь, хрустящая оберточная бумага, скрипит ли, вздыхая, старая мебель?

И окаменела на коленях. Тишина в комнате потрясла ее. У тишины оказались мягкие крылья, и они, бесшумно подняв, перенесли Александру на двадцать лет назад. В жаркий сентябрьский полдень, когда она, такая молоденькая и глупенькая — еще, в сущности, ребенок, но ребенок, уже готовящийся стать матерью, — возвращалась домой из сельмага. Ей бы не стоило ходить пешком так далеко — срок подходил к концу, небольшой аккуратный живот ее, в котором, свернувшись калачиком, смирно лежала Кира, уже опустился и тем самым придавал обманчивую легкость движениям и дыханию Александры. Вот и поплелась она по такой жаре и пылице до сельмага, куда, по слухам, завезли ткань. Слухи оказались правдивыми, и Александра купила десять метров желтенькой фланельки на теплые пеленки, а продавщица, подружка ее, Нинка Соловьева, еще и отложила для нее под прилавок ситчику и отрез белого, в голубеньких цветочках, батиста.

— На блузку тебе, — убедила ее Нинка, когда Александра стала отказываться от батиста, смущенная непрактичностью такого приобретения.

— Да какая мне блузка, — смутилась она, не руками и не глазами указывая на свой живот, но особым выражением лица.

— Если ты беременна — значит, это временно! — захохотала Нинка. — Бери, не сомневайся. Как родишь, знаешь, как похорошеешь! Гляди, еще и мужика закадришь. Или папанька ваш из Ленинграду приедет. Саньк, а кто отец-то?

На эту провокацию Александра не ответила, батист взяла, чтобы прекратить разговоры, и отправилась домой. Еще на подходах к палисаднику, где рос низкий кустарник и

копошились в лопухах подростские цыплята, она услышала эту странную тишину. Не брехал и не гремел цепью Цыган, не вопила в курятнике суматошная несушка, не падали яблоки в саду. И не слышалось голоса отца — а он в последнее время стал шумен и разговорчив, вступал в беседы и с Цыганом, и с несушкой, и всем, даже яблоням, рассказывал, какой будет у него внук. Отличный, крепкий парень, названный в его честь Ленькой — это дочка придумала, молодец. И как дед с внуком пойдут на пруд ловить карасей, а зимой — на охоту...

Но едва Александра переступила порог дома, как ей стало ясно: Леонид Андреевич Морозов уже никогда не пойдет на охоту. Ни с внуком, ни без внука.

Отец лежал в сених на полу. Он умер мгновенно, пораженный инсультом, и упал, как падает скошенное молнией дерево. Распростертый на полу, он казался очень большим, и при взгляде на него Александре стало понятно, что мертвый отец и есть источник этой страшной тишины. Это было чудовищное открытие, его невозможно было принять, его не вмещал человеческий разум, но душа понимала, что это так и есть, и, бессильно опустившись на колени, на чистые доски пола, Александра бессильно и тихонько завывала. Она была и прислушивалась к тишине, и ей стало легче и проще, только когда она почувствовала жгучую боль, опоясавшую ее поясницу. К вечеру родилась Кира, и молодая мать, услышав первый жалкий писк новорожденной, забыла о страшной тишине... И не вспоминала ее больше никогда — даже когда Кира болела и ей делали операцию на сердце. А вот теперь вспомнила. И это могло означать только одно. Там, за дверью, — смерть.

Так что недаром она так подвыла, когда первый раз увидела эту дверь! Всего час назад, перепугав соседку Маргариту. Всего час назад, когда в желудке еще не плескалась огненным пламенем неизвестно зачем выпитая водка. Час назад Александра уже почувствовала смерть — звериным чутьем.

Теперь ей было необходимо проникнуть в комнату. Неизвестно на что рассчитывая, она вскочила и подергала дверь. Заперто, разумеется. Тогда она подналегла на нее плечом, потом ударилась с силой — как глупая муха о стекло! Но это дверь старой закалки, ее здоровый мужик не снесет с петель, что уж говорить об Александре! Плача уже в голос, она потерла плечо — наверняка будет синяк — и уставилась на замочную скважину. Большую скважину. Ее открывает старый ключ — увесистый и нелепый, как из сказки про Буратино. Именно такой висел у Александры на связке. Раньше он открывал дверь в ее квартиру. Давно.

Давным-давно, десять лет назад. И квартира была другая, составленная из двух комнат, длинных, как вагоны трамвая. В первом вагоне жили Галина и Александра, во втором — школьница Кира. Потом они разбогатели, купили новую квартиру, а ключ так и остался у Александры. Он повысился в звании и стал брелоком — за него удобно было вытаскивать из сумки всю связку.

Александра пошла на кухню. Там, рядом со стулом, на котором она сидела (а позавчера сидела Кира!), валялась ее сумка. Так. Косметичка, телефон, упаковка салфеток, пузырек с успокоительными таблетками. Ключи. Большой нелепый ключ. Теперь обратно к двери.

Ключ вошел в скважину привычно, словно они были десять лет женаты. Дальше произошла заминка, что-то там заело, он не желал поворачиваться. Но Александра была уверена, что дверь откроется, и эта уверенность сыграла свою роль. Неприметное движение кистью руки...

Замок щелкнул. Дверь открылась.

Как Александра и предполагала, обзор из замочной скважины ей закрывал шкаф. Большой, унылый полированный шкаф времен застоя. Он разделял комнату на две очень неравные части, превращая меньшую и ближнюю к двери в подобие прихожей. Несмотря на полумрак (ее глаза уже привыкли к нему в коридоре), Александра огляделась. Не спеша. Спешить было слишком страшно. И увидела — сбоку от двери, перед неподвижной ее половинкой — туфельки Киры. Они могли принадлежать только ей, в них она и ушла из дома. Белые, без каблука, простые и изящные. Мало того — на полуоткрытой дверце шкафа висела большая белая сумка. Справившись с дыханием, Александра решила сделать шаг в комнату. Она оказалась неожиданно большой — может быть, потому, что мебели в ней было немного. Предметы обстановки вступали между собой в безмолвный спор — некоторые из них явно были приобретены недавно человеком, который не стеснялся в средствах, другие покупались десять лет назад и не грешили ни изяществом, ни практичностью. Под ногами у Александры простерся вытертый красно-коричневый палас, закрывавшие окно шторы гармонировали с ним в расцветке, но казались новыми и дорогими. В углу, на обшарпанной тумбочке с облупившимся шпоном, мерцал плоский экран телевизора. На стеклянном хайтековом столике стояла пустая бутылка из-под шампанского и разнокалиберные тарелки с остатками какой-то еды. Под ногами у Александры захрустело стекло. Наклонившись, она смогла рассмотреть остатки тонкого бокала — или двух? Диван тоже был новый, обтекаемый, как летательный аппарат. А вот плед, очевидно прикрывавший его, а теперь весь почти сползший за спинку, помнил еще семидесятые годы и товарища Брежнева.

Уставшая от темноты и темного ужаса внутри, Александра шагнула к окну и отдернула шторы. Яркий дневной свет затопил комнату. Солнце ясное всю правду откроет — говорит старая еврейская пословица. Солнце открыло Александре неприглядную и страшную правду. Бежевое покрытие дивана было окроплено кровью, а из-за самого дивана высывались ноги в черных носках. Один носок сполз, обнажив волосатую лодыжку. Между стеной и диваном, небрежно накрытый пледом, лежал человек. И человек этот был мертв.

*Глаз не смыкаешь, солнце,
Надежный сторож всех моих падений,
И, заходясь невнятицей и гневом,
Бросаешься на тени,
Пустые наваждения, безмолвно
Грозящие в закатном запустенье.*

Хуан Рамон Хименес

Она не стала трогать тело. Александра тоже не вчера родилась, она смотрела детективы и криминальную хронику, она читала газеты и знала: тело трогать не стоит. Да и не нужно ей это. То мертвое, что так страшно поместилось между стеной и диваном — а она чуть было не села на этот диван, ужас какой! — не ее дочь. У ее дочери не было волосатых лодыжек и сорокового размера ноги, черных мужских носков она не носила. Но следы ее дочери в этой квартире повсюду. Значит, она каким-то образом причастна к убийству — или к смерти, это Александре совершенно безразлично. Даже если Кира тут ни при чем — она все равно будет выглядеть причастной в глазах милиции. На нежную и хрупкую девочку посыплются обвинения и подозрения. Может быть, ее станут допрашивать в кабинете следователя. Может быть, ее даже посадят в камеру — сажают же подозреваемых, пока идет следствие? В вонючую камеру, в компанию бомжих, проституток, наркоманок. Все они злы, безумны, больны СПИДом.

Несомненно, следовало избежать контакта Киры с этими ужасными событиями и личностями. Александра действовала спокойно и рассудочно. Сердце больше не трепыхалось суматошно, оно билось ровно и спокойно. Мать просто обязана помочь дочери.

С дверцы в прихожей Александра сняла сумку Киры и огляделась. Какие тут могут быть вещи, принадлежащие ее девочке? Во-первых, подзеркальничек. На нем — флакон духов «Tuberous Criminelle» и косметичка из белой кожи. Щетка. В ее зубцах запуталось несколько волосков. Все в сумку.

В шкафу — белое платье Киры, на полках — стопка белья. Аккуратно складывая все в сумку, Александра разрабатывала план дальнейших действий. Сейчас она соберет все — очень внимательно! — потом пойдет в ванную. Наверняка там зубная щетка Киры, еще какие-то штучки. Потом Александра возьмет в кухне бутылку водки — хоть бы Маргаритка, чахлый цветочек, не проснулась раньше времени! — и тщательно протрет все поверхности. Не забудет ни ручку шкафа, ни пульт телевизора. А потом она уйдет. И ручки двери вытрет тоже! «Делай что должно, и пусть будет, что будет» — вот ее девиз на сегодня.

Звук, донесшийся из коридора, заставил ее подпрыгнуть на месте. Александра еле сдержала вопль. Но кричать или не кричать было одинаково поздно. На пороге, прямо за ее спиной, стоял человек, и в вязкой полутьме коридора его силуэт, как показалось Александре, вспыхнул огнем. Это был следователь Кленов Евгений Эдуардович.

Увы, Кленов не успел сделать Менделееву последнее китайское предупреждение. К тому моменту, как Евгений Эдуардович прибыл по давно известному адресу на Васильевский

остров, Менделей был мертв уже двенадцать часов.

Это выглядело очень по-детски, и Кира все понимала. Так было всегда. Мальчики бежали в Америку и на войну, девочки — в монастырь и замуж. Бежали с гусарами и актерами. Кира сбежала с Георгием Каревым, болгарин по происхождению, двадцати девяти лет, химиком по образованию, судимым, неопределенных занятий. Да, он еще был женат на ее бывшей однокласснице. Сбежала с женатым мужчиной!

Все началось со свадьбы. Нет, все началось еще раньше. В детстве? Может быть, еще раньше. Порой Кире казалось, что она помнит — дальше детства. Дальше собственного рождения. Темные страсти металась на дне ее души, из подсознания вставали странные образы, сплетаясь в судорожных объятиях. Ей грезилась белые дворцы, небесные чертоги, в которых жили небесной красоты мужчины и женщины — всемогущие, безнаказанные, бессмертные. Темное знание закипало в жилах, и становилось невыносимо вести обыденную жизнь — вставать по утрам, причесываться, разговаривать с домашними. С какого-то момента Кира научилась придавать этой жизни как можно меньше значения и уделять ей как можно меньше внимания. Быт, с его мышьяком возней, был неприятен ей. Но пора, пора было задуматься над своей жизнью, куда-то себя приткнуть.

Конечно же мама рассчитывала, что Кира пойдет по ее следам, изящно выражаясь. По ее широким, крестьянским следам. Цветочные магазины! Это красиво только внешне. На самом деле обычный бизнес, ничуть не красивее других. Те же мелкие хлопоты: переговоры с поставщиками, беспокойство об аренде, наем персонала, копание в бухгалтерии, уплата налогов. Такого рода возня была бы понятна и простительна, если бы речь шла о чем-то действительно большом и важном — об огромной империи, всемогущей, но и уязвимой. Но это же не империя — крошечное удельное княжество, не более. Значит, придется разочаровать маму. Рано или поздно.

Но вслух произнести свой отказ от цветочного княжества Кира не могла. Возможно, потому, что с детства мало кто интересовался ее мнением. Порой она чувствовала себя фарфоровой статуэткой под стеклянным колпаком — хрупкой, красивой, оберегаемой. Но никому, в сущности, не нужной. Вот это она однажды и сообщила Галине. Тетя Галя была ей ближе матери. Она всегда домоседничала — выезжала только в магазин и на рынок, к ней всегда можно было подойти с какой-то своей проблемой или бедой.

— Почему я не как все? — допытывалась она у тетки в детстве.

— Ты единственный ребенок у матери. Она растила тебя без отца. Ты сильно болела в детстве, тебе сделали серьезную операцию, и мама до сих пор беспокоится за твою жизнь и за твое здоровье.

Свою болезнь Кира помнила смутно, в настоящем никаких недугов не испытывала. Когда она вышла из противоречивого подросткового возраста, ей даже понравилось то особое положение, которое она занимала в этом мире. Быть не такой, как все, — разве это не интересно, не таинственно? Но и это чувство прошло. Таинственность должна была во что-то вылиться, ощущение великого предназначения обязано сбыться. Иначе Кира рисковала остаться старой девой, экзальтированной дурицей в белых одеяниях. И Кира полюбила театр.

— Я хочу поступить в театральный институт, — поделилась она как-то раз с теткой.

— Брось и думать об этом, — посоветовала та спокойно. Она отхлопоталась и теперь

раскладывала пасьянс на краешке кухонного стола. Перед ней стояла чашка зеленого чая, медовые печенья на блюде. Засаленные карты мягко ложились на белоснежную льняную скатерть. — Твоя мать подобного не допустит.

— Почему? — поинтересовалась Кира, хотя, пожалуй, сама знала ответ.

— Ты телевизор смотришь? То и дело выступают актеры, рассказывают, чего им стоило овладение профессией. Бесконечные физические нагрузки, изматывающие репетиции. А нервы? И это на всю жизнь! А у тебя...

— Больное сердце, — закончила за нее Кира, повернулась и ушла с кухни. Сердце у нее не болело никогда, больной она себя не помнила. В школе ее освободили от физкультуры, но после школы она два раза в неделю ходила на тренировки в модный спортивный клуб. Ни мать, ни Галина об этом не знали.

Кира больше не говорила с теткой о своем желании стать актрисой, а та, очевидно, забыла об их разговоре и матери его не передала, потому что никакой реакции не последовало.

Знакомство с Юстицкой подняло Киру к вершинам театрального Олимпа. Пока она не без гордости ощущала себя только лишь благодарной зрительницей, которую допустили до своего избранного круга олимпийские жители, но стоило сделать усилие...

— Ты удивительно красива, умна, обаятельна, — толковала ей Юстицкая. — Ты похожа на мою дочь — если б она у меня была...

Кира улыбалась и жалась к своей покровительнице. Ей льстили сентиментальные высказывания дамы бальзаковского возраста.

— В сущности, я очень одинокий человек, — обмолвилась как-то Диана Петровна.

— Вы? — поразились Кира.

— Да, я. У меня никого нет. Да, пожалуй, никогда никого и не было. Мама умерла, когда мне было десять лет, отец занимался научной работой, мало мной занимался. Рано вышла замуж. Грустный брак! Мой муж был вдовец, много старше меня, коллега отца, тоже серьезный ученый. Но я к тому моменту уже стала актрисой, мое сердце рвалось к подмосткам... Быть может, потому я и не чувствовала одиночества. Но это не значит, что я не испытала одиночества. Я старалась любить мужа, а он, мне кажется, до самой своей смерти любил свою первую жену... И сына. Моего пасынка. С ним я некоторое время дружила, у нас ведь с ним не такая уж большая разница в возрасте. Потом родился Марк, и любовь мужа перешла на него.

— У вас есть сын? — поразились неизвестно чему Кира.

— Есть. Но пока я была занята театром — он как-то внезапно вырос. Теперь у него своя жизнь, бизнес, он живет отдельно. Мы не видимся месяцами. И одиночество, от которого я спасалась всю жизнь, — оно подошло ко мне вплотную... Муж умер, у сына и пасынка слишком много дел, чтобы вспоминать обо мне. Потому я так к тебе привязалась.

Это печальное признание Кира приняла близко к сердцу. Судьба Юстицкой показалась ей близкой. Диана росла без матери, она, Кира, — без отца. И холодная, воющая пустыня одиночества подступала к ней порой так же близко, как к стареющей актрисе.

— Мама относится ко мне, как новые русские бизнесмены относятся к своим молодым женам, — пожаловалась как-то Кира Диане.

— Боже мой, Кирочка, откуда ты знаешь, как они к ним относятся, — развеселилась Диана. — Вроде бы ты не была замужем за новым русским!

— Я и за старым не была, — согласилась Кира, ковыряя ложечкой мороженое. Разговор

происходил в театральном буфете для актеров. Туда то и дело заглядывали знаменитости разного масштаба, почтительно здоровались с Дианой, здоровались и с Кирой и доброжелательно ее рассматривали. Это было приятно. — Я читаю журналы и смотрю сериалы. Это мой источник познания жизни. Так вот, в журнальных и телевизионных историях говорится, что жены новых русских для них не спутницы жизни, не союзницы и не подруги. А всего лишь красивые безделушки. Живут они в холе и бездеятельности, заботятся только о своей внешности и о том, чтобы не наскучить мужу. Чтобы развлекать его и услаждать его взор, когда он свободен от своих хлопотных новорусских дел.

— Ты вполне можешь поменять расклад, — пожалала красивыми плечами Диана. — В отличие от многих их, этих декоративных жен, ты — не безмозглая кукла. У тебя есть дарование, есть ум, есть умение вести себя. Заметь, я не говорю о красоте! Тебе всего лишь надо дать понять своей маме, что ты чего-то стоишь без ее попечений. Я уверена, она тебя любит.

Когда Кира сказала Юстицкой о своем намерении поступить в театральный институт, Диана обрадовалась:

— Боже, какое счастье! Теперь я смогу быть тебе полезной!

От этих искренних слов у Киры запершило в горле и на глаза навернулись слезы.

Итак, дружба росла и крепла. Перед новогодними праздниками Кира в первый раз побывала у своей покровительницы в гостях. Однокомнатная квартирка рядом с театром поразила Киру своей скромностью.

— Детка, это же моя городская резиденция! — рассмеялась Юстицкая, видя изумление своей младшей подруги. — Просто местечко, куда можно прийти в промежутке между утренней репетицией и вечерним спектаклем. Потому тут так... аскетично.

Небольшой гардероб, низкий диван с неубранной постелью, музыкальный центр. Никаких картин, фотографий, украшений. Никаких книг — только папки с ролями валяются на бежево-розовом ковре. Кухня с полированной барной стойкой.

— Тут я отдыхаю, иногда принимаю друзей. Как-нибудь мы с тобой съездим в Петергоф, в наш семейный дом. Зимой я туда ездить не люблю — дороги скользкие, пробки, тоска. Давай пить чай?

Но в петергофский дом они так и не съездили — весна и лето оказались весьма насыщенными. И самым главным событием, разумеется, явилась Наташкина свадьба! Свадьба затмила даже грядущие приемные экзамены в академию. Впрочем, они Киру мало волновали. Все же она не была до такой степени «не от мира сего», как полагала мамочка, и кое-что в жизни понимала. У нее есть талант — это говорят все, кто ее видел и слышал. Она знает, как себя держать, она не уронит в грязь лицом перед приемной комиссией. А остальное — дело Дианы Юстицкой. При такой протекции легко поступить в академию, даже будучи полной бездарностью, а Кира бездарностью себя не считала.

Дружба с пожилой звездой подарила ей и еще одно новое знание. Кира открыла в себе способность нравиться противоположному полу. Безусловно, она не в женском монастыре росла, и отдельное школьное обучение кануло во мрак истории. Но в школе мальчишки не обращали на нее внимания — разве только для того, чтобы обзвать Киркой-дыркой. Это в детстве. А потом... Одноклассники Киры Морозовой, дети из непростых семей, дети народных артистов, бизнесменов и политиков средней руки, ценили самостоятельность и свободу нравов. На вечеринках, куда ни Киру, ни ее подругу Наташу не приглашали, подростки весело пили виски из папиного бара, танцевали и обжимались по темным

уголкам. Но Кира не принимала участия ни в вечеринках, ни в автомобильных гонках, ни в шатаниях по ночным клубам.

— Интересы у них бедные, ухватки хамские, — объявила Кира Наташе, когда они еще в десятом классе учились. — Я вовсе не нуждаюсь в их драгоценном внимании.

— А я нуждаюсь, — пробормотала Наташа.

Кира кривила душой. Конечно же ей необходимо было внимание сильного пола, как и всякой девушке. Даже грубоватое внимание тех молодых людей, которые способны любить женщину только в самом конкретном смысле слова, польстило бы ей. Но после окончания школы, после того, как она бросила МГУ — узнав, что мать дала взятку за ее поступление! — Кире негде было встречаться с мужчинами.

В первый раз, когда они с Дианой сидели в театральном буфете и лакомились мороженым с фруктами, туда вошел молодой, но уже очень популярный актер. Он снимался почти во всех сериалах, его сурово-благородную физиономию можно было увидеть в любое время по любому каналу телевидения, и от него млела половина женского населения страны в возрасте от четырнадцати до шестидесяти лет!

— Какой дивный цветок! — произнес он баритональным басом, устремив на Киру любострастный взгляд.

От этого пошловатого комплимента девушку слегка передернуло — тем более что Диана сказала актеру пренебрежительно и ласково:

— Лешенька, не подъезжайте со своими масляными взорами. Мы девочки серьезные, положительные, нас этим не купишь.

Но ночью, в постели, Кира все равно вспоминала и его слова, и его глаза с чувственной поволокой, и какой-то неведомый огонь жарко и ровно разгорался у нее в груди.

Потом был еще сын Дианы. Чтобы поздравить мать с премьерой, он пришел без предварительного звонка, и Юстицкая не ждала его, она растерялась, стала бормотать какие-то жалкие, печальные слова, и вдруг Кира увидела ее такой, какой она и была, — пожилой усталой женщиной, о которой так редко вспоминает ее единственный сын... Кире стало жалко своего старшего друга, и она преисполнилась благородным негодованием. Она бы никогда не поступила так со своей мамой!

Впрочем, Юстицкая быстро взяла себя в руки — и привычным бодрым тоном представила гостей друг другу. Пока она щебетала, время от времени принимаясь что-то декламировать, Кира украдкой разглядывала Марка Краснова.

Он был очень высокий и массивный — примерка сразу показалась тесной. Впрочем, грузным господин Краснов не выглядел — в его скупых движениях и жестах сквозила природная хищная грация. На нем хорошо сидел темно-серый костюм, а вот очки в тонкой золотой оправе не шли ему, казались слишком изящными и хрупкими на очень мужском, очень замкнутом лице. Светло-карие глаза, почти желтые, тигриные глаза смотрели из-за стекол с усталым вниманием, густые брови сходились на переносице, тонкие губы плотно сжимались.

«Бука какой, — подумала Кира. — И какой он старый! Это из-за того, что виски сплошь седые. Но почему он так на меня смотрит?»

Смотрел он действительно непонятно и нес какую-то высокопарную, малопонятную чепуху. Когда режиссер, ворвавшись в примерку, робко поторопил Юстицкую, господин Краснов ткнул Кире в ладонь свою визитку и ушел не попрощавшись.

Спектакль захватил Киру, захлестнул ее с головой. Только когда опустился занавес, она

поняла, что до сих пор сжимает в кулаке визитную карточку. Гладкий прямоугольник чуть измялся, стал теплым и влажным. Кира, не глядя, сунула карточку в сумку.

Кора (продолжение)

На свадьбе у Наташки было очень шумно, очень душно. Решено было праздновать не в кафе или в ресторане, а на квартире у Наташи. Благо площадь позволяла, а еду и так можно было заказать. У себя дома, по крайней мере, чувствуешь себя свободно, и не нужно потом вникать в счет и пиликать домой! Молодежь танцевала под кислотные ритмы. Кира такую музыку не переносила, потому выждала, когда жених с невестой наконец встанут из-за стола, и тоже встала.

— Ты куда? В дабл? — шепотом спросила невеста.

— Что-то голова закружилась.

— Так иди на балкон, подыши свежим воздухом. Вон, через спальню.

Кира вышла на балкон, но еще даже оглядеться не успела, как вслед за ней вышел жених. Георгий.

— Почему ты убежала? — спросил он, тронув ее за обнаженное плечо. Сухая и горячая рука скользнула по Кириной коже, девушка вздрогнула.

— Я не убежала. Просто вышла подышать свежим воздухом. А вот ты, по-моему, убежал. Невеста не соскучится?

— Пусть поскучает, — усмехнулся Георгий. Пухлые губы раздвинулись, обнажив ряд чудесных зубов. — А то мы все время вместе. Мы с Тamarой ходим парой.

— Как и полагается счастливым молодоженам.

— Счастливым...

Горечь в его тоне насторожила Киру.

— А что? Ты хочешь сказать, что несчастлив?

— С того момента, как увидел тебя.

— Вот это приятная новость! — Кира уже откровенно смеялась. Каждой девушке хочется такое услышать! — Значит, я сделала тебя несчастным? Позволь узнать, почему?

— Если бы я встретил тебя раньше — я бы на Наташке не женился, — со сдержанной страстью ответил Георгий.

У Киры заколотилось сердце. Это было как в любовном романе, как в сериале. Вот она — на свадьбе подружки, и жених объясняется ей в любви. Богатое амплуа досталось ей сегодня! Не пресный образ обманутой невесты, но жгучий и едкий — образ роковой разлучницы.

— Почему? — снова спросила она, надеясь, что следующую реплику ей подскажет кто-нибудь более искушенный в таких отношениях.

— Я в тебя влюбился, — пробормотал Георгий, глядя уже не в глаза Киры, а на ее губы. — И ты в меня влюбишься тоже. Слышишь? Кира...

Он шагнул к ней и обхватил широкой ладонью ее шелковистый затылок. Впервые в жизни Кира почувствовала на своих губах мужские губы. Первый поцелуй — крепкий и влажный, с привкусом шампанского и каким-то трепетанием на дне — заставил ее содрогнуться с ног до головы. Он кончился очень быстро — Георгий немного отступил, растерянно хлопал себя по бокам, отыскивая сигареты, а она даже потянулась к нему. Так ей хотелось, чтобы поцелуй продолжился! По счастью, она вовремя сообразила, что здесь их в любую минуту могут увидеть. Выйдут гости на балкон покурить, и то-то им сюрпризек будет!

— Кира, мы увидимся? — сквозь зубы спросил ее Георгий. Он уже прикурил, но все еще не мог справиться со своим дыханием.

— Конечно, — кивнула девушка. Она уже вспомнила свою роль и намерена была выдержать ее до конца. — Я приду к вам в гости. Или вы ко мне. Будем дружить домами.

— Ты же понимаешь...

— Прекрасно понимаю, — кивнула «роковая женщина, разлучница». — Потому так и говорю.

— Очень хорошо, — констатировал новоиспеченный молодой муж. — Тогда я прыгну с балкона. Прямо сейчас.

Оба, как по команде, посмотрели вниз. Жила Наташа на пятом этаже высокого старого дома. Земля показалась Кире далекой, как австралийский континент. К тому же Георгий, как нарочно, выронил окурок. Тот полетел вниз и рассыпался на асфальте сверкающими оранжевыми искрами.

— Не надо прыгать, — онемевшими губами произнесла Кира.

Не заботясь больше о своем ампула, она продиктовала неудавшемуся самоубийце номер своего мобильного телефона и удалилась обратно в комнату.

— Я попозже приду, — сказал ей в спину Георгий.

В спальне, подготовленной к первой брачной ночи горел только розовый фонарик в изголовье кровати. Кровать могла бы поспорить размерами со стадионом имени Кирова. Подушки с кружевными прошивками были взбиты, как гоголь-моголь, у розового покрывала кокетливо отгибался уголок. Красота несказанная!

Георгий позвонил через две недели. К этому моменту Кира уже миновала инкубационный период своего чувства и находилась в горячке любострастия. Она ожидала встречи с предметом своей внезапной влюбленности, ожидала, как манны небесной. Но только для того, чтобы увидеть его, разочароваться в нем и оставить в памяти только как забавный эпизод.

Но не тут-то было! Кира согласилась встретиться с Георгием в кафе на набережной, и тут же все благие намерения пошли прахом. Георгий пришел такой веселый, такой загорелый — а все вокруг еще были бледными после чахоточной петербургской весны! — и говорил ей шепотом такие жгучие слова, в которых кристаллизовалась самая неподдельная страсть, что не было сил сопротивляться и разочаровываться. И эта, и все последующие встречи прошли для нее горячим мороком. Два летних добела раскаленных месяца...

Очнулась она в тот день и в тот час, когда собрала сумку, чтобы уйти из дома. Уйти к Георгию и жить с ним как жена. Телефон она оставила, покидала в сумку кое-какие вещички — «на первое время, потом новое купим», так наставлял ее Георгий — и остановилась на пороге. В квартире было тихо. Мать разъезжает по делам, тетка прилегла вздремнуть. В эту секунду не поздно было повернуть назад. Но Кира не повернула.

— Девочка моя, я тоже женщина — во всяком случае, недавно ею была. Влюбилась, сошла с ума, я понимаю. Но зачем же ты из дома-то ушла? — допытывалась Диана Юстицкая. Диана была единственным человеком, который знал о том, как и куда ушла из дома Кира.

— Вы же сами говорили — нужно доказать матери, что я свободный человек со своими собственными возможностями и желаниями, что у меня тоже есть права!

— Положим, я говорила не так, — усмехнулась Юстицкая. — Ты не обижайся, но мне кажется, твой подростковый протест немного затянулся. Бедная твоя мама! Хотя бы позвони

ей, записку оставь! Чтобы она знала, что с тобой все в порядке.

— Незачем. Скоро я объявлюсь, и она будет вынуждена принять меня как свободного, самостоятельного человека.

— Ну, как знаешь...

Кира попросила Юстицкую хранить ее тайну, и Диана, немного повздыхав, согласилась. Как бы ни тревожили пожилую сумасбродную актрису мысли о Кириной маме — она не могла отказать себе в причастии к молодому любовному секрету...

И новая, самостоятельная жизнь началась — легко и весело. На второй же день Георгий объявил, что уже поговорил с Наташей, что она, разумеется, была очень рассержена, но, как ему кажется, все поняла и простила их обоих. Внезапно вспыхнувшая любовь — разве кто-нибудь может подумать или сказать об этом плохое? На этой неделе они подадут на развод, день уже назначен.

— А Наташу ты разве не любил? — недоверчиво спросила Кира.

— Это было совсем другое чувство, зайчонок. Я все же мужчина, понимаешь? То чувство было земное, телесное. И женился я потому, что Наташе этого хотелось, а я пошел на уступку. Я же не мог знать, что встречу тебя — такую невероятную девушку... Такую прекрасную. Теперь все будет по-другому и замечательно. Я люблю тебя, с ума схожу...

Эти слова были приятны, хотя как-то раз Кира подумала, что была бы вовсе не против, если бы Георгий «сходил с ума» чуть меньше. Или реже. В общем, супружеские радости остались ей непонятны.

В первый вечер совместной жизни они долго пили шампанское, танцевали под медленную тающую музыку, целовались дрожащими губами — но когда Георгий начал ловко и бережно освобождать Киру от одежды, руки его вдруг показались ей назойливыми, а поцелуи — колючими. Если бы было можно, она вырвалась и ушла бы. Но было нельзя, и Кире пришлось вынести все. Нельзя сказать, чтобы это было совсем уж неприятно, но ничего похожего на то, что показывают в кино, о чем пишут в любовных романах, Кира не испытала. Ей не стоило труда изобразить восторг — все же она была актрисой от бога. Но щемящее чувство обиды на саму себя осталось. Впрочем, она не переставала ожидать каких-то удивительных ощущений, надеялась на них и готова была ждать — сколько угодно. Рано или поздно маленькая дверца в сияющий мир любви должна была приоткрыться и для нее...

Но наступил миг, когда все кончилось. Кончилась жизнь.

Кира готовила ужин — жарила картошку. Картошка жарилась — или притворилась, что жарится, потому что сверху она упорно подгорала, а внутри оставалась сырой. В теории было ясно, чтобы картошка равномерно поджаривалась, нужно ее перемешивать. Кира и перемешивала так, что аккуратные ломтики превратились в неаппетитное крошево. Склонясь над плитой, девушка раздумывала — не долить ли масла? Или позвать на помощь Георгия? Но он после трудового дня пошел отмокать в ванную. Киру тоже звал с собой — в старой квартире ванна была размером с небольшой бассейн, пусть и облупленный. Но Кира не пошла, резонно предположив, что там подвергнется внеурочной экзекуции супружеских объятий. Сейчас она уже жалела о том, что взялась за картошку. Лучше бы разогрела в духовке какой-нибудь полуфабрикат! И Маргарита, как назло, приняла свою ежедневную дозу раньше времени... Обычно соседка охотно помогала Кире с готовкой обедов и ужинов — несмотря на прошлую богемную жизнь, она знала сотню рецептов вкусных и простых в приготовлении блюд. Маргариткину стряпню Кира (с ее разрешения) выдавала за собственную, так что у Георгия до сих пор не было причин для недовольства. А вот сегодня, похоже, появятся...

Стоял жаркий вечер последнего августовского дня. Сегодня мамины магазины работают допоздна — завтра дети пойдут в школу с цветами. Шикарно оформленных, дорогих букетов уйдет немного, но георгины, розы, гладиолусы и астры будут покупаться стогами... А дома сейчас тихо и прохладно, уютно бубнит кондиционер, можно сидеть на балконе и смотреть на бесчисленные огни Петербурга. Можно поехать кататься на машине, можно просто пойти в маленькое чудесное кафе, что недавно открылось рядом с домом. Двенадцать видов мороженого, крошечные эклерчики с шоколадным и сливочным кремом, кофе по-турецки, свежавыжатый апельсиновый сок...

В кухне было невыносимо душно от раскаленной плиты, несмотря на открытые окна. Кире порядком надоело стоять над сковородкой. Решившись, она все-таки плеснула в картошку подсолнечного масла. Что-то зашипело, и неаппетитное полупригоревшее месиво растеклось в желтой лужице. Кира вздохнула и сняла сковородку с плиты. Сейчас она выбросит все это в мусорное ведро, а потом сварит магазинные пельмени. Вода для них быстро закипит, чайник уже горячий.

К тому моменту, когда Георгий, напевая, прошествовал из ванной в комнату, вода уже бурлила белым ключом и Кира вспарывала ножиком пакет с пельменями. Они здорово замерзли и постукивали друг о друга, как камушки.

Кто-то позвонил в дверь. Кира открывать не пошла — она еще не привыкла к этой квартире, да и, говоря откровенно, опасалась. Вдруг Наташка решила все же выяснить отношения с разлучницей? Это опасение у Киры не формировалось в связную мысль, просто какая-то дрожь пробегала по позвоночнику, по влажной от духоты спине.

Дверь пошел открывать Георгий. Кира увидела его мельком в дверной проем и вздохнула про себя. Он уже успел одеться — джинсы, белая футболка. Георгий и дома любил быть хорошо одетым. Куча грязного белья в ванной росла, и Кира вчера уже думала с ужасом — как она будет все это барахло стирать? Без стиральной машины, руками!

В прихожей послышались мужские голоса. Кира вздрогнула, несколько пельменей ухнуло в кипящую воду. Огненные брызги обожгли Кире руку, она, шипя сквозь зубы,

кинулась к крану. Вода в трубах загудела.

Ожог оказался незначительным. Воду Кира закрыла и прислушалась. Голоса звучали в их комнате. Гости? Друзья Георгия? Это что-то новенькое. Но пельмени все равно нужно сварить.

— Добрый день, барышня. Хозяйничаете?

Кира обернулась. В дверях комнаты стоял молодой мужчина и смотрел на девушку пристально, без улыбки.

— Да вы зайдите в комнату, — предложил он ей, словно был тут хозяином. — А то нам скучно без дамского общества. Прошу!

Кира смутилась. Для кулинарных манипуляций она оделась в затрапезное — старые джинсы Георгия, которые она только вчера отрезала по колено и приспособила к ним ремешок, его же старая черная футболка с красно-оранжевым рисунком на груди. Языки пламени, гитара, зверская рожа. Всю красоту венчала надпись «Металлика».

Но, несмотря на всю неловкость ситуации, Кира почувствовала, что от повелительного тона позднего гостя отмахнуться не получится.

Машинально вытирая руки о джинсы, Кира прошла в комнату, чувствуя ядовитое жало дурного предчувствия в сердце.

На вид неожиданные гости выглядели вполне мирно. Тот, который позвал Киру, пожалуй, мог бы сойти за головореза из крутого американского боевика — накачанные мышцы, бритый череп, мощные челюсти, перемалывающие жевательную резинку. Но взгляд у него был спокойный, голос тихий. Второй же, тот, что сидел на единственном стуле посреди комнаты, выглядел много старше, был невысоким, обрюзгшим и лысоватым. Здорово походил на Кириного учителя физики по прозвищу Ампер — и из-за этого сходства Кире как-то не пришло в голову испугаться и убежать. Хотя бежать-то, пожалуй, было поздно. Головорез преградил выход и привалился к стене, глядя куда-то вверх голов очень светлыми, словно слепыми глазами.

Георгий сидел на диване и выглядел так, словно его туда толкнули за секунду до Кирино появления. Быть может, так оно и было.

— Вот и слабый пол к нам присоединился, — сказал лысый, откровенно рассматривая Киру. — Премилое создание. Жена?

— Жена, — блеклым шепотом ответил Георгий.

— Недавно, я слышал, женился, — покивал лысый. — Теперь сам-два живешь. А потом, того гляди, и малыш появится. Плодитесь, значит, и р-размножайтесь. Дело хорошее. Как вы, мадам, прибавления не ждете?

— Пока нет, — ответила Кира. Голос ее прозвучал неожиданно громко и дерзко. Кто такой этот толстяк, что так нахально ворвался в их дом и задает хамские вопросы? Георгий может сколько угодно сидеть на диване — она, Кира, не позволит так с собой разговаривать. Если никто не может ее защитить, она постоит за себя сама.

— Очень хор-рошо! — раскатился лысый. — Но к чему я этот разговор веду, Жорик? Вот как ты думаешь?

— Не знаю, — устало ответил Георгий.

— А веду я этот разговор к тому, что женатый человек — это уже не то, что холостой. Холостому что нужно? Крыша над головой и китайская лапша на обед. А женатый — ой-ой! Ему сразу и квартирка хорошая нужна, и ковры-занавески, и диваны-тумбочки... Платьице жене, духи, шубку. Правильно ведь, Жор-рочка? А если дети пойдут? Пеленки-распашонки?

Ясли-школы? Конечно, расходы большие. Но только вот ты мне что скажи — я тебе что, сука, платил мало?

Последнюю фразу он произнес совсем другим голосом. Добродушная физиономия гостя изменилась. Что-то хищное проглянуло из глаз, приподнялась верхняя губа, и Кире показалось, что он похож на злого пса. Скажем, добермана. Готового к броску, готового впиться человеку в мягкое незащитное горло. А Георгий еще больше съежился на диване.

— Отвечай, выкидыш собачий: я тебе мало платил? Что ж ты жадный такой, а, Жорочка? Жадный и неблагодарный, да. Из тюрьмы-то я тебя вытащил. Забыл?

— Ты меня туда и отправил, — ответил вдруг громко и с ненавистью Георгий, подняв на лысого глаза полные ненависти.

— Ну вот, начались упреки и подозрения, — усмехнулся лысый. — Нет, я вижу, ты добра не помнишь. Это я понял. Теперь отвечай на такой вопрос: сколько взял и где товар?

— Я не брал, — быстро возразил Георгий. — У меня его нет.

— «А косточку я выбросил в окошко», — умиленно покивал лысый. — Ты, ты, Жорочка, взял. Больше некому было. Утечка, стало быть, произошла. И взял много. И часть уже успел сбыть. Ты дурак, Жора. Что так близко к дому сбывал? Или жена ждала в теплой постельке, далеко ходить не хотелось? Да-а, беда с этими узами Гименея. Видишь, я все понимаю. Ты удивишься — я ведь даже понимаю, почему ты нам остатки отдать не хочешь. Ведь не из жадности живы, правда? Ты у нас почти бессребреник. Ты просто решил от всего отказываться до последнего, пр-равда? Ты боишься, что мы тебя прикончим, да? Правильно боишься.

И тут Кира наконец вышла из ступора. Тут она наконец поняла, что в старой коммунальной квартире происходит что-то очень страшное. И она рванулась к двери — просто рванулась, как зверь из капкана. Но громила ее перехватил, облапил и притиснул спиной к себе. Рваться из стальных объятий было бесполезно. Бесполезно было и звать на помощь. Маргариту ничем сейчас не разбудишь, случайных прохожих на этой улочке почти не бывает. Сверху — чердак, снизу — закрытый на ночь склад.

И Кира пересилила себя. Ей очень хотелось выть и визжать — просто выть и визжать, если уж не у кого просить помощи. Ей хотелось рваться из рук громилы, пинать его и царапать. Но она этого не сделала, потому что была неглупой девочкой и понимала: она надоест им своими воплями и они ее убьют. Просто чтобы не мешала. Если все это не дурацкая шутка, если они действительно собираются убить Георгия — такая участь ждет и ее. Они не оставят живого свидетеля. Но можно выиграть время. Можно выиграть время и постараться выжить. Как выжила та лягушка в кувшине с молоком, про которую Кира читала в детстве.

— Так ты отдашь продукт? Куда ты его спрятал? Мы же все равно найдем, понимаешь? Ты войди в наше положение, дерьмо! Это «Гранат-Z», если он попадет в руки специалисту... Я даже не знаю, что будет! Но ничего хорошего, можешь мне поверить!

— Это. Твои. Проблемы, — ответил Георгий. — Я уже говорил и повторю еще раз для идиотов: я ничего у тебя не брал.

— Ладно, — вздохнул лысый. — Перейдем к неофициальной части. Гости вручают подарки молодоженам. Смотри, что я вам принес.

Лысый полез во внутренний карман пиджака. Кира напряглась, уверенная, что он достанет пистолет. Но лысый вынул шприц. Обычный одноразовый шприц в упаковке. За ним последовал черный кожаный футляр, похожий на футляр для зажигалки.

— Хорошая порция «Гранат-Z»! Лучший подарок молодоженам!

Из футляра, театрально распаханного лысым, выглянули стеклянные клювики ампул.

Дальнейшее Кира помнила плохо. Не память, но тени, мечущиеся на дне памяти, подсказывали ей, что головорез тащил ее к лысому, что она все же принялась кричать и отбиваться, не совладав с захлестнувшим рассудок ужасом. Лысый посмеивался и набирал в шприц прозрачную жидкость из ампулы, и Кира успела заметить, что на правой руке у него не хватает двух пальцев. Потом он сказал ей, очень тихо и ласково:

— Малыш, не надо так вертеться. Как живой кар-рась на раскаленной сковородке, честное слово! Стой смирно, иначе я промахнусь мимо вены, и тебе будет больно. Поняла? Постой секунду спокойненько, для собственного же блага.

А Георгий сидел на диване и только все больше бледнел. Почему он не встал, почему он не заступился за нее? Не кинулся в драку? У этих двоих ведь не было никакого оружия, они ведь могли... Предположим, ничего они не могли. Но он хоть бы попытался?

Дальше в памяти наступил провал. Багровый провал красно-гранатового цвета. И заполняла его только ненависть. Чудовищная ненависть к этому миру, который оказался таким жестоким, к этому человеку, который увлек ее своей дешевой, жалкой любовью и заставил испытывать такой страх... Жажда убийства, жажда мести заливала разум и затмевала глаза...

Кира лежала на чем-то жестком. Несложный анализ показал, что лежит она на полу. На полу в коридоре, между кухней и ванной. Люди, ворвавшиеся в их квартиру и жизнь, по-прежнему находились в комнате — оттуда слышались их голоса. Приглушенные голоса, и еще шаги, и еще какая-то возня.

— Они ищут, — сообразила Кира. — Они ищут то, за чем пришли. А когда они найдут, они убьют нас. И если не найдут — тоже убьют.

После неведомой инъекции, сделанной трехпалым гостем насильно, после этого чудовищного провала в памяти, после обморока Кира ожидала почувствовать себя плохо. Очень плохо. Но, вопреки ожиданиям, голова у нее была удивительно светлой, думалось легко. И ничего не болело. И тело оказалось легким и послушным.

«Мне нужно убежать. Мне нужно убежать и позвать кого-нибудь на помощь. Но кто мне поможет? Или позвонить в милицию. Но к дверям я пойти не могу. Мне придется пройти мимо нашей комнаты, тогда эти бандиты меня заметят. Что же делать? Окно? Второй этаж. Разобьюсь, сломаю ногу и не смогу убежать. Буду крутиться под окном, как дождевой червяк, и они меня просто раздавят. Может быть, спрятаться в квартире? Побегать в комнату к Маргарите? Тогда убьют и ее, и меня».

И тут она вспомнила. Георгий как-то показал ей... Господи, она вспомнила то, чего никогда не должна была забывать! Но кто же знал, что это ей понадобится?

Витя Сотников по кличке Витька Перехват возвращался домой в превосходном настроении. У него вообще-то редко бывало плохое настроение.

— Чего скучать-то? — пояснял он братве в минуту откровенности. — Пусть скучают у кого мозгов до кучи. А мы люди простые. Если скучно — я всегда или водки выпью, или бабу сниму. Или и то и другое, правильно? А то в баньку пойду или пожру как следует. Скучать не надо. Живем-то один раз.

В этом и состояла его небогатая философия — сама по себе вполне справедливая. И

ехал он сейчас как раз из сауны, где встречался с друзьями, где было пиво, и хорошая компания, и девчонки. Выпил он в меру, как раз чтобы можно было без опаски сесть за руль. Теперь возвращался к себе домой, в дачный поселок Болотное. Можно было бы переночевать у кого-нибудь из друзей в городе или пойти к мамане, но Витек предпочел прокатиться до дому. Так лучше. И маманя не достанет нравоучениями, и вообще — дома и стены помогают.

Витек уже и радиоприемник включил, и нашел «Радио «Шансон», где как раз шла его любимая программа «Малява-блюз», и начал подпевать Михаилу Кругу, как вдруг с тротуара метнулась под колеса черная тень. Всполох фар вырвал из ночной тьмы бледное лицо, длинные пряди волос — баба!

Сотников едва-едва успел затормозить. Хорошо, реакция у него была молниеносная! Тормоза завизжали, протестуя против такого бесцеремонного обращения. От души выругавшись, Витька поспешно вышел из машины — посмотреть, что за бедулина такая кинулась под колеса и жива ли она вообще?

Баба оказалась жива. И не баба, собственно, а совсем сопливая девчонка, худая и испуганная до истерики.

— Ты чего под колеса кидаяешься? — грозно спросил ее незадачливый водитель. — Жить надоело, твою мать? Цела? Вставай давай и вали отсюда!

Мысленно он уже подсчитал, сколько денег есть в кожаном бумажнике. Если она руку там или ногу сломала — довезет ее до травмопункта, сунет баксов сто-двести — и пока! Главное, чтобы шума не поднимала и ментов не привлекала. Лишний контакт с доблестной питерской милицией был Витьку Перехвату совершенно ни к чему.

Но девчонка только мотала ошарашенно головой и ничего не отвечала. Витька был парень в общем-то не злой, но тут он взбеленился:

— Чего мотаешь? Сказать не можешь? Язык прикусила?

Он за плечи поднял девчонку с асфальта и замер, глядя в распахнутые ее глаза. В этих глазах светились боль и ужас — смертельный ужас. Так, должно быть, смотрит человек на свою смерть. Витьку Сотникова проняло.

— Да ты чё? Перессала? Да не смотри так, не съем я тебя. Руки-ноги целы?

— Увезите меня отсюда, — спокойно, неожиданно спокойно и сдержанно сказала девушка. — Меня хотят убить. Они меня убьют, если найдут. И вас убьют тоже.

Сдержанный тон, который не просил, а приказывал, показался Витьку страшнее и убедительнее всякого крика. Он больше не стал спрашивать. Он распахнул заднюю дверцу и запихнул девчонку на сиденье. Она не села, а сразу легла. Легла ничком на сиденье, словно боялась, что ее увидят. Или совсем обессилела? И Витька сел и ударил по газам.

Сашей Эрберг становился только в присутствии Марка Краснова, а во все остальное время и для всех остальных он был Александром Моисеевичем, или господином Эрбергом, или просто Моисеичем, когда изредка вдруг решал облагодетельствовать кого-нибудь, или, для подчиненных, переводящих дух в курилке после очередного разговора с начальником, злобной Моськой. Моськой, которая никогда не позволяла себе твякать на слона, зато больно кусала всех прочих, особенно кто поменьше и послабее. Так что работники фармацевтического фронта, включая и последнего занюханного лаборанта, моющего целыми днями пробирки, и доктора медицинских наук, давно уже привыкли к внезапным проверкам, больше похожим на облавы, к жестким, а скорее жестоким планеркам, больше напоминающим пятиминутки ненависти, и внутренне готовили себя к тому, что в один «прекрасный» день каждый из них может быть уволен.

Но последнюю неделю начальник лютовал, как никогда. Словно пытался отыгаться на сотрудниках за какие-то собственные промахи и неудачи. Даже парфюмеру Петечке Могилевскому, работавшему, кстати, в том числе и над свойствами индивидуальных духов «Кира», досталось на орехи. Надо заметить, совершенно необоснованно. Он просто отдался во власть своей творческой, импульсивной натуре, и в новых духах, заказанных известной артисткой, появились горьковатые ноты — вместо ванильной сладости. Обычно Петечке такие эпатажи сходили с рук — гений, что с него возьмешь! Тем более что и заказчица осталась довольна... Но Моська чуть не загрызла бедного Петечку, всеобщего любимца, на глазах потрясенного коллектива.

Петечка потом плакал в туалете, вытирал слезы грязным кружевным платочком, размазывая тушь по лицу, и всхлипывал: «У-у-у, толстая харя! Погоди, найдется и на твою поганую лысину управа. Сам нюхало распустил, сам говно есть будешь, у самого яйца перепелиные! Я все Марку Дмитриевичу расскажу, все!» К слову, до Краснова доходили кой-какие слухи о крутых методах управления в МАРКе, но он никогда не проверял их, безоговорочно доверяя своему другу... И Петечка Марку Дмитриевичу не пожаловался, как грозился. Потому что до Бога высоко, до Краснова далеко, а с Моськой приходится каждый день общаться... Лучше добром.

Ярость Эрберга мало-помалу утихомиривалась. Чтобы окончательно успокоиться, он, как всегда в подобных случаях, заглянул в душу любимого джипа, с силой захлопнул дверцу, резко повернул ключ зажигания, будто открывая иную, невидимую дверь и выпуская на волю сдерживаемую до поры ее величество Скорость. И вот уже свет разрозненных фонарей превращается в одну иллюминирующую линию, а от бесконечной череды светокричащих рекламных щитов остается лишь ненавязчивое, приятное для глаза сияние.

Как и незаслуженно обиженный Петечка Могилевский, Александр Моисеевич Эрберг думал о Марке. Да только вот не защитника видел он в нем, а соперника, не напарника — конкурента. «Легко ему — с детства на всем готовеньком. Марк — отличник, Марк — Марк Твен, Марк — умница... Тьфу! И ребята в школе, конечно, именно его считали за лидера. Тоже мне лидер! Еще бы. Такие родители! Мама — актриса, папенька — известный ученый. Думать тошно! И в шахматы меня вечно обыгрывал, хоть бы раз проиграл, хоть бы для смеха!.. Нет, он должен, быть первым — во всем. А как ему не быть первым? всю жизнь на готовеньком. Не бился он, даже в студенчестве, чтобы выкупить из ломбарда единственный

приличный костюм, не мучился из-за неказистой внешности, из-за дурацкой семьи, из-за глупой профессии, переходящей по наследству! И сейчас — ты такой важный, такой самоуверенный, обожравшийся наглый болван, у которого есть время говорить о звездах! А я трясусь, а я дергаюсь, места себе не нахожу, трачу драгоценные нервные клетки! Ну ничего, у нас в запасе вариант имеется. Только бы найти да еще выяснить, кто посмел...»

Раздумья Александра Моисеевича прервала голосующая у дороги девушка. Он позволил вволю повизжать тормозам и с любопытством посмотрел на гипотетическую попугчицу. «Совсем одна. Так поздно. В безлюдном в общем-то месте. Проститутка, вероятно. Но почему здесь? Неужели работает дикарем, в одиночку? И не боится ведь!..»

Эрберг, как он это ловко умел, выразительно кивнул: садись, мол, рядом. Девушка села, не говоря ни слова. По ее прерывистому дыханию и припухшим глазам чувствовалось, что она долго плакала. Ее плечи время от времени вздрагивали. Наконец Эрберг прервал пантомиму.

— Куда вам? — делано участливо спросил он. — И почему вы плакали?

— Мне все равно куда. А плакать... не... стану... боль... ше... — Она зарыдала.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Нет, н-н-нет, — с трудом выговорила девушка, тщетно пытаясь справиться с вновь подступающими к горлу спазмами.

— А знаешь, поехали со мной, в кабак. — Чутье подсказало Эрбергу, что пора переходить на «ты». — Поехали. Местечко я знаю одно — супер! Можно будет рассказать друг дружке о гор-ре. Каждый расскажет о своем. Глядишь, и отляжет.

Девушка улыбнулась — вот уж действительно сквозь слезы.

— Как вы смешно произнесли. Я ведь совсем вас не знаю. Я, оказывается, вообще ничего не знаю...

— Вот и узнаешь! Я... — тут Эрберг несколько секунд помедлил, все-таки решив назвать свое настоящее имя... — Саша. А ты...

— Наташа, — в рифму продолжила девушка и вновь улыбнулась, уже не так робко.

— Ну и славненько. Саша и Наташа! А грассировать я принимаюсь, когда чувствую, что говор-рю с очень хорошим человеком, с близкой душой, понимаешь?

Наташа понимала и утвердительно трясла головой.

«Симпатичная, — решил Эрберг, незаметно изучая Наташу. — Есть в ней что-то уютное, для домашних хлопот предназначенное. Вряд ли проститутка. Впрочем, хоть бы и так. Мне-то что?»

Иногда, в трудную минуту, Александр Моисеевич ощущал острую необходимость в собеседнике. Причем в большей степени слушающем, нежели говорящем. Друзей у него не было. Женой он не обзавелся. Из родных — только старуха мать, вечно готовящая фаршированную щуку и мацемел — пресное рассыпчатое печенье из мацы, тогда как сын обожал медовые лепешки. К старости она сохранила ясный рассудок, но говорила теперь только о прежних временах и о перипетиях жизни сериальных героев. Какой тут может быть разговор по душам? А высказаться бывает ох как нужно!

— Приехали. — Эрберг проворно выбрался из машины и открыл дверцу с Наташиной стороны. — Пожалуйста.

Пасмурная раннеосенняя ночь неторопливо дышала влагой. Непроглядная волглая духота предвещала скорый дождик — тихий и долгий. Ветер, наверное, удобно свернулся клубочком и спал и вовсе не хотел отгонять подступающее ненастье. В такую ночь добрые

люди радуются, что у них есть дом и что они надежно защищены от скорых холодов.

Но Эрберг и Наташа направлялись не домой, не к семейному очагу, потому что по большому счету ни у того, ни у другого не было дома, где бы за них волновались. Они, столь заметно разделенные жизнью и столь скрыто объединенные — уж несколько дней как! — смертью, даже выражением лиц были похожи. Несоединимое соединилось. Женственная, светловолосая, не умеющая быть проницательной Наташа и лысоватый, полнеющий, чуть сгорбленный, будто от непосильной ноши, рыскающий вокруг цепкими, зоркими глазами Эрберг.

Двери закрытого ночного бара «Готика» были открыты, кажется, специально для них. Александра Моисеевича здесь явно знали и ждали. Строго одетый молодой человек встречал гостей у порога. «Все готово, господин Эрберг», — сказал он как-то уж очень по-деловому. Словно бы речь шла не о кабаке, пусть и приватном, а о дипломатической резиденции по меньшей мере.

Пока они усаживались за специально подготовленный столик, Эрберг успел шепнуть Наташе на ушко: «Люблю это место, ибо музыка тут мерцает. А свет — тихонечко звучит».

Заместитель Марка Краснова искренне полагал, что разбирается и в музыке, и в поэзии, и в живописи. А еще — в хороших винах. И потому предложил Наташе выпить немного сухого мартини с оливками и миндалем, а сам, на удивление бармена, вместо более привычной для себя водки заказал текилу. Водки с маринованными огурчиками ему, понятно, желалось гораздо больше, чем нездешнего вкуса жидкости, которую вдобавок ко всему полагалось закусывать лимоном и солью. Однако он стремился во что бы то ни стало произвести впечатление на девушку.

«Пора изменять плебейским привычкам», — подумал он, морщась от третьей текилы, которая упорно не хотела становиться приятнее на вкус.

— Почему такая красавица плакала и что искала на дороге? Молчишь? Сомневаешься, наверное, нужны ли мне твои беды. И правильно сомневаешься — у меня и своих хватает.

— Какие же у людей вроде вас могут случаться беды? — поинтересовалась Наташа, и, судя по реакции своего визави, поинтересовалась зря, не своевременно.

— Людей вроде меня нет. Я один, Наташенька! Один. Чижик, еще! — Он быстро пьянел, но говорил все же быстрее. — А вот вроде тебя... Не обижайся на старого еврея.

— Да не до того мне, чтобы обижаться. Муж от меня ушел. Обиженные не обижаются. Делать что — не знаю...

— Муж, говоришь? А я тебя было...

— Что, за проститутку принял? — Хмель говорил и в ней.

— Нет. Не совсем... В общем, не обижайся на старого еврея — да.

Они одновременно засмеялись. А потом разбеседовались — и про синюю птицу судьбы — индейку, и про долги, что всегда возвращаются, и про ушедшего к другой мужа...

— Ушел, ну и черт с ним! — выпалила Наташа. — Победоносец хренов! Стерва Кирка воображает, что он ее любит. Дулечки! Он любит только свой... — Она выругалась.

— Пр-ректасно, пр-ректасно ругаешься! — обрадовался ее спутник. — Если бы я был твоим мужем, то ни за какие коврижки тебя не оставил бы, даже бы за медовые.

— А разве ты не женат? — На лице Наташи изобразилось искреннее удивление.

— А ты как думаешь? Странное дело, обычно бабы за версту женатых мужиков чувят. Есть все-таки в тебе что-то...

— Что что-то?

— Что-то... пер-рядоположное, нер-реальное.

— Какое?

Наташа смутилась. Ее правильные черты исказила неуклюжая гримаска обиды и усталости. Мужчина заметил, как в сумрачном полусвете ночного бара заблестела влажная поволока женских глаз.

— Ты либо смеешься, либо плачешь! — изумился он. — Как это по-русски! Давай-ка лучше еще выпьем. Чижик! На посошок!

— Нет, мне нельзя больше, — попробовала отказаться Наташа, внутренне испугавшись тяжести своего языка.

— А мне, что ли, можно? Чижик, на посох!

Девушка огляделась. Зачем она здесь, в каком-то зловещем месте, в компании поношенного и, оказывается, довольно хамоватого субъекта? И для чего напилась? И как поведет себя дальше?

— Слышите, Александр. — Она возвратилась к «вы». — Я вот соображаю, чем оригинал — вам подобный — может заниматься: поди, содержите какую-нибудь лавчишку со всякой дрянью и дрожите над ней, как жид над изюмом. Да? Угадала? Ах, извините, совсем забыла, что подобных вам не существует... Что ж, экземпляр вы и правда редкостный.

Эрберг опешил. Он никак не ожидал такого наезда от бабы. Да и чем он ей не угодил-то?! Он даже картавить перестал от обиды. Все и впрямь последнее время шло комом. Как сказал бы преданный Витек, «перехватило Моисеича». Менделей скурвился, сырье увели куда-то, свидетельница сбежала. Бабенка, с которой хотел душу отвести, и та гонор показывает. Жеребина, вишь, от нее ускакал!

«Что? — спохватился Эрберг, вмиг протрезвев. — Как она мужика-то обозвала? Победоносец? Георгий, стало быть. А не Менделей ли это баба?! Да нет. Такие совпадения только в дешевых детективах попадают. А если и Менделей — что тогда? Уж не подослал ли ее святой Маркий? Она ведь, считай, сама на меня вышла, только под колеса не бросилась. Нужно проверить. И чтоб без сучка без задоринки!»

Маниакально обостренная мнительность не раз выручала Александра Моисеевича Эрберга. В аналогичных случаях он привык идти в атаку, действуя быстро и решительно.

— Наташа, — обратился он к девушке совсем другим, как будто бы со дна бездонной заброшенной штольни доносящимся голосом. — Я владею не лавкой. И не супермаркетом «Мир». Я просто владею миром. Мне достаточно лишь пожелать, и такие, как ты, станут оружием в моих руках. Вы все для меня — сырье, экспериментальный материал, гумус. В моей власти заставить вас любить или ненавидеть. Или превратиться в растение. Хотя ты и без того — пустоцвет! Тебе не понять, что значит быть наравне с богом.

Но все равно — смотри! — Он, сверкнув глазами, проткнул себе палец — один из трех на правой руке — острием первого, что попало ему под руку, — зубочистки. И достал из кармана две крохотные пробирочки. — Это живая и мертвая вода!

Малочисленные и не столь уж шумные посетители заведения вовсе притихли. Несколько пар глаз с ожиданием и любопытством следили за действиями новоявленного фокусника. Даже музыка смолкла.

Гипертрофированная осторожность причудливым образом сочеталась в натуре Эрберга с тягой к внешним эффектам. Поэтому внимание публики вдохновило его еще больше. Он торжественно оросил ранку — сначала из темной, а затем из светлой пробирки. Капающая на пол кровь немедленно остановилась, стемнела. Начала быстро подсыхать и вскоре

осыпалась коричневатой пылью. От укола на коже не осталось и следа.

— У меня жизнь и смерть на посылках! — похвалился Эрберг и на порядок тише, так чтобы не услышали окружающие, добавил: — Сегодня моя живая вода понадобилась бы самому Менделееву.

Он посмотрел в сторону девушки. Ее ответ означал ее судьбу.

— А Ньютону, надо полагать, она понадобилась еще вчера. — Наташа энергично покрутила указательным пальчиком у виска и язвительно усмехнулась. — Эврика! Завтра советую оживить Архимеда! А с меня хватит.

Через несколько минут вдова Менделея, не догадывающаяся, что она вдова, купила за стойкой пачку сигарет «Давыдов» и с облегчением покинула зловещие пределы «Готики». А Эрберг, с облегчением вздохнув, остался.

— Таких совпадений в жизни не бывает, что и требовалось доказать!

— Как тебя хоть зовут-то?

— Не знаю.

— Мля... А живешь ты где? Помнишь?

— Не помню.

— Ешкин кот! Что ж мне с тобою делать-то? Вот чего. Ложись и спи пока. Утром разберемся. Может, вспомнишь чего. Давай спи. Да не трясись ты! Ложись вот тут. Давай-давай.

Нежданную гостью Витька уложил на диване в спальне наверху, сам спустился на первый этаж, уселся в кухне, закурил. Такого с ним еще не бывало. Девчонка была очень молоденькая, очень плохо одетая — в каких-то мужских штанах, отрезанных по колено, которые спадали с нее, несмотря даже на ремешок. Футболка старая и потасканная... К тому же девка была босиком. Но все на ней было чистым. И сама она на бомжиху не походила — длинные чистые волосы, аккуратные ногти, нежная кожа. Вот только единичный след от укола в сгибе руки смутил Витьку. Но некоторое время покумекав, он сообразил, в чем тут дело. Нормальная девчонка попала в плохую компанию. Там ее ширнули какой-то дрянью, обобрали и вышвырнули на улицу. Может, чем пригрозили. Она перепугалась и кинулась к нему, Витьку, за помощью. И он эту помощь оказал. Все ж он мужик!

Вопрос был в том, что дальше делать с этой беспамятной. Не исключено, что она утром проснется и вспомнит, кто она такая и где живет. Тогда Витька отвезет ее к маме-папе. Если же не прочухается — сообразим, что с ней делать. Выкрутимся. На то и голова на плечах.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Успокоенный этой мыслью, Сотников отправился спать. Спал он, как всегда, крепко и без снов, но перед рассветом проснулся. Что-то мучило его, какое-то неоформленное беспокойство.

Кольцо! Пока он рассматривал вены девчонки на предмет следов от уколов, ему в глаза бросилось кольцо на среднем пальце тонкой, ухоженной руки. Кольцо было явно золотым и недешевым. Буква «К» в окружении веточек, усыпанная мелкими, остро сверкающими камушками. Может, стеклышками? Скорее всего, бриллиантами. Такие вещи случайно не носят, вероятно, с буквы «К» начинается имя девушки. Скажем, Катерина. Но вот в чем загвоздка — если ее обдолбили наркотиком и обобрали, раздели и обрядили потом в чужие старые тряпки, то почему не взяли кольцо? Оно ведь не дешевое и очень броское, не заметить его трудно!

До звонка будильника Витек не смог заснуть, ворочался, курил и пил минералку из бутылки. Потом встал и первым делом пошел навестить девчонку. Та не спала, сидела на диване, сжавшись в комочек.

— Ну, как ты?

— Спасибо, хорошо.

— «Спасибо»... Ты вспомнила, как тебя зовут, а?

— Н-нет...

— Может, ты у нас Катерина? Катя-Катя, Катя-Катерина?

— Может быть, — тихо сказала девушка, и ее глаза наполнились слезами. Женских слез Витек не выносил и решил сменить тему.

— Чего кран открыла? Не реви, я сказал. Сейчас завтракать будем.

На завтрак Витек соорудил огромную яичницу с помидорами и колбасой, но Катерина к еде не прикоснулась. Щипала только корочку хлеба, зато чаю выпила три чашки. Доев яичницу, вытерев куском хлеба сковородку и стерев с подбородка желток, Витек сказал свое гостье и подопечной так:

— Вот что, подруга. Мне с тобой сейчас возиться некогда. На работу надо ехать. Начальство у меня строгое. Телохранитель я, поняла? А вечером я приеду, привезу тебе лепилу... Доктора то есть. А ты не скучай, телевизор посмотри. Жрать захочешь — еда в холодильнике. Бери все, не стесняйся. Приеду часиков в семь. Никого не бойся, сюда никто не придет.

Девчонка кивала, глядя Витьку прямо в глаза. От этого потерянного взгляда ему стало неловко и, признаться, жутковато.

— Ну, мне пора.

Катерину он пересадил в гостиную, включил ей телевизор, дал в руки пульт. На столик рядом с ней пристроил вазу с фруктами. Удовлетворенно оглядел всю картину — хорошо! Только дверь он, пожалуй, запрет. Нет, эта девка его явно не ограбит, но вдруг самой придет в голову сбежать?

И Витек отчалил на работу.

Витя Перехват немного покривил душой перед странной гостьей. Он был не телохранителем, а всего лишь охранником в офисе. Правда, несколько раз шеф брал его с собой в разные поездки, когда считал нужным охрану усилить. Витек этим очень гордился и мечтал стать настоящим крутым телохранителем. Но он и без того был в почете, шеф его ценил и то и дело заводил с ним разговор, спрашивал про жизнь, нет ли каких жалоб, и обещал сделать все, что он, Витек, ни попросит. Да о чем Витьку просить? У него и так все было. Зарплата хорошая, порой шеф давал еще мелкие поручения, за которые неплохо приплачивал. Витек смутно понимал, что поручения эти порой нарушают определенные статьи уголовного кодекса, но шефу перечить не хотел и работу свою исполнял чисто. Кем бы он был, если б не шеф? Бандюганом мелким, вот и все! А теперь Витек — человек, все к нему с уважением, мамане он помогает, и самому на жизнь остается. А шеф ценит преданных людей, своего человека в обиду никогда не даст. На службе его боятся, но это кто боится? У кого рыльце в пуху. А Витька всегда служил шефу верой и правдой. Значит, не грех к нему и с просьбой обратиться. Только он был бы сегодня на месте, а уж Витек постарается все уладить.

К счастью, шеф появился вовремя. Выглядел он немного уставшим, и Витек решил, что сам с ним заговаривать не станет.

— Ну что, Виктор, как жизнь? — спросил его шеф. Вот какой человек! На самом лица нет, а о подчиненных заботится!

— Просьба у меня до вас есть, Александр Моисеич, — выдал Витек, не дожидаясь, когда шеф пройдет мимо.

— Да? А что такое?

— Да вот, доктор мне нужен. У нас тут докторов навалом, может, вы одному предпишете сегодня со мной съездить?

— «Предпишете», — хмыкнул Моисеич. — Слова-то ты какие знаешь, оказывается! На вид-то дурак-дураком. А зачем тебе доктор? Выглядишь ты вполне здоровеньким. Или

триппер подцепил?

Шеф улыбнулся, и Витек тоже коротко гоготнул. Слава богу, Моисеич в духе сегодня.

— Да нет, не то. Тут такая история вышла...

Слово за слово, Витек наскоро рассказал шефу про вчерашнюю девчонку. Моисеич бровью не повел, словно это вполне обычное дело.

— Ты у меня молодец, Витек, — кинул он небрежно. — Добрая душа, защитник слабых и сырых. Конечно, о чем речь! Будет тебе доктор. Сегодня же вечером. Только вот что — ты зря больную девочку одну, без присмотра, оставил. Это, Витя, неправильно. Сейчас покумекаем, как бы нам получше сделать...

Моисеич задумался. Витька стоял рядом навтытяжку, ожидая решения шефа.

— Ты сейчас поезжай домой. Смотри за ней, коль уж взялся. Мы в ответе за тех, кого приручили! Слышал такое изречение? То-то и оно. А к вечеру я, так и быть, пришлю к тебе в Болотное машину с доктором. Скажем, Костик поведет. Или Игорек. Он ведь знает, где ты живешь?

— Спрашиваете? — расплылся в улыбке Витька. Игорек, телохранитель Моисеича, был крутым парнем, и пару раз они бухали на Витькиной даче.

— Вот и хорошо. А ты поезжай, поезжай, голубчик. У тебя вон и вид усталый. Робин Гуд ты наш...

Раз шеф отправляет — надо ехать. По дороге Витька решил обтыпать еще одно дельце. Прежде чем направиться домой, он заехал к одной своей подруге.

Кристина — молодая особа не слишком тяжелого поведения, хорошенькое создание с кукольно-прелестным личиком, с длинными темными локонами — была более или менее постоянной Витькиной подругой. Проституткой Кристиночка не считалась, но в определенных кругах заслужила прозвище Крыся Дай-дай — за неумную страсть к дорогим подаркам. Основным ее занятием считалась служба манекенщицей в крошечном захудалом агентстве. Несмотря на подходящие внешние данные, ее карьера в модельном бизнесе не слишком успешно складывалась — может быть, благодаря прискорбному пристрастию к ликеру «Бейлис». В плохие месяцы Кристина не гнушалась подрабатывать эскорт-услугами, ходили слухи, что она пробовала себя и в роли кинозвезды. Дебютировала она, правда, в фильме, который вряд ли когда будет показан на широком экране — фильмы такой категории в нашей стране продаются из-под полы и бывают отмечены тремя иксами. А что делать? Жить захочешь — еще не так раскорячишься. Кристина была детдомовской девчонкой и не страдала излишними комплексами, особенно в том, что касалось снискания хлеба насущного. Вообще, она полагала, что весь мир ей что-то должен. Быть может, это были не столь уж неосновательные предположения.

Сотников Кристинку любил, и его щекотливый род занятий подруги отнюдь не смущал, он даже ею гордился. Крыська была хороша собой, весела, не дура выпить, в постели походила на тайфун «Глория» — что еще нужно нетребовательному человеку от бабы? Ведь не жениться он на ней собирается, не детей с ней заводить! Хотя, может, и жениться. Потом. Если она хорошо себя вести будет.

Вчера Кристинка, видать, долго и крепко гуляла, потому что открыла дверь только после пятнадцати минут настойчивых звонков. Выглядела она сонной и своему возлюбленному не слишком-то обрадовалась.

— Витек? Ты чего так рано, обалдел совсем? С пьянки, что ль, едешь?

— С какой такой пьянки, белый день на дворе. С работы я еду. Дело есть, Кристиночка.

Собирайся, поехали ко мне в Болотное.

— Ну, поехали, если не шутишь. Да чего случилось-то?

Витек наскоро изложил ей события вчерашнего вечера и сегодняшнего утра. Крыська слегка надулась:

— Это что ж, у тебя там, дома, телка сидит? Ни хрена себе «киндер-сюрприз» с утра пораньше!

— Да ну, у тебя одно на уме!

— А у тебя, кобелины, что на уме?

— Кристин, ты не лезь в бутылку. Ты не так поняла. Она ж просто замухрышка, убогая! Я ей только помочь хочу. Я ж мужик. Как шеф сказал — Робин Гуд! Поняла? А у тебя прошу одного — захвати с собой какие-нибудь шмотки для нее, а то она как бомжиха. Ну, платье там. какое не жалко, туфли... Кристиночка, за мной не заржавеет! Сегодня у меня выходной, возьмем бутылочку «Бейлиса», залезем в бассейн, отдохнем, как белые люди...

— Чего-то влом мне твоим телкам платья дарить, — огрызнулась Кристина, впрочем не прекращая одеваться.

— Да ну брось! Я бы ей сам купил, да не знаю какое. А у вас с ней вроде рост и фигуры одинаковые. Тебе я потом три платья куплю! И туфли!

— Ладно, уломал, черт языкатый...

Из своего обширного, по не грешащего излишним вкусом гардероба Крыська выбрала джинсовое платье-сафари — носить она его все равно не будет, сбоку клепочка отвалилась! — и туфли с длинным загнутым носом. Такие все равно из моды вышли. Захватила даже трусы для неведомой убогой телки. Новые, в нераспечатанной коробочке — знай нашу доброту! И косметику даже взяла. Она тоже не хуже Робин Гуда!

Вооружившись таким образом и прикупив в супермаркете выпить-закусить, парочка отправилась в поселок Болотное, нести свою высокую миссию «убогой замухрышке».

Витек нашел гостью, как оставил — на диване, перед включенным телевизором. И телевизор-то был на том же канале, на каком он его включил! На экране гремели бразильские страсти.

«— Дон Хулио, как вы могли допустить, что ваша дочь попала в такое ужасное место?

— Оставь меня, Марио. Она мне больше не дочь. Я ее знать не желаю.

— Вы поступаете плохо, дон Хулио! Я люблю Розалию и спасу ее! Я найду ей лучшего доктора, я не пожалею любых денег!»

Витька хмыкнул недоверчиво и телевизор выключил. Мужественный брюнет из сериала тоже собирается спасти какую-то Розалию, которая вляпалась в неприятности. Это в некоторой степени сближало Витька с телевизионными героями — пусть даже такими нудными и слюнвявыми. Мелочь, а приятно.

— Ну, ты чего, подруга? Так и сидела тут? Хоть поела чего-нибудь?

Перед вазой с фруктами лежал нож, валялись очистки яблока, яблочная сердцевина.

— Яблочко сточила? Ай, молодец! Витамины тебе полезны. Крыська, ты где там застряла?

Кристина подкрашивала губы в холле, но по первому зову вбежала в комнату и защебетала:

— Ой, привет! Тебя как зовут? Меня — Кристина. Витек мне про тебя рассказал. Смотри, и правда — у нас фигуры одинаковые. У меня только ноги длиннее и талия тоньше. Я, знаешь, манекенщица! Смотри, я тебе тут кое-какие шмотки привезла. Померяешь? А тс что ты как бомжиха!..

Девушка вопросительно посмотрела на Витька, словно спрашивая у него разрешения.

— Переоденься, а что, — солидно покивал тот. — К вечеру доктор приедет, посмотрит на тебя. Душ прими, если хочешь, и переодевайся. Кристинка хорошая девчонка, она тебе поможет.

— Давай, давай, иди отсюда, Робин ты наш Гуд! Иди, продукты достань, а то все сопрет. А девочки пока займутся своими делами, да, подруга?

Девушка кивнула и приподнялась с дивана. Витек послушно удалился, а Кристина принялась в меру способностей опекать свою новую приятельницу. Она помогла ей встать и проводила до душа, вытерла и причесала ей длинные темные волосы, при этом не прекращая болтать:

— Это у тебя свой цвет такой? Ну надо же, сейчас все волосы красят. И тебе тоже нужно. Как выздоровеешь, обязательно сходи в «Бьюти-центр», у меня там мастер знакомый, Васька. Он из тебя конфетку сделает. Пряди у лица осветлить нужно на полтона и подстричь слегка, чтобы укладка держалась. Ты какую прическу носишь? Распушенные — жарко в такое пекло.

Улыбнувшись, но не сказав ни слова, девушка просто завязала роскошные волосы в узел.

— Ну, пока можно и так, — милостиво разрешила Кристина. — Теперь смотри. Вот тебе трусики чистые — кстати, DIM, видишь ярлычок? Недешевая вещица, скажу я тебе. Платице — сафари. Тебе идет!

Кира застегнула пуговицу у горла, и в луче солнца вспыхнуло мелкими бриллиантиками кольцо у нее на пальце. Глазки у Крыськи Дай-дай тут же зажглись отраженным светом.

— А колечко у тебя какое! Слушай, это бриллиантики, да? Я обожаю бриллианты! Лучшие друзья девушек, да? Смешно — мое имя тоже на «К» начинается: Кристина!

Все так же молча девушка сняла кольцо с пальца — оно не поддавалось, шло медленно, но все же соскочило — и протянула на ладони Кристине.

— Можно померить? — уточнила Крыська.

— Возьми себе, — ответила девушка. — Если тебе понравилось — возьми.

Кристина так привыкла к ее молчанию, что аж подскочила от неожиданности:

— Во, так ты у нас не немая, оказывается! Как это так — возьми! Оно ж золотое, с бриллиантами... И чистенькие какие камушки, хоть и крохотные... Я в этом понимаю.

А сама уже нацепила на палец и крутила рукой так и сяк, любуясь ледяными всполохами.

— Возьми, — повторила девушка. — Ты мне и платье, и туфли, и отнеслась так хорошо... Я тебе дарю.

— Ну, спасибо, — взвизгнула Кристина и от души чмокнула приятельницу в щеку. — Ты мне теперь подруга, да? Я тебе тоже какое-нибудь колечко подарю потом, у меня полно, ты не думай. Люблю я эти цацки до смерти! А теперь пошли, там Витька уже куру поджарил. Он классно готовит. Я вот совсем не умею, я в детдоме росла, вот и не научилась. Даже чай не могу заварить! Ну, шевелись! Поедим, выпьем!

— О! Катерина наша на человека стала похожа, — ухмыльнулся Витька, деловито хлопоча у стола. Он любил и умел готовить, не считая это постыдным для мужчины, и теперь готовился блеснуть своими талантами. — Курица сомлела, и салат охлаждается. Садитесь, девчонки. А ты ничего! — подмигнул он гостье и тут же получил шутливо по затылку от Кристины.

— Ничего! Я ж говорю, кобелина! Это не про тебя цветочек!

— Это почему же? — удивился Витек. Даже полотенце уронил.

— Она из интеллигентов. В университете, наверное, учится, — кивнула на смутившуюся гостью Крыся.

— Га-а, с чего ты взяла? Вы ж, поди, двух слов не сказали! Вернее, она молчала, а ты триндела без умолку. Катерин, ты где учишься? Правда в университете?

— Не помню, — тихо сказала девушка.

— Вот видишь, — наставительно произнес Витек. — А ты говоришь...

— Ничего не значит, — упрямилась Крыся. — Все равно, по глазам вижу. Домашняя девочка, книжки читает. А ты, Витюшка, держись возле меня, я тебе как раз по зубам.

Она кокетливо отбросила с лица прядь, и Витек увидел кольцо.

— О! Уже выпросила! Ну, сорока-воровка, не может, если что блестит и не на ней! Голду у меня выпросила, в палец толщиной, представляешь? И хоть бы раз нацепила! — обратился он к гостье. — А ну, верни ей кольцо!

— Сча-сс! — надулась Кристина, немного обиженная на «сороку-воровку».

— Не надо... Она хорошая, я ей подарила, — подала голос девушка.

— Хорошая... Когда спит зубами к стенке... — проворчал Витек, но свои требования оставил. «В бедности Крыська росла, вот и не нажрется теперь никак красивой жизни. Правда, что ль, на ней жениться... Пропадет без меня совсем, а баба сладкая. Хоть и с характером», — тяжело соображал он, протирая полотенцем вилки. Правда, сам он предпочитал есть руками. Так вкуснее и надежнее. — Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста! — провозгласил он и бухнул на стол бутылку «Бейлиса» — «сладенького для

девочек», бутылку водки — для себя и бутылку шампанского — «для шумного салюта».

— Витька, сколько раз тебе, балде, буду говорить, чтоб не охлаждал ликер! — высказалась Кристина.

— А ты не пей, — посоветовал с набитым ртом радушный хозяин. — Ишь, балдой обозвала...

— Еще чего! «Не ней»! Умный какой!

— Тогда не гавкай... Поумнее тебя.

От души потчевали гостью. Она с видимым удовольствием съела кусок жареной курицы, поклевала салат, но от выпивки отказалась, налила себе стакан минеральной воды.

— Не нажимай, — приказал Витек, когда Кристинка стала совать девушке под посрюмку с ликером. — Может, она чувствует себя плохо. От этого твоего пойла и здоровый загнетса. Пусть доктора дождетса трезвой, а потом — хоть в запой на три дня.

И Кристина отстала.

Откушав водочки и насытившись, Витек развеселился, Кристина тоже пришла в игривое расположение духа. Обед затянулся, время шло к четверем.

— Ну что, в бассейне поплещемся? — предложил хозяин.

— Тоже уж и бассейн у тебя, — презрительно поджала губки Кристина.

— У тебя и такого нет! Да ну, не ломайся. Жарко!

Порядочного бассейна у Витька действительно не было. Он собирался его выкопать, даже узнавал, сколько это стоит, но фирма заломила такую несусветную цену, что мечты пришлось оставить. Однако Витька Сотников не растерялся и прикупил бассейн надувной. Ничем не хуже настоящего! В таком, правда, не поплаваешь, не поныряешь вволю, но поплескаться с телкой можно. Очень удобная штука! Да и Кристина ломалась только для виду — как миленькая пошла за Витьком, прихватив бутылку своего ненаглядного «Бейлиса».

Гостья от купания отказалась.

— Я лучше погуляю, — тихо сказала она. — Если можно.

— Можно, чего ж нельзя! Тут не заблудишься, участок огороженный, да и не шибко большой. Погуляй, разомнись. Тут тебе и яблоки, и груши, и крыжовник. Все маманька посадила, делать ей нечего. Любит в земле покопаться, хоть коренная горожанка... Скоро и доктор приедет...

Парочка полезла в бассейн, а гостья пошла гулять по участку.

Но Витьку недолго пришлось резвиться в прохладной воде со своей легкомысленной подругой. У ворот послышался звук подъезжающей машины.

— Тьфу ты, как не вовремя, — вздохнул хозяин. — Это доктор, не иначе. Погоди, надо их встретить... Да ты не вылезай, ты-то им на фиг не нужна!

Но по дорожке уже быстро шел человек.

— Здорово! — крикнул Витек из бассейна, узнав Игоря, скаловидного охранника. — А доктор что... — И осекся, увидев в руках у Игоря длинный пистолет с нашлепкой глушителя. — Ты чего? — забормотал Витька, двигаясь к краю бассейна. — Ты чего? Спрячь вольну-то, ну...

Кристинка конечно же сразу завизжала, закрыв лицо руками. Темные пряди, утеравшие завивку от влаги, распластались по воде. Подаренный перстенок сверкнул ледяными лучами.

Не говоря дурного слова, Игорь поднял пистолет и выстрелил. Тихий щелчок выстрела прервал Кристинкин визг моментально, и она упала в воду — лицом вниз, и по воде

поплыло от ее головы маленькое красное облачко. Постепенно оно расширялось...

— Ты зачем? — бормотал Витек, уже понимая, что случилось что-то очень нехорошее. — Игорь? Давай поговорим, а? Если там проблема какая?

И все двигался, пытаясь теперь, чтобы кровавое облако не коснулось его.

— Никаких проблем, — ответил Игорь сочувственно. — Извини, Витек. Ничего личного. Так получилось.

Последних слов Сотников уже не услышал. Игорь выстрелил дважды. Вода из бассейна начала потихоньку уходить — через дырочку от пули.

Кира остановилась у забора. Там пышно разрослась сирень, коричневые огарки отцветших гроздей еще были видны в темно-зеленой листве. Сейчас мир ее словно сузился до крошечного пятка, на котором она балансировала, чтобы не рухнуть в воющую бездну безумия. Черная завеса в голове, там, где жили ее воспоминания о предыдущей жизни, была, казалось, тонка и воздушна, но совершенно непроницаема. Быть может, стоит сделать небольшое усилие, и завеса распадется, и она вспомнит свое имя, сможет вернуться домой, в безопасный, светлый, просторный мир...

Но душа Киры, испуганная человеческая душа, не желала делать усилий. Она знала, что никогда мир не станет для нее прежним. Она знала, что на ее глазах убили близкого ей человека — только вот Кира никак не могла припомнить, кто был этот человек и что он для нее значил! — чуть было не убили ее. Кто-то надругался над ее волей, насильно вколов ей прозрачную отраву, от которой и помутилось так страшно в голове, — и Кира знала, что никогда не забудет этого.

Ее мир, мир, наполненный цветами и музыкой, добрыми людьми и уютными вещами, мир ласковый и игривый, как резвящийся котенок, потерпел крушение. И сознание Киры отказывалось принять, отказывалось воспринять эту новую страшную реальность, в которой человека могут убить такие же люди, в котором нужно бежать, и прятаться, и умолять кого-то о помощи, и переодеваться в вещи с чужого плеча! В ту пронизанную дрожью минуту, когда Кире удалось выбраться из дома, где ей грозила неминуемая гибель, она твердо сказала себе: «Это не я. Это не со мной». И сознание приняло этот сигнал, и память о том, кто она такая, покинула ее.

Девушка смотрела на листья сирени, на старый, покосившийся забор — в тенике на нем висела куколка бабочки, пустая, вышелушенная куколка капустницы, белая в черную рябинку. Легкий ветерок колыхал пустую оболочку чудесно упорхнувшей феи, и от этого Кире становилось чуточку легче. Может, и не стоило никуда бежать, спастись, выжигать себе душу страхом? Может быть, и сам человек — только бессмертная бабочка-психея, таящаяся в смертной, некрасивой и тяжеловесной телесной оболочке? Бабочка упорхнет к солнцу, а про сухую скорлупку никто не вспомнит...

Киру обеспокоил не звук, но ощущение. Просто холодок пробежал по спине. Девушка вздрогнула всем телом. Народная примета гласит, что это кто-то прошел по твоей будущей могиле. Быть может, и так. Но сейчас Кира почувствовала близость собственной могилы. Пригнувшись, она выглянула из-за ствола молодой яблоньки. Да, кто-то стоял у бассейна. Это был не хозяин и не его веселая подруга. Два человека в черном. Именно от них исходил леденящий душу холод.

Неторопливо, на корточках, Кира начала отползать в заросли сирени. Бледное воспоминание пронеслось в ее голове — лето, дача, ей пять лет, и она прячется в таких же зарослях, а женский голос настойчиво зовет ее, все приближаясь. Но и в переливах этого голоса девушка не смогла узнать звуков своего имени.

В покосившемся заборе, облепленном паутиной и сочащемся коричневой трухой, был лаз. Наверное, его подрыло какое-то животное. Большой пес, брошенный хозяевами в этом дачном поселке. Большой коричневый пес с черными подпалинами, с репьями в хвосте бегал по участкам и соорудил для Киры основательный подкоп, замаскированный кустами сирени.

И девушка протиснулась в лаз, перепачкав в земле руки и колени.

Соседний участок выглядел заброшенным. Конопля и лебеда доходили до пояса, огромные лопухи вольготно раскинули прохладные листья. Дом тоже выглядел нежилым. Крошечный домишко, не сравнить с хоромами «на лицо ужасного, доброго внутри» Виктора! Окна были заколочены, на двери висел огромный замок. К нему явно давно не прикасались человеческие руки. Рядом с домом торчало еще какое-то строенье — подсобка с ржавыми лопатами? Бывший курятник?

Кира подергала дверь сараюшки — та была открыта. Здесь явно побывали бомжи — замок был вывернут вместе с петлями, на утоптанном земляном полу валялась рваная куртешка с вылезшими клочками ваты, пустые бутылки, консервные банки. Под ногами хрустело стекло.

Кира сделала пару шагов и споткнулась. Ее глаза уже немного привыкли к темноте, и она разглядела дверную ручку, торчащую из пола. Погреб! Тяжелая крышка, добротно обшитая листовым железом, явно прикрывала вход в погреб!

Девушка с трудом подняла крышку. Вниз, в полный мрак, уходила деревянная лестница, и Кира поставила ногу на первую ступеньку, от всей души надеясь, что она не сгнила и не треснет под ее весом. Если она упадет и сломает себе что-нибудь, то, скорее всего, останется тут навеки — умирать, как крыса в западне. И никто ее тут не найдет. Или найдут очень не скоро.

Но лестница, сработанная неведомым хозяином на совесть, выдержала легонькую девушку. С трудом надвинув крышку обратно, она спустилась вниз. В погребе было не так уж и холодно — даже приятно после знойного дня. В другое время и при других обстоятельствах полная темнота напугала бы Киру до истерики — но сейчас темнота казалась ей другом, ее бархатные руки нежно обняли девушку и понесли куда-то, баюкая.

Она решила сидеть в погребе, пока не станет невмоготу. Пока невыносимо не захочется есть и пить. Тогда она осторожно выберется и пойдет... куда-нибудь. Должна же быть милиция в этом поселке? Да и потом, не так уж важно, куда она пойдет и что предпримет. Быть может, ее найдут. Уже ищут. Ведь есть же у нее родные, близкие люди, которые беспокоятся за нее? Здесь и сейчас — тихо, спокойно, темно... Не надо никуда идти.

Кира задремала, опершись на какую-то дощатую перегородку — наверное, на ларь для картошки, как подумалось ей.

Во сне она шла по черному песку пустыни. Почему песок черный? Он ведь должен быть белым. Ах да, в пустыне ночь. Ночью песок всегда становится черным. Но как она тут оказалась? Убежала от мамы. Они шли вместе с мамой, и Кире было спокойно, тепло и надежно. Мама могла заставить всю эту пустыню зацвести, как один огромный сад. У мамы в руках волшебная сила. Она ведает тайны растений, она говорит с деревьями... Но Кира польстилась на оазис, презрев мамины сокровища. Оазис обманул ее, обернулся миражом, и сама Кира теперь — не более чем мираж.

Но что это там, впереди? Пески обрываются вниз, темный провал ведет в подземные чертоги. Кира не побоится спуститься туда, лишь бы не видеть черных песков, не идти по ним, волоча ноги. Тем более что из провала тянет знакомым запахом — уютного, обихоженого дома. И там ждет ее любимый... Она смутно помнит его лицо — густые брови, ясные глаза. Сила и нежность в грубовато выточенном мужском лице...

Ничего. Никакого провала, никаких врат в подземное царство. Но он был рядом! Это нечестно! Нечестно!

Она не знала, спала ли и долго ли это продолжалось. Из зыбкого забытья ее вывели голоса. Прямо над головой...

— Черт, какой тяжелый... Настоящий бугай.

— Покойники всегда тяжелые.

— Да ну?

— Точно тебе говорю. Мало я их перетаскал?

— А девка легкая.

— Так в ней чего — кожа да кости.

— Куда ее?

— Какая разница. Сюда клади.

— А сгорят? Они ж мокрые...

— Ты чё, совсем тупой? Сгорят как миленькие. Да и бензинчику плеснем, мигом займется.

— Я не понял: почему мы их в доме не сожгли? И все шито-крыто.

— Потому! У него еще мать осталась. Дом ей на старость пойдет. Надо же и о близких думать! А потом, потому что в доме нам еще пошариться надо. Эта девка, видишь ты, когда от шефа сбежала, прихватила с собой одну интересную штучку...

— Какую?

— А вот это, Павлик, не твоего ума дело. Видишь, Витек тут краем замарался, и тогда шеф убрать велел. Жалко парня. Девка эта по случайности в его машину прыгнула, надо ж было случиться такому совпадению... Так что без вопросов. Давай иди.

— Понял. За бензином идти?

— Нет, за газировкой!

— Понял...

Наверху стало тихо, слышались только осторожные шаги. Кира зажала себе руками рот — ей казалось, что она узнала голос одного из вчерашних убийц. Того громилы со спокойными глазами. Значит, они убили Витька. И Кристину тоже. Теперь собираются уничтожить следы преступления. Проще говоря, сжечь трупы прямо у нее над головой.

И эта мысль была последней каплей. Кира решительно встала и сделала шаг в кромешной тьме к лестнице. Сейчас она поднимется и выйдет отсюда. Хватит. Пусть этот кошмар кончится — как угодно, только кончится.

Небытие объяло ее. В непроглядном мраке кружились кровавые тени. Она слышала — небытие было пронизано звуками. Вой и треск пламени. Это адская бездна. Это адская бездна, и вот как выглядит жизнь после смерти. Не будет ни темного тоннеля, ни света в конце тоннеля. Будет только это пламя.

Хорошо, что нет сил бояться. Хорошо, что душа уже так переполнилась страданием, что в ней не осталось места для страха...

Но она не умерла. Смерть не приходит к человеку по его желанию. Приговор судьбы не подлежит обжалованию. Имя судьбы — Ананке. Три ее дочери, три мойры — Клото, Лахесис и Атропос — ведают исполнением ее воли. Клото прядет нить человеческой жизни. Лахесис проводит ее сквозь все испытания. А безжалостная Атропос неотвратимой рукой перерезает нить, обрывает жизнь человеческую. Три богини склонились над Кирой, и нить вьется в их прекрасных руках, но не видно блестящих ножниц. Ей рано умирать.

Падая, Кира ударилась затылком о деревянный стеллаж, предназначенный для домашних заготовок. Домовитый хозяин ладил эти полки из крепкого дерева. Годами стояли на них разнокалиберные банки — соленые помидоры и огурцы, варенье из мелких китайских яблочек, прозрачных и залитых медового цвета сиропом, рубиново-красное вишневое варенье, грушевый компот и соленые рядовки, которых так много по осени вырастает в лесах под Петербургом. Рачительные хозяева покинули дом, но полки остались, их не разобрали на дровишки вездесущие бомжи, их не тронуло тление, не сточил прожорливый жучок. И теперь этот стеллаж невольно помог пленнице погребам...

Она очнулась от холода. Холод исходил от земляного пола. Он мог бы убить Киру, пролежи она в забытии чуть дольше. Но Лахесис знала свою работу.

На ощупь Кира нашла лестницу, поднялась. Тяжелая крышка погреба стала теперь неподъемной. Но девушке все же удалось сдвинуть ее — ровно настолько, чтобы вылезти на свет. С великим трудом, задыхаясь от напряжения, она перевалилась через бортик и подскочила, словно ужаленная десятками злобных пчел. Под ногами у нее был пепел и тлеющие угли. Кое-где... Нет, это ей кажется. Этого не может быть. Нужно удержать сознание, во что бы то ни стало нужно удержать, иначе она больше никогда не встанет...

Но в пепле отчетливо были видны очертания человеческих тел... Они были словно слеплены из серого праха и распадались прямо на глазах, только искорки пробегали по тому, что совсем недавно было людьми...

И Кира бросилась бежать — от мертвого пепелища, к дому! Она не думала об опасности, не думала о том, что там ее могут поджидать жестокие убийцы. Она провела в погребе остаток дня и всю ночь. Сейчас было раннее, раннее прекрасное утро.

В доме ее ждала только тишина. Она кинулась в комнату, где провела прошлую ночь. Здесь скручивались и коричневели очистки яблока. Ничего. Кира пошла в ванную и увидела свою одежду — отрезанные по колено джинсы и футболка валялись на кафельном розовом полу, там, где она их вчера бросила.

Кира включила воду в душе и машинально начала раздеваться. Что бы ни случилось с ней — нужно вымыться. Короткий взгляд, брошенный в зеркало, показал девушке, что ее внешность сейчас вполне может проиллюстрировать поговорку «Краше в гроб кладут». Бледное лицо, измазанное паутиной и пеплом, слипшиеся пряди волос, испачканное платье.

Только вчера ей привезла это платье веселая подружка Витьки, Кристина. И выклянчила у Киры кольцо... Кира улыбнулась при этом воспоминании, но внезапно резко подступила дурнота. Кольцо осталось в куче пепла, на пальце, ставшем пеплом... К горлу подкатила тошнота, она еле успела согнуться над раковиной, и ее вырвало желчью. Отплеываясь от жгуче-горькой жидкости, Кира окончательно разделась и вошла в душевую кабину.

Под хлещущими прохладными струями ей стало легче. Некоторое время она просто стояла под водой, потом нашла кокетливую губку в виде сердечка, гель для душа в фигурном флаконе. Очевидно, покойный Витька Перехват был равнодушен к всевозможным туалетно-парфюмерным снадобьям, что странно в таком грубоватом и сильном мужчине. Впрочем, теперь не имеет значения, что любил или не любил Витька. Он мертв, и мертв по вине Киры.

Она несколько раз намылилась, ополоснулась, но все равно не почувствовала себя достаточно чистой. Выйдя из кабины, вытерлась огромным махровым полотенцем с изображением гоночной машины и влезла в свою одежду. В ней она бежала из дома в ту страшную ночь, когда убили Георгия... Эта одежда казалась Кире родной, она словно всю жизнь в ней провела. Сейчас девушке казалось нереальным, что когда-то она жила с мамой, носила только белые платья, туфли без каблуков и душилась духами «Tuberous Criminelle» Сержа Лютена.

Одевшись, Кира бессильно присела прямо на влажный пол. Она чувствовала себя ужасно. Голова кружилась, по-прежнему подташнивало. Так давал о себе знать стресс, долгое напряжение нервов и наркотик, помимо воли Киры влитый в ее организм. Яд продолжал действовать, и это сказывалось на всем. Кира по-прежнему не помнила своего имени и адреса, хотя многие обстоятельства прошлой жизни всплыли в ее памяти.

Она лихорадочно искала какую-нибудь зацепку, которая позволила бы ей хоть что-нибудь вспомнить! Но не могла.

Что-то колело ей ногу сквозь карман джинсов. Она сунула туда ладонь и извлекла прямоугольник из плотной серой бумаги — визитную карточку. Телефон не говорил ей ничего. Подпись гласила: «*Марк Дмитриевич Краснов*. Президент нефтяной компании МИНОС».

Кто это? Слабо зашевелилось воспоминание. Это знакомый ей человек. Он как-то связан с Дианой... А кто такая Диана? Но вместо Дианы припоминался только невыносимо яркий свет прожектора и невыносимо яркий голос, словно бы декламирующий стихи.

Как могла эта карточка оказаться в кармане обрезанных джинсов Георгия? Вряд ли она захватила ее, когда бежала через черный ход! Но не память, а нечто, стоящее за памятью, какое-то пост-видение показало ей: Георгий роется в ее сумочке. Роется не целеустремленно, не ищет нечто определенное. Просто шарит. Быть может, ревнует ее и не доверяет ей? Да, эта догадка верна. Вот он выуживает серый прямоугольничек визитки, читает надпись и удивленно приподнимает брови. А визитку прячет в карман джинсов... Тех самых поношенных, истертых джинсов, которые Кира через два дня обрежет огромными тупыми ножницами по колено и будет носить, затянув ремешком!

Теперь следовало найти телефон. И еще одно — определить, где же она, черт возьми, находится? Вряд ли можно попросить помощи у постороннего человека, объявив ему нечто вроде: «Спасите меня, я здесь!»

Телефон нашелся на столике в кухне. Серебристая «моторола»-раскладушка явно принадлежала не Витьку. Судя по сверкающему кулончику-цветочку, прицепленному к

телефону, ее хозяйкой являлась обожавшая всякую блестящую мишуру девочка Кристиночка... Крыська, как ее называл Витек.

Еще одно дело сделано. Ну-с, теперь не худо бы выйти на улицу и определить, где стоит этот дом. Спросить у прохожего. Прочитать табличку на стене или на собачьем ошейнике!

И Кира вышла из дома, потом по тропинке, усыпанной белым песочком, — за ворота. Но там не было видно ни души, улочка была пуста в оба конца, и ни случайного прохожего, ни собаки с ошейником не наблюдалось. Дом стоял на отшибе. Кира решила было двинуться дальше по улице, но услышала вдруг за спиной знакомый звук. Все ясно. Идти стоит не к домам, а туда, откуда доносится звук подходящей электрички и мелодично-монотонный голос станционной вещуньи.

Станция оказалась дальше, чем Кира могла предположить. Очевидно, в чистом и прозрачном осеннем воздухе звук разносился очень хорошо. Только через двадцать минут быстрой ходьбы девушка вышла к небольшой платформе. Деревянная будочка, выкрашенная в ядовито-желтый цвет, походила на дачный туалет, но по фасаду была украшена доской. А на доске неведомый живописец изобразил покосившуюся елку, гриб под ней, домик величиной с гриб и надпись: «*Пос. Болотное*».

Осчастливив себя этим сакральным знанием, Кира пустилась в обратный путь. Странно, но ей не пришло в голову захватить мобильник с собой на станцию. Почему? Сидела бы сейчас на платформе и названивала Марку Дмитриевичу... Но она ведь вышла из дома только на минутку, надеясь на прохожего...

Кире не пришло в голову обратиться к дежурной по станции, которая не пребывала в стрессе после тяжелых испытаний и вполне могла бы вызвать для девушки «скорую помощь» и милицию, да и хотя бы самого министра Шойгу Сергея Кужугетовича! Почетная железнодорожница на пенсии Татьяна Сергеевна Волосюк стрессов в жизни не имела, зато у нее была непутевая племянница. Девчонка отбилась от рук, стала выпивать и гулять направо и налево. Увидев из окошка шатающуюся, растрепанную Киру, Татьяна Сергеевна глубоко вздохнула. Вот и еще одна пропащая душа! Но выйти и поинтересоваться, не нужна ли девушке помощь, дежурная по станции не сподобилась. Не то нынче время, чтоб кому попало помощь предлагать. Тут самой бы в живых остаться!

Обратная дорога далась Кире тяжелей. В голове то и дело смеркалось, шум ветвей над головой казался гулом пламени, сердце то колотилось, как у испуганного кролика, то отмеряло удары, вообразив себя метрономом.

— Мадам, вы куда? Пойдите, мадам, разделите нашу компанию!

Люди, которые вышли наперерез Кире из невысокого березнячка и обратились к ней с галантным предложением, не могли показаться опасными даже в полумраке, не то что ярким утром. Это были обычные добродушные работяги, мужики лет по сорок, похожие друг на друга, как братья. Впрочем, быть может, они и были братьями. Вчера жарили шашлычки на вольном воздухе, у дачного мангала, поддали чуть больше нормы и сегодня, с утра пораньше, сбежали от нудящих жен, чтобы на воле, в рощице, опохмелить жаждущие организмы с помощью заначенной четвертушечки. Они вовсе не хотели обидеть или напугать бабенку, которая торопилась куда-то по своим делам, просто ее неровная походка показалась им вполне понятной и близкой, и они решили пригласить ее для прогулки к поселковому магазину и дальнейшего совместного угощения.

Но Кира вряд ли сейчас была в состоянии разобраться в ситуации. Приближающиеся мужчины показались ей потенциальными убийцами, опасными, как бешеные псы. Она

попыталась убежать — но ноги не слушались, казались ватными, как во сне, как уже когда-то с ней было. А преследователи не отставали, их веселые голоса, которые казались Кире издевательскими, звучали все ближе и ближе... И вот в ту секунду, когда преследователи уже должны были настичь ее, Кира отпрыгнула к обочине дороги и подняла кол, выпавший, очевидно, из ограды.

— Не подходите! — крикнула она, и глубоко запавшие, темно-серые, как грозовое небо, прекрасные глаза ее сверкнули бешенством. — Вон! Я... Я убью!

— Мадам, да мы только... — попытался объяснить один мужичонка, но другой, который был, может быть, трезвее, а может быть, рассудительнее, потянул товарища за рукав.

— Брось, Антоха, пошли отсюда. Пошли, я тебе говорю! Не видишь — она больная на всю голову! Не ровен час, кинется этой дрыной!

— Дык ведь...

— Пошли, я сказал!

Друзья свернули на боковую улочку и вскоре скрылись из вида. Кире это последнее усилие досталось дорого. Последние метры, отделявшие ее от ворот, она прошла за десять минут...

— Да. Я слушаю. Говорите же! — Напряженность молчания на той стороне связи все отчетливее передавалась Марку через мембрану его мобильного. — Говорите!

— Мне... Мне плохо... — Казалось, что слабый женский голос звучал откуда-то очень издалека.

— Как вас зовут? И где вы находитесь?

— Меня зовут... не помню. Ничего не помню. Говорить трудно.

— Откуда вы звоните? И почему — мне?!

— Да отключи ты тр-рубку! Сумасшедшая какая-нибудь, много их теперь развелось! Ты чего, девять один один? — вмешался было Саша Эрберг. Но взгляд Марка быстро заставил его примолкнуть.

— Постарайтесь сосредоточиться и сказать: откуда — вы — звоните! — почти прокричал он.

— У меня в руках... визитка. МИНОС какой-то... Марк... Я нахожусь... Это называется поселок Болотное... Помогите, мне трудно дышать... не могу больше...

— Это Кира? — Марк мгновенно понял, с кем говорит. Он давно уже почувствовал неладное. — Кира! Кира Морозова! Ответь мне, Кира! Кирочка! Это я — Марк. Слушай меня внимательно. Сосредоточься! Через двадцать пять минут я при... — Бритвочка зуммера обрезала незримую нить, связующую их голоса. А может быть, и жизни!

Элементарный определитель номера говорил сейчас мужчине больше, чем страницы сивиллиных^[2] книг. Он судорожно повторил набор высветившихся на голубом экранчике цифр. Еще и еще раз. Бесплезно! Платиновые лезвия длинных, как одиночество, гудков подбирались к его артериям. А сердце наконец-то узнало, что такое перебои. Оно вдруг споткнулось, и заколотилось, и сжалось.

О дальнейшем Краснов имел смутное представление. Он не видел. Как почти на ходу высадился не вполне довольный авантюрами шефа Эрберг, чтобы оставаться покуда за главного, не слышал назойливых предостережений китайца насчет чрезвычайно высокой скорости. Не понимал, как оказался на месте шофера, не чуял тормозов под ногами... По

счастью, он знал, где находится Болотное, — просто по привычке следить за названиями мест, которые проезжал.

И только когда призрак Петербурга остался далеко позади, растаяв в солнечном мареве сентябрьского полдня, и навстречу, чередуясь с осинником и чернолесьем, побежали белоногие стайки поцелованных золотыми устами березок, Марк взял себя в руки.

«В поселке с очаровательным названием Болотное, скорее всего, несколько десятков коттеджей. Чтобы вычислить, в каком Кира, следует набрать номер, тихонечко ехать мимо домов и прислушиваться, не зазвонит ли где телефон. Точно!»

Так они с Хароном и въехали в поселок — прислушиваясь.

Китаец смешно высовывал из машины бритую желтоватую голову и прикладывал ладонь к чуткому, оттопыренному, привыкшему к охоте на хитрые звуки уху. А Марк, стараясь вести абсолютно бесшумно, что на самом деле не столь уж и трудно, когда ты находишься за рулем «субару», то и дело снимал и протирал почему-то мешающие ему стеклянные прямоугольники очков, как будто он собирался не услышать звонок, а увидеть его сквозь заборы и кирпичные стены...

К счастью, тот денек «осени первоначальной» выдался как на заказ — тихим. Ласковые струи прогретого воздуха, переплетаясь между собой в голубоватые нежные жгуты, неохотно осваивали пространство между землей и небом. А в небе-то пролегал настоящий паутинный путь! И куда только они летели, эти караваны паутин, эти эскадрильи невесомых ковров-самолетов?.. И еще откуда-то издали доносилась грустная песня предвестников осенних небес — сизоворонков.

Но Марку Краснову во что бы то ни стало нужно было услышать иную песню. После того как они добрались примерно до середины исследуемого участка без какого-либо результата, Марк решил, что для эффективности поисков пора разделиться. Он велел Харону вести разведку на пешем ходу, а сам продолжал ехать и звонить, звонить, звонить...

Кое-какие дачники, словно повинувшись великой летней инерции и подставляя милосердному солнышку обнаженные загорелые спины да кабачковидные носы, возились на огородах. Кое-где влаивали собаки, заметно осложняя поиски. Возле одного крылечка, обнаружив несколько лениво объединенных арбузных корок, устроили свой запоздалый пир сонные осы.

Вот и последний, не до конца достроенный, стоящий чуть на отшибе дом. Двухэтажный. С коньком и белой трубой. И высоченным забором, за которым сад, как в поэме Блока.

Марк Дмитриевич выбрался из автомобиля. Заставил телефон повторить — в который уже раз! — заветную комбинацию из одиннадцати цифр и, как говорится, стал весь внимание. Высокий и большой, он даже пригнулся, что есть силы напрягая слух и машинально глядя на пожухлую гусиную травку. Ни малейшего результата. Как в вакууме. Хоть бы жук какой зажужжал! Стены дома казались глухонемыми. Ну тогда, возможно, эта крепость отзовется на язык жестов? Весь мир показался ему в этот трагически беззвучный момент неприступной крепостью. Точнее было бы сказать — непроницаемой.

Он упал на колени и приложил ухо к земле. Земля — уставшая и растрескавшаяся за долгую летнюю страду, многострадальная и все еще таящая несметные богатства и тайны земля — звенела!

— Не плачьте, хозяин. — Китаец Харон видел Марка Дмитриевича таким впервые. — Ваша Кира — здесь.

Оказывается, пока Марк тщетно разъезжал на машине, Харон успел найти местных

аборигенов и выведаль у них — за соответствующее вознаграждение, разумеется, — событийную канву первых сентябрьских дней.

А земля и правда звенела. Мобильник невинно убиенной Кристинки Дай-дай выпал из не помнящих себя рук Киры, угодив аккурат со второго этажа в довольно-таки глубокую траншейку под домом, прорытую, может, наиболее верной Витькиной подругой — ежихой Адой.

Так уж завелось. Хлебосольный Витек оставлял возле означенного земляного хода блюдо с молоком. Сам любил — тепленькое, с хрустящей корочкой белого хлеба. Когда затаривался в городе, в супермаркете, так и рассуждал: «Молока возьму пару. Нет, тройку пакетов. Мне и Аде». Порой он даже не ленился оставлять любимой ежихе кусочки яблок-груш или каких-нибудь экзотических плодов, вроде киви и ананасов. Он плохо учился в школе и не знал, что ежи — млекопитающие хищники. Ананасы пропадали даром.

Кто же теперь приготовит для тебя блюдо со свежим подогретым молочком, Ада? Перед кем похвастаешься ты своими шестью мягкоигольчатыми ежатами?

Марку с Хароном понадобилось всего несколько минут, чтобы найти Киру. Тяжелые ворота в каменном заборе лишь на первый взгляд выглядели запертыми. Перед домом валялось нечто, похожее на сдутый спасательный круг для малыша великанов. И вокруг было очень мокро — здесь недавно пролили много воды. Внимательный взгляд китайца Харона заметил, что пролилась не только чистая вода... Но он не стал беспокоить хозяина этим незначительным обстоятельством.

Дверь, ведущая в дом, и вовсе была распахнута настежь. Моментальное следствие установило, что Кира находится на втором этаже, что она жива, что лежит ничком на диване — без чувств.

Опыт подсказывал Марку: в больницу обращаться не стоит. Да и к чему? В его распоряжении имелись лучшие доктора, светила медицины. Да и матери — Диане Петровне Юстицкой — он пока не будет сообщать о происходящем... Чем меньше людей в курсе, тем, в данном случае, лучше. Но что же случилось с Кирой? Что привело ее сюда, в чужой загородный дом? Зачем она так странно одета — обрезанные на коленках мужские джинсы, явно на пару размеров больше, нелепая, дикая футболка... И главное: она больна, или травмирована, или просто испугана? Или все вместе навалилось на бедную девочку?!

— Везем ее в Петергоф. И никому ни слова. Ну, да что мне тебя учить. Ты и сам лучше всех все знаешь! — Он посмотрел на китайца как на родного человека после долгой разлуки, как и на Сашу Эрберга никогда не смотрел, — благодарно и вместе с тем чуточку растерянно. — Ты молодец, старик.

*Тот, кто заносчивым был и сводил надменные брови,
Ныне игрушкой в руках девушки слабой лежит.
Тот, что когда-то считал, что надо преследовать деву,
Сам укрощенный, теперь вовсе надежды лишен.*

Павел Силенциарий

Она открыла глаза, и сон возобновился. Сон, который есть жизнь. Сначала из рассеивающейся туманной пелены проступили участливо нахмуренные брови. Они летали в тумане, как две хлопчущие птицы. Потом обозначилась благородная горбинка носа, чем-то похожего на плывущий по молочной воде челнок. Следом проступили контуры тонких, крепко сцепленных губ. Губы разжались, и до нее долетел мужской, бархатный, вселяющий надежду и уверенность голос. Надежный голос. Звук так сразу понравившегося ей голоса долетал до ее слуха не синхронно с движением губ, а с небольшим опозданием, как бывает порой в кино при неудачной озвучке.

Сомнений быть не могло. Над ней, лежащей под теплым и легким одеялом на мягкой постели, склонялся мужчина и говорил что-то, а она, пока еще плохо его понимая, внутренне почему-то радовалась каждому произнесенному им слову.

— Кира! Милая, родная моя девочка! Ты наконец-то очнулась. Ты пережила глубокий обморок, мы с ним справились. Ничего не бойся. Отныне ты в полной безопасности. Ты узнаешь меня, Кира?

Она не узнавала, да и не пыталась — слишком мало сил. Силы-то вернутся, она чувствовала, что обязательно вернутся, — ей было хорошо и спокойно здесь, а где это здесь — не важно... Только вот зачем он все время называет ее таким странным, резким и колючим именем? Ведь ее настоящее имя...

— Кто... я? Как... меня... зовут? МИНОС? Что это? — Мысли у нее путались, слова пока давались с трудом. Язык ощущался чужим и непослушным. Но губы были предусмотрительно увлажнены каким-то приятным на вкус травяным снадобьем и не растрескались. Она догадалась, что за ее состоянием неусыпно следили.

— Ты Кира, Кирочка Морозова. А я Марк Дмитриевич Краснов. МИНОС — эт нефтяная компания, а я ее президент. Помнишь, ты позвонила мне, попросила о помощи? А до того мы виделись в театре и глядели друг на друга, не зная, что сказать. Ты узнаешь меня? Ты помнишь, о чем я говорю?

Она опять не узнавала и не помнила. И недоумевала: как можно позабыть собственное имя... А ее спаситель, приоткрыв двери в другую комнату, радостно кричал:

— Зинаида Германовна! Она очнулась и заговорила! Да, заговорила!

Каждое новое утро, заглядывающее в окна раз от разу все позже и позже, начиналось теперь для Киры одинаково. Она спешила проснуться, уже заранее зная, что на столе, посреди большой просторной комнаты, ставшей отныне ее уютным пристанищем, обязательно будет стоять букет цветов. Каждое утро — новый.

Цветы стояли прямо в корзинке, а иногда — в потрясающей по красоте хрустальной

вазе. Кире нравилось наблюдать, как лучики осеннего солнца преломляются в хрустале, и попутно вспоминать названия цветов — от утра к утру все успешнее.

Георгины и пышнотелые хризантемы, в чьих лепестках обожают скрываться главные ценители флористики — насекомые; свободные микрофоны гладиолусов: подойди и скажи все, что думаешь о красоте; горько-сладкие розы и пряные астры, о которых автор «Петербургских трущоб» Всеволод Крестовский в одном стихотворении написал, что они, оставленные на волю судьбы поздней осенью дачниками, «домерзают одиноко». Грустный глагол — «домерзают»!

Насмешнице судьбе угодно было распорядиться, чтобы Марк заказывал цветы в магазине сети «Деметра». Какая ирония! Однажды, глядя на свои любимые лилии — к ним Кира всегда питала необъяснимое пристрастие, — она отчетливо услышала, что ее кто-то зовет по имени. Как давным-давно, когда-то в другой жизни. Это длилось несколько бесконечных мгновений. Женский голос, низкий и нежный, зовущий ее из глубины лет, смолк, а Кира так и не вспомнила, кому он принадлежит.

Тщательный каждодневный уход, по-домашнему сочувственное отношение окружающих, а именно столетней Зинаиды Германовны, называющей ее не иначе как внучкой, изысканная и полезная, тщательно приготавливаемая в расчете на хрупкое здоровье пища и, что гораздо важнее, постоянные заботы Марка, который разве только пылинок с нее не сдувал, в конечном счете сделали свое дело. Даже каменнолицый Харон принял участие в хлопотах вокруг гостыи. Как-то ближе к вечеру, когда гостыя забеспокоилась, он пришел в гостиную и показал два десятка необыкновенных китайских фокусов.

— Слушай, брат, я и не подозревал за тобой таких талантов, — констатировал Марк, с не меньшим, чем Кира, удовольствием наблюдавший за импровизированным представлением.

— Это моя работа, — заявил китаец и удалился.

Разумеется, после такого умопомрачительного шоу Кира поднялась и быстро пошла на поправку.

Ее ноги окрепли, а глаза засияли. Плечи расправились, а к волосам вернулся их прежний блеск. От рождения малоежка, она теперь с удовольствием пила из пиал насыщенные бульоны, смаковала белоснежные куриные котлетки и внимала тонкому послевкусию абрикосового мусса.

А Германовна каждый день поила ее клюквенным морсом. Питью из толченой с сахаром клюквы она придавала какое-то сакральное значение, утверждая, что «клюковка-то ото всех болезней и хворей лечит».

— Ты не обращай внимания, — шутливо произнес Марк, заметив, что Кире порядком поднадоел универсальный напиток Германовны. — Она всех спасает исключительно клюквенным морсом. Когда в детстве я болел ангиной, то не знал, куда от этого деться! Но если ничем не болел, то клюквенного морса как раз очень хотелось. А Зинаида вредничала и не давала, представляешь?

Кира, порадовав Марка, улыбнулась, а старая нянька будто и не слышала реплики своего бывшего воспитанника. Да собственно, почему бывшего? Он возмужал и поседел, однако для няньки остался и навсегда останется мальчишкой. «Клюковка-то, внучка, ото всех хворей лечит», — подливая вновьявленной воспитаннице красного морса, твердила старуха.

Погода благоволила, и вечерами, когда прощальные лучи закатного осеннего солнца косо скользили по трепещущим от ветерка верхушкам деревьев, а тени пешеходов обретали

непомерную длину, одним исполинским шагом минуя поле, Марк Дмитриевич звал Киру в сад — на прогулку. Вместе они весело вдыхали аромат спелой антоновки и любовались горящими фонариками созревших груш, подолгу сидели на скамеечке и соревновались: кто первым заметит звезду на быстро темнеющем сентябрьском небе.

Если ночь выдавалась ясная и безветренная, Марк укладывал Киру в гамак, растянутый между двух сосен, вооружал ее мощным биноклем и рассказывал о созвездиях. Если же из-за облачности звезд не было видно, Марк с Кирой заходили в дом и устраивались подле камина. Идея реставрировать камин, чтобы при желании всегда можно было посидеть у живого домашнего огня, принадлежала, конечно, Марку Краснову. К огню вообще он относился уважительно, каминный же огонь подкармливал специальными яблоневыми дровами, закупаемыми, как ни странно, в городе, в специальном магазине.

И вот Кира, завернувшись в уютный халат, замороженно глядела на пламя, невольно ощущая размеренный ритм его неторопливой, по зажигательной пляски. А Марк, прохаживаясь по комнате, читал для нее вслух — стихи:

*Как я люблю тебя. Есть в этом
вечернем воздухе порой
лазейки для души, просветы
в тончайшей ткани мировой.
Лучи проходят меж стволами.
Как я люблю тебя! Лучи
Проходят меж стволами, пламенем
Ложатся на стволы. Молчи,
Замри под веткою расцветшей,
Вдохни, какое счастье разлилось —
Зажмурься, уменьшись и в вечное
Пройди украдкой насквозь.*

Набоковские строки хорошо выговаривались у камина. Их так и хотелось положить на тихую огненную музыку. Марк Дмитриевич и не заметил, как с помощью стихов объяснился Кире в любви...

Но безмятежное течение первых дней их любви не могло не нарушиться. Как-то ночью Кира проснулась, дико крича. На шум прибежала Германовна — старческий сон хрупок. Марк, едва успевший накинуть халат, прибежал за ней и спровадил старую няньку спать.

— Что тебе приснилось? — ласково спросил он, когда девушку удалось успокоить и уложить обратно в постель.

— Я вспомнила, — ответила она, глядя на желтый абажур ночника широко раскрытыми, сейчас почти черными от расширившихся зрачков глазами. — Сначала мне снился сон. Мне снилась моя кукла. Представляешь, у меня была кукла в венецианском наряде! В пурпурном бархате... Я не знала, как в нее можно играть, она была такая фарфоровая и очень красивая! Я просто на нее смотрела, смотрела и мечтала вырасти и стать такой же красивой... Куклу звали Долли.

— Лолита, значит, — неловко пошутил Марк.

— И вот мне приснилось, что я смотрю на свою Долли. Просто сижу и смотрю, и как

будто я еще маленькая. Мне было так хорошо, что я проснулась. От счастья. И тут вспомнила, кто убил Георгия, кто вколол мне наркотик... Эти люди называли его «Гранат-Z».

— Никогда не слышал... Но видел в том особняке, где нашел тебя, плод граната в вазе. На нем была вырезана буква «Z».

— Да, это я вырезала. Еще до того, как приехали убийцы и я спряталась в погребе...

— Ты пыталась дать знак...

— Я пыталась дать знак. Хотела указать на того, кто вколол мне эту дрянь.

— Ты знаешь его имя?

— Нет, что ты! Нынче такой народ пошел — убивают и не представляются, — озорно рассмеялась Кира, и от звуков ее смеха Марк почувствовал чудовищное облегчение. — Я вспомнила его лицо... Теперь я его наверняка узнаю, если увижу!

— А особые приметы? По которым я смог бы его узнать?

— У него на правой руке три пальца, — прошептала Кира. Страх снова отразился в ее глазах. — Он страшный, лысый... И три пальца...

Марк пошатнулся. Сашка Эрберг? Этого не может быть. Сашка не убивает людей. Он безобиден, как божья коровка. Черт, он безобиднее божьей коровки!

К счастью, Кира скоро заснула и не успела почувствовать смятения Марка. А тот, выйдя из ее спальни, аккуратно прикрыл дверь и на цыпочках прошел к себе. Прежде чем лечь, он взял телефон и позвонил Эрбергу.

— Ты у нас не сошел с ума? — совершенно сонным голосом спросил Саша. — Или что-то случилось? Марк! Что случилось?

— Ничего, — успокоил его Краснов. — Извини, Саша. Я просто хотел попросить тебя, чтобы ты заехал завтра.

— А-а, — душераздирающе зевнул Эрберг. — Так ведь я и так собирался!

— Да нет, не в офис. Приезжай ко мне домой. Часам к десяти, хорошо?

— Лучше некуда. Спокойной ночи.

Утро выдалось дождливое. Кира проснулась рано, но в дурном расположении духа. Она явно хандрила, и Марк упустил момент, пока хандру можно было развеять без труда. Впрочем, она сама взялась себя развлекать. Обнаружила диски с записью фильма по «Властелину колец» и уселась перед телевизором, твердо решив посмотреть все три части длиннющего фильма.

— Ты устанешь! Так долго смотреть телевизор вредно! — заявил ей Марк.

— Когда устану, я выключу. А когда ты закончишь свои дела, уже выглянет солнце, и мы пойдем гулять в сад!

— Договорились!

С раннего утра Марк работал — он делал телефонные звонки, выслушивал отчеты своих замов — в общем, руководил корпорацией на расстоянии, с ужасом убеждаясь, что так долго продолжаться не может. Рано или поздно ему придется оставлять Киру хотя бы на четыре часа в день. Марк серьезно принялся рассуждать про себя, согласится ли Кира, став его женой, ездить с ним в его бесконечные командировки. Но эти приятные размышления прервал звонок домофона. Приехал Эрберг и теперь топтался у ворот.

Марк спустился вниз, краем глаза заметил, что Кира сидит перед телевизором, вся обратившись во внимание. На экране смазливый длинноволосый юноша с длинными

наклеенными ушами стоял на зеленом пригорке, напряженно всматриваясь в даль.

— Это кто такой ушастый? — поинтересовался Марк, мимоходом поправив на Кириных плечах мягкий и теплый плед.

— Это Леголас, он эльф, — пояснила Кира нетерпеливо. — Правда, он прелесть?!

— М-да... — пробурчал Марк, но Кира вдруг поймала его за руку и прижалась к ней щекой.

Тихонько улыбаясь, Марк Краснов пошел к дверям, чтобы встретить старого друга. Но на всякий случай он быстрым движением проверил кобуру пистолета.

— Ну, здр-равствуй, здр-равствуй, милый. Куда ж ты запр-ропал? — зарокотал благодушно Сашка, протягивая навстречу Марку обе руки. — Кто так пленил твое холостяцкое сердце, что ты забросил даже обожаемую работу?

— Это я, — сказала Кира, поднимаясь из кресел.

Па экране телевизора кипела битва. Монстры били наших. Наши отступали. Марк спохватился и бросил следить за фильмом и начал следить за Сашкой. А тут было на что посмотреть! Он побледнел, потом пошел розовыми пятнами, похожими на лишай.

— Марк... Это она... Она мне... Меня...

— Она убежала от тебя, правда? — поинтересовался Марк ласково и незаметным движением вытащил пистолет. — Саша, не дергайся, стой спокойно. Я сейчас нервный. Могу проделать в тебе лишнюю дырочку. Эх, Сашка, Сашка, что ж ты меня так подвел? Неужели тебе денег мало было? Так сказал бы мне, я бы тебе зарплату повысил. Зачем тебе понадобился этот «Гранат-Z»?

— Затем, — дрожащим голосом ответил Эрберг. — Зарплату повысил бы, говоришь? Да плевал я на твои деньги! Мне сила была нужна, власть! А она вся была у тебя, ты ни с кем не хотел делиться!

— Я поделился бы, — усмехнулся Марк. — Это тяжелая ноша, можешь мне поверить. Но ты не вынес бы ее. Собственно, ты и не вынес. Сломался. Провизором ты был бы гораздо счастливее.

— Вот в этом ты прав, — заметил Эрберг. Он больше не трясся, глаза у него не бегали. Из Александра Моисеевича словно вынули незаметный постороннему взору, но прочный внутренний стержень. Он обмяк, кожа на лице словно собралась складками. — Ты испортил мне жизнь!

— Весьма драматично, — кивнул Марк. — Но...

Марк и Кира потом говорили между собой, что Эрберг совершил головокружный трюк — для своего возраста, роста и весовой категории. Конечно, эльф Леголас посмеялся бы над таким кульбитом, но в исполнении Эрберга это было неожиданно. Александр Моисеевич подпрыгнул и ударом ноги вышиб из руки Марка пистолет. А потом кинулся к дверям.

— Черт с ним, пусть едет, — рассмеялся Марк. — Далекое не уедет, я сейчас кое-кому позвоню. Ты как, милая?

Кира тоже смеялась.

— Прямо как Брюс Ли! — выкрикнула она и снова залилась истерическим смехом.

Марк сделал пару звонков, но с тем же результатом мог бы и никуда не звонить. Ведь он не видел, как Харон, слушавший весь разговор в коридоре, вышел вслед за Эрбергом. И если его легкомысленный хозяин, как размышлял Харон, мог спустить предателю, то он, Харон, этого не может себе позволить. Такова его работа.

Марк отвел Киру в спальню.

— Ты успеешь досмотреть фильм, — уговаривал он ее. — Хватит с тебя на сегодня волнений. Приляг, я принесу тебе чаю.

Но Кира вцепилась в его руку тонкими пальцами:

— Подожди, подожди минутку...

И Марк услышал стук ее сердца, увидел очень близко к своему лицу ее глаза, тонко прорисованные губы, наклонился и прижался губами к ее губам.

Кира тихонько ахнула и быстро обняла его за шею. Радость разлилась по ней горячей волной. Эта неожиданная новая близость была веселой, и горячей, и очень естественной. Кира не боялась и не волновалась, словно была с рождения предназначена именно для объятий Марка, для его рук, для его губ. Скроенные друг для друга по точной мерке умницы Судьбы две разлученные половинки целого слились — и новый мир родился вокруг них. Новый мир, новые созвездия, новое движение новых бесчисленных солнц — все было в их поцелуях, в их жарком дыхании.

Новая домработница Ниночка — впрочем, ей суждено будет остаться в положении новенькой до тех пор, пока живет на белом свете опекающая и притесняющая ее Зинаида Германовна! — осторожно собрала на поднос чайную посуду. Если хозяева не спускаются к чаю, она отнесет его наверх. Кулебяка ведь остынет, а остывшая она не такая вкусная! Не звякнув ни единой ложечкой, она поднялась по лестнице и остановилась у спальни Киры. Теперь нужно было как-то попытаться открыть дверь. Но тут перед Ниной как из-под земли выросла Зинаида Германовна — старуха иной раз проявляла совершенно невероятную для ее более чем почтенного возраста прыть!

— Чего пришла? А ну, марш обратно в кухню!

— Да ведь я чаю... И кулебяка вот... — попыталась объяснить Нина.

— Только им кулебяки твоей не хватало! — шепотом закричала Зинаида Германовна. — Ну! Совсем ничего не соображаешь?! Вот молодежь пошла! Я старая, и то...

— А-а... — осенило Ниночку. Которой, стоит заметить, недавно перевалило за сорок. — Так я пойду, Зинаидочка Германовна?

— Иди, иди... Кулебяку к обеду разогреешь.

И проникательная старая нянька удалилась в свою комнату, продолжая прислушиваться. Харона куда-то унесло, значит, за безопасность молодой пары она в ответе!

Огромный буфет больше не был буфетом. Он не изменил своей внешности. Изменилось только его предназначение. Теперь он представлял собой величественные врата. Врата в подземный мир. Тяжелые створки буфета были распахнуты, из них тянуло могильной сыростью. Запах влажной земли щекотал ноздри. В распахнувшемся темном проеме виделись земляные ступени, оплетенные мертвенно-бледными, не знавшими солнечного света корнями. А по ступеням вниз, все глубже и глубже, спускалась, напевая печальную песенку, девушка в белом платье.

— Кора! Вернись! Кора, туда нельзя!

Там мрак, и холод, и могильный запах. Белые хрупкие мотыльки, подобные тебе, Кора, не живут под землей. Им нужен солнечный свет, и цветы, и легкий ветерок.

— Кора, вернись!

Но она уходит — все глубже и глубже. Конец лестницы теряется в непроглядном мраке. Что-то шевелится там, на границе света и тьмы. Подземные чудовища? Невиданные хтонические гады^[3], которых не в силах представить себе человеческий рассудок? Нет. Это корни растений вылезают из стен. Они поймают тебя, дитя мое, они уташат тебя под землю — туда, где никогда не будет солнечного света!

Но это не корни. Это ветви неведомого растения. Что могло вырасти тут, в могильной глубине? И даже невиданный плод висит на ветке. Это гранат. Это перезревший, багрово-красный гранат. Кожура лопнула от спелости, обнажив зерна — они словно окровавленные мелкие зубы. Зубы, готовые кусать и разрывать живую плоть...

— Кора! Они поймают тебя! Не трогай плода! Не прикасайся к корням! Иди обратно, Кора!

Поздно. Слишком поздно. Оплетенная хватками ветвями, белая тень бьется в их смертоносном, жадном объятии.

В сон Деметры вторгается звон — земной и привычный, мелодичный и обыденный звон. Она успевает только заметить то место в стене, откуда тянутся к Кире убийственные ветви. Это нужно... Очень нужно, только она пока не знает зачем...

Звонил телефон. Деметра нащупала на столике рядом с постелью трубку. Знакомый голос, такой спокойный и уже почти родной:

— Александра Леонидовна? Это следователь Кленов Евгений Эдуардович. У меня есть сведения, касающиеся вашей дочери. Не могли бы вы к нам подъехать?

— Да, конечно, — согласилась Александра, чувствуя, как в ней пузырьками закипает радость. — Конечно, сейчас же! А где она? У вас? С ней все в порядке? Она что, в больнице?

— Приезжайте, — ответил Кленов и положил трубку.

От дрожи в руках, от невыносимо щекощущего сердце счастья Александра даже не смогла толком привести себя в порядок. Пыталась причесаться, но волосы упорно не ложились в привычную прическу. Пару раз она больно ударила себя феном по голове, плюнула на укладку и забрала волосы в хвостик, гладко зачесав и стянув аптечной резинкой. Краситься нечего было и начинать — в таком состоянии вряд ли получится не ткнуть кисточкой в глаз. Попыталась натянуть колготки, но те перекрутились, упорно не налезали и наконец ехидно треснули, пустив длинную стрелку. Чертыхнувшись, Александра вытянула из шкафа джинсы, которые надевала только для выезда за город, отыскала какую-

то белую футболку, мельком глянула на себя в зеркало и с удовольствием отметила, что похожа в этом наряде на Мартину Навратилову. Не самый плохой вариант!

Господи, почему в этих серо-зеленых кабинетах не вешают больше портретов вождей? Почему хозяин этого кабинета не присобачил к стене хотя бы календаря с полуголой нахальной девицей? Александра смотрела бы и ненавидела — вождя или девицу, все равно. А так ненависть плескалась в ней, прожигая внутренности, и некуда было выплеснуться.

— Престранная история, дорогая Александра Леонидовна. Найден нож. На нем отпечатки пальцев вашей дочери. Нож, несомненно, является орудием преступления...

— Откуда у вас отпечатки пальцев моей дочери? Она что, закоренелая преступница? И ее отпечатки хранятся в вашей базе данных?

— Теперь уже хранятся. Я снял их в ее комнате. С предметов мебели. Вы уж меня извините. А вас, Александра Леонидовна, я лично застал на месте преступления. Вь собирали вещи вашей дочери и явно собирались... как бы это выразиться... замести следы. Правильно?

— Не собиралась. Никак нет. Я просто собирала ее вещи.

— Интересное кино... У нас с вами большие проблемы, гражданка Морозова. Огромные проблемы.

Она посмотрела затравленно. Но плечи остались гордо распрямленными. Черт, красивая она все-таки баба! Вот сейчас, без дурацкого старомодного макияжа — разводы теней, пятна румян, хлопья туши на ресницах, — она выглядит гораздо моложе и привлекательней. И без склеенных лаком, взбодренных начесом локонов. И без официальных костюмчиков в стиле народных депутатов. Ноги какие-то образовались — сильные ноги, обтянутые плотной джинсовой тканью, и длинная шея в вырезе белой рубашонки, и грудь...

Кленов помотал головой, попытавшись отделаться от наваждения. «Какая еще грудь! Ты на работе!»

— Знаете что, — сказал он неожиданно для себя. — А пойдете кофе пить? Вы ведь наверняка не завтракали еще...

Александра растерялась, покрутила головой. Хвостик, затянутый аптечной резинкой, зацекотал шею.

— Пойдем...

В маленькой кофейне было прохладно и безлюдно. Разочарованная в жизни молодая особа (Гульнара — значилось на бейжке) принесла им огненный кофе в крошечных чашечках, мокрую пепельницу, пузатенькую бутылку минеральной воды, два стакана и оскорбленно удалились.

— Я и сам не верю в то, что она его убила, — пожаловался Кленов, обжегши губы кофе. — Но мотив у нее был... Так?

— Какой мотив? — поразилась Александра. — Если она в него влюбилась, из дома ушла...

— Вот именно. Влюбилась и ушла из дома. А он, кстати, был женат. На ее подруге. И может, разводиться не хотел. А она его — хоп! — не доставайся же ты никому.

— Кира не могла «хоп». Она прекрасно знала, что этот смазливый подонок...

— Александра Леонидовна, вы все ж о покойном говорите...

— ...то есть этот смазливый покойник женат. Была на его свадьбе! Свидетельницей со

стороны невесты!

— Откровенно говоря, — заметил Кленов, — покойник наш тоже был гусь хороший... Торговал наркотиками. И последний срок за это мотал, извините за выражение. После освобождения стал паинькой, а последнее время опять за свое принялся. Я бы предположил, что ваша дочь к убийству непричастна... Было кому Менделеева убить и без него...

— Менделеева, вы сказали?

— Это у него прозвище такое. Менделеев, или Менделей. За глубокие познания в химии, которые здорово помогали ему в его противоправной деятельности. Недавно он впарил в одном ночном клубе совершенно новенький наркотик. Неизвестно, откуда он его взял... Не исключено, что сам изобрел. С маленькой помощью своих друзей... Так вот от этой дури вполне приличный мальчик совершенно свихнулся и убил двух человек. Не кого-нибудь — свою девушку и своего лучшего друга. И произошло все это на глазах у толпы народа, в разгар вечеринки. Ясно, к чему я клоню?

— Ясно. Но Кира никогда не стала бы принимать наркотиков! Она и уколов-то боялась до смерти!

— Гм... до смерти... До определенного момента вы, дорогая Александра Леонидовна, не предполагали, что ваша дочь может поступить в театральный институт и бежать из дома с мужчиной. Пока сама жизнь не опровергла ваши заблуждения... Впрочем, я не исключаю и насильственного введения наркотика. Не исключаю, да. Во-первых, соседка, с которой вы так весело напились в честь вашего знакомства, в тот вечер также была пьяна, но не вусмерть. И слышала звонок в дверь — около двадцати одного ноль-ноль, как показало расследование. А Менделей был убит примерно через полчаса, через час. А во-вторых, мы не нашли нигде в квартире ни шприца, ни ампулы из-под наркотика. Вообще никаких следов. Собачка искала, специально обученная! И мы были не первые, кто в этой квартире что-то искал. Ясно, куда я клоню?

— Ясно, — онемевшими, как после заморозки, губами прошептала Александра. — Евгений Эдуардович, нам нужно туда поехать... Немедленно. Очень надо!

— Зачем? А впрочем, поехали. Вижу по глазам — у вас есть что мне показать...

Маргаритка была, как обычно, дома. Гостей она встретила без удивления, пожаловалась на невыносимую головную боль и ушаркала в свою комнату. На Александру она не смотрела — быть может, переживала из-за того, что не уследила за Кирой и ее непутевым возлюбленным? Как бы то ни было, она ушла.

— Куда вы? Нам надо в кухню! — Александра бесцеремонно дернула Кленова за рукав. — Туда!

— А что там? — удивился Кленов, но пошел за ней послушно, как теленок.

Александра распахнула дверцы монументального буфета. Хитрец какой, он делал вид, что они незнакомы, что он не являлся ей во сне, что он не открыл ей свою страшную тайну! В одном отделении на полках стояли стопки тарелок, какие-то заплесневелые от старости кувшины, пустые баночки из-под йогурта, майонеза и горчицы. В другом — красовались, как и в прошлый раз, два пластиковых тазика, оранжевый и синий, сломанная швабра и какая-то цветная тряпка. Весь этот шурум-бурум Александра выбросила без жалости и стала водить руками по стенке шкафа. Знакомой сыростью потянуло из щелей, и задняя стенка слегка подалась...

Она отъехала в сторону, предоставив взглядам Кленова и Александры дверь. Узкая

дверь в стене. Очень узкая и на вид довольно старая.

— Как в сказке про Буратино, — шепнул Кленов.

Александра помнила, что ей не так давно приходила в голову такая же мысль, по сей час ей некогда было предаваться воспоминаниям. Она толкнула дверь и зажала себе рот руками, чтобы не завопить.

Лестница из ее сна предстала перед ней во всем своем чудовищном великолепии. Только через пару секунд глаз начал ловить отдельные детали — как на картинке «Найди двадцать отличий». Ступени были не земляными, но каменными, хоть и потрескавшимися, и уходили не в глубокий сырой погреб, а вели на первый этаж. Это была обычная черная лестница старого питерского дома. По этой лестнице поднимались когда-то кухарки и посыльные, дворники и пожарные, которые в гости к кухаркам ходили... Пожарные были бравые, в серых формах и медных шлемах, а кухарки — дебелие и румяные...

Теперь лестница была заброшена — уже много-много лет выход на нее загораживал этот антикварный буфет. Но видно, кто-то проторил к ней дорожку...

Торопясь и мешая друг другу, Кленов с Александрой бросились в дверной проем.

Лестница привела их к двери. Дверь была основательная, не так давно сработанная. И засов на двери тоже был основательный. Но сейчас он отодвинут. Александра поняла, что в последний раз этой дверью воспользовалась Кира... И никто не закрыл за ней засова, а сама она этого сделать не могла, потому что осталась снаружи.

За новой дверью оказалась вторая, старая — серая, облупленная, с выбитыми стеклами. И практически неразличимая на фоне серого облупленного фасада.

— Кто-то пришел и убил... — сказала вдруг Александра громко, но невнятно — так говорят люди во сне. — Кора спаслась, потому что знала про эту дверь. Они хотели убить и ее, но она ушла. Они искали что-то... И не нашли. Оно здесь.

Александра сделала несколько шагов вверх по лестнице и принялась лихорадочно ощупывать кирпичную стену. Один кирпич показался ей суше остальных, он не был покрыт водянистым налетом плесени — кто-то не так давно прикасался к нему...

Александра потянула за кирпич, тот легко подался и выпал. Кленов оказался рядом с ней, он сунул руку в образовавшуюся нишу.

— Осторожно! — крикнула Александра. Неизвестно, что такое ей померещилось — быть может, древняя и злая змея, таящаяся в этом отверстии? Но никакой змеи там, разумеется, не было.

Кленов вытянул из небольшого отверстия сверток в газетной бумаге.

— Что это? Ну, что же там?

— Я думаю, наркотики, — просто сказал Кленов. — Наркотики, которые Менделей тут прятал. Я уверен, что это — такая же дрянь, как та, что он толкнул в клубе «Монако». Молодец Менделеев. Никто бы сроду не нашел. А вы, драгоценная Александра Леонидовна, откуда знали о существовании черного хода?

— Он мне приснился, — твердо заявила Александра.

— М-да... Как жаль, что ваши сновидения я не могу подшить к делу. Не представляете, как мне жаль! В любом случае, спасибо вам большое за помощь следствию. Я найду, как это объяснить. Спасибо. Наркотики сегодня же уйдут на экспертизу.

Внезапно он поцеловал ее. Совершенно неожиданно прижался сухими твердыми губами к углу ее рта. И все кончилось.

— Это зачем? — растерялась Александра. Она была совершенно не в настроении

целоваться, да еще в таком месте, да в такое время, да с Кленовым... Впрочем, с Кленовым она как раз согласилась бы целоваться охотнее, чем с кем-либо другим. Он ей нравился. У него были сухие и твердые губы, насмешливые глаза и мощная загорелая шея.

— Это так просто. Поцелуй. Знак внимания, — вежливо ответил Кленов.

— Чтоб больше этого не было! — строго заявила Александра, как она порой заявляла своим подчиненным, когда те не потрафляли начальнице.

— Вот как? Я все-таки думаю, что стоит повторить. При более удачных обстоятельствах, — все тем же вежливым тоном ответил ей Евгений Эдуардович. — Я, знаете, давно как-то ни с кем не целовался.

— Я тоже, — вырвалось у Александры. — То есть...

— Да ладно, — вдруг рассмеялся Кленов. — Бросьте пыжиться. Идем отсюда.

Александрке показалось, что на лестнице стало немного светлее...

— Володя, но здесь ужасный беспорядок! Это же все хлам, ну, Володенька! Это все надо разобрать, половину выкинуть, половину сдать реставраторам! Я не смогу жить в таком доме, честное слово! У меня грибок в легких заведется! И все эти книги... Неужели они кому-то нужны?

Владимир Краснов поморщился. Порой ему приходило в голову, что женитьба, право же, чересчур хлопотное и громоздкое мероприятие. Заводить рядом с собой капризное, малоумное существо, которое будет постоянно пищать рядом, требовать самых неприемлемых вещей, капризничать и хихикать? Бог ты мой, и почему считается, что политик обязан быть семьянином? Ежу ведь понятно: чем меньше у мужчины семейных хлопот и прочих отвлекающих факторов, тем больше остается времени для государственных дел. Но ничего не поделаешь. Надо жениться.

В молодости он как-то упустил время это сделать. Конечно, надо было раньше. Пока не обзавелся холостяцкими привычками. Но было некогда, да и не на ком. Не на Александре же? Деревенская девчонка, случайно запорхнувшая в его постель. Дуреха, решившая привязать его ребенком. У нее ничего не вышло. Она просто выбрала неверную тактику. После того как Александра объявила ему о своей беременности, он больше не хотел ее видеть. А она еще на что-то надеялась! Ловила его на улицах, пытаясь разжалобить животиком, говорила с его отцом. Папаша был сентиментален и к детям относился трепетно, он тоже давил на сына, как мог. Но Владимир упорно стоял на своем. На эту удочку его не поймать! Это не может быть его ребенок, он принимал меры. Александра обманывает его, водит за нос. Так он и заявил родственникам. И не захотел видеть ни молодую мамашу, ни девочку! Деньги — да, он будет давать им деньги. Если иначе нельзя.

Теперь этот ребенок, заделанный почти двадцать лет назад, куда-то делся. Александра прибежала, требовала что-то предпринять. А что он предпримет? Он не детектив, да и потом, у него своих дел полно. Будущему губернатору не к лицу разыскивать незаконнорожденных детей. Хоть в этом Александра проявила благоразумие: не стала настаивать на том, чтоб он признал дочь. Записала ее на свою фамилию, отчество дала свое. В графе «Отец» поставила прочерк. Правильно сделала. Иначе ни копейки бы от него не получила, ни за что в жизни...

Теперь Владимир Краснов собирался жениться. Жену подыскал по себе. Ирина Олеговна Никитина, директор издательства «Профи», двадцати девяти лет. Замужем никогда не значилась. Красавица и умница. Правда, со своими тараканами. Но она идеально подходит на роль первой и последней любви немолодого, солидного политика. «Я не женился до сих пор, потому что не мог встретить свою Единственную. Но теперь я ее нашел, и мы никогда не расстанемся». Отличные слова! И сразу же ребенка. Ирина Олеговна твердо заявила, что намерена родить, что она на это способна.

Но Ирина требовала, чтобы он «навел порядок» в родительском доме. Требование вполне обоснованное. К сожалению, она забывает, что в доме еще живут время от времени его мачеха и его единокровный братец, спасибо большое отцу! Зачем он женился на старости лет? Ничего хорошего не вышло. Изменил памяти матери. Испортил жизнь молодой женщине, которая могла бы найти свое счастье, и произвел на свет божий братца. Братец всю жизнь мешал Владимиру. Путался под ногами и мозолил глаза. Правда, едва выйдя из юного возраста, резко пошел в гору. Теперь богатый человек, крупный бизнесмен.

Неизвестно, радоваться этому или огорчаться. В нашей-то стране...

— А как же твоя милая мачеха? — ласково спросила Ирина. — Володя, я давно хотела тебя о ней спросить. Она будет по-прежнему жить в этом доме? Правда, это будет несколько неудобно? Знаешь...

— Не думаю, что тебе стоит об этом беспокоиться.

— Это хорошо. А... Марк? Марк Дмитриевич?

Владимир поморщился. Ох уж этот Марк Дмитриевич, пятое колесо! Разговор с ним будет гораздо тяжелей, чем разговор с мачехой. Диана Юстицкая быстро и с радостью согласилась отчалить из «родового гнезда». Она радовалась, что пасынок женится, что нашел свою судьбу! Романтическая дура! Но братец...

— Насколько я понимаю, ты предлагаешь мне оставить дом, где я родился и вырос, чтобы привести туда свою молодую жену? Ты уверен, что ей понадобятся все двенадцать комнат? Тем более что вы все равно будете проводить большую часть времени в Москве... Мне этот дом нужен так же, как тебе, я люблю его и не хочу от него отказываться. Выстрой своей Ксантиппе новый. Денег могу дать. Без отдачи.

Предложение звучало унижительно. Деньги Владимиру Краснову действительно пригодились бы. Но у брата он их брать не хотел.

— Не надо, — буркнул он.

Вопрос оставался открытым до сих пор. Так что все подходы Ирины насчет обустройства дома казались ему преждевременными. Очевидно, предстояло долго и муторно делить наследство со строптивым братцем.

Ирина собиралась восвояси, крутилась перед зеркалом. Она была хороша собой — как гляцевая картинка. Красива не наглой красотой, а сдержанной, бежевой, фарфоровой. Лакированная красотка! Идеальный цвет лица, пышные волосы, стройная фигура без недостатков и декоративных излишеств. Она умеет себя держать, она не дура. Она будет хорошей женой политику. Только выбросила бы она из хорошенькой головки мечты о петергофском особняке, и все будет совсем хорошо!

— Я провожу тебя, — сказал он Ирине и спустился вслед за ней по лестнице. На лестничной площадке копошилась Зинаида Германовна, старая нянька, всю жизнь жившая в семье Красновых. Владимир поморщился. Вот еще одна пыльная рухлядь, и у Ирины наверняка зачешутся руки ее выбросить. Германовна переставляла цветы в вазе — огромные гладиолусы, которых Владимир Краснов терпеть не мог. Он вообще цветов не любил. Цветы напоминали ему Александру и ее дочь. Как она ее назвала? Кира! С ума сойти...

Ирина наконец уехала, запечатлев напоследок на губах жениха длительный вкусный поцелуй. Владимир пошел обратно. Германовна все так же суетилась на площадке. На нее падал яркий солнечный луч из открытого окна, и она казалась еще старше в пронизанном пылинками золотом луче, рядом с чистыми бутонами нераскрывшихся в полную силу цветов. А руки-то! Бог мой, какие руки у этой вечной домработницы, пыльной приживалки! Пятиконечные крючья, покрытые сухой, как пергамент, полупрозрачной кожей в старческой гречке!

— Сколько же лет тебе, Германовна? — спросил Владимир, повинувшись внезапному порыву.

Германовна не удивилась вопросу.

— С пятого года я, родной. Значит, сто лет уже исполнилось. Я, признаться, уж и считать бросила года-то.

— Ничего себе, — совершенно по-мальчишески протянул Владимир, присвистнув. — Я думал, меньше. Так тебе сто лет уже, старая! Дай бог каждому!

— Бог тут ни при чем, — наставительно произнесла старая нянька. — Говори правду, пей чистую воду, ешь вареную пищу. Вот правило, которое стоило бы перенять каждому, кто хочет жить долго и быть здоровым. Сам видишь: и хожу сама за собой, и без ума не осталась. Только память подводит и глаза хуже стали видеть. Я еще, миленький, твоего прадеда помню. Значительный жил человек, сейчас таких нет. Все книги писал про магию. А потом застрелился — от разочарования, надо полагать.

— Это какой же прадед? — начал соображать Краснов.

— Это Пал Тимофеич Смирницкий. Дедом он твоей покойной матушке приходился, со стороны отца. Иной раз как посмотрю я на тебя — вылитый Пал Тимофеич! Тоже вот такой высокий, из себя представительный... Только вот тот никому собой крутить не позволял, — неожиданно закончила Германовна.

Такой поворот разговора не очень понравился Владимиру Дмитриевичу. Но интересную беседу прерывать не хотелось.

— Расскажи мне про него, Германовна!

— Да чего там рассказывать? Я-то совсем девчушка неразумная была, когда его видала. А люди потом разное говорили.

— Пойдем, старая, присядем где-нибудь.

— И то пойдем. В саду посидим, я на последнем солнышке погреюсь. Недолго мне его еще видеть...

— Да ты каждый год так говоришь, — усмехнулся Владимир Дмитриевич. — Сколько я тебя помню.

— Старость, Володечка, старость...

Сели в саду под яблоней. Скамейка была огромной, дубовой, древней. И яблоня была старой, уже не плодоносила, только цвела по весне безнадежным и бесполезным розовым цветом. Марк заступался за яблоню, не давал ее рубить. Какая глупость! Ладно, она хоть тень дает.

— Здесь он жил, Володечка, в этом самом доме, — продолжила свой рассказ Германовна. — Ты думаешь, почему он твоему батюшке достался? Так просто? Не-ет, это твоя мать его точила и уламывала, чтобы испросил себе этот дом у правительства. Так и вышло, по-ейному. И меня она к себе обратно взяла...

— Я запутался, Германовна, — признался Владимир Дмитриевич. — Начни все сначала и по порядку!

Павел Тимофеевич Смирницкий происходил из старого дворянского рода, близкого российскому престолу. Но с юных лет отпрыск знатной фамилии возымел равное отвращение и к государевой службе, и к дворцовой суете. Его влекло непознанное. Не дослужившись до приличных чинов и до смерти огорчив тем своего престарелого папашу, Павел Тимофеевич погрузился в оккультные науки и к зрелому возрасту добился немалого авторитета в определенных кругах. Его работы о проникновении человека в тайны природы приобрели вес. Он женился, будучи немолодым человеком, женился по большой любви на бедной и незнатной девушке, мещанке по рождению, совершив небывалый по тем временам мезальянс, что еще более расширило пропасть между ним и окружающим миром. Впрочем, в семейной жизни Смирницкий был счастлив, понят и обласкан — тихая супруга стала ему верной подругой и не препятствовала его занятиям «богопротивной» магией. Благоволил к нему и Александр Александрович Романов. Несмотря на тяжелый характер своего негласного фаворита и его замкнутый нрав, государь находил возможным советоваться с ним не только в отношении дел интимных, но искал помощи и в государственных тяготах.

Новый император, Николай Александрович, тоже не гнушался советами и поддержкой российского Папюса. До тех пор, пока его не вытеснил из державного сердца простой тобольский мужик Гришка Распутин. К этому моменту Смирницкий попал в опалу, но тем вовсе не огорчился. Человек сугубо научного склада, он, тем не менее, был отцом многодетного семейства и не сожалел о минувшей царской милости. Тем более что Григорий Распутин жаловал оккультиста и любил приезжать к нему в гости — всегда внезапно, часто по ночам. Пил водку и чай, плясал под дикую музыку двух рожечников, что привозил с собой, и жаловался приятелю на козни врагов...

— Что ты, Германовна! Неужели и Распутин сюда ездил? И ты его видела?

— Эка диковинка! Как же не видела? Да и смотреть, сказать откровенно, было не на что. Блажной какой-то, а из себя страшный, как старый козел!

Зинаида росла подкидышем. Девочку нашла в саду тихая супруга Павла Тимофеевича. Ее собственной последней дочери шел четвертый год, и подкинутое чадо было примерно тех же лет. Хозяйка взяла девочку на воспитание. Имя от нее кое-как добились узнать, а отчество хозяйка Мария Игнатьевна дала по пушкинскому герою. Придумали ей и фамилию — Найденова. Зинаида росла вместе с хозяйскими детьми, но разницу между ними и собой сызмальства понимала прочно.

— Когда Распутин приезжал, нас, детей, нянька тут же уводила по комнатам. Глаз, говорили, у него дурной. А я шептунья была, убежала от няньки и пошла к столовой. Там все огни горят, стол накрыт, наш хозяин потчует кого-то. Смотрю — старец не старец, а мужик. Худой, страшный, глаза сидят глубоко, борода козлиная. Хитрый на вид, хоть простачком прикидывается. Рубаха на нем розовая, колом стоит, сапоги начищенные. Рядом с ним барыня красивая, наряженная — вся в золоте и камнях, так и сверкает. Мужик то за плечо ее ухватит, то в губы поцелует. А она ничего, терпит, хоть и жмется. А мужик уже хорош — пьет-то все вперемешку. То чай, то водку, то мадеру пьет и все селедкой с луком закусывает...

— Да как ты все это помнишь, старая? И что пил, и чем закусывал?

— Я, милый, что вчера было — не упомню. Давеча целый день повторяла: Найденова да

Найденова. Кто такая Найденова, ума не приложу. А ложились спать, так и припомнила, что я сама Найденова и есть. Доживи до моих лет, узнаешь, как оно бывает. А вот это запало — памятью. Да ты слушай. Вот он напился, наелся и говорит: «Плясать сейчас пойду!» Тут же и рожечники заиграли. А мужик сорвался с места и поскакал козлом. И видно — не то чтоб веселится человек или но пьяному делу колобродит, а вроде ему мука мученическая вот так плясать и остановиться он не может... Лицо кривит, стоном стонет — аж пена на губах показалась...

— Тьфу, какие ужасы ты рассказываешь, Германовна! Аж озноб продирает.

— Тебе, Владимир Дмитрич, вчуже страшно стало, а мне какво было, малолетке-то? Я ж тогда без памяти в детскую удрала и с тех пор никогда ни за кем не подсматривала...

— Значит, надоумила тебя распутинская пляска...

Советы Смирницкого не помогли Григорию Распутину — вскоре его убили. Слухи о мученической кончине святого старца, царского фаворита распространились быстрее молнии. Павел Тимофеевич ходил мрачнее тучи. «Погибну я — и Россия погибнет — так мне Григорий сказал однажды, — поведал он жене. — Жди теперь самого дурного. Явился мне Григорий во время спиритического сеансу и предсказал грядущее. Не зрю там ничего для нас отрадного».

Чтобы уберечь семью от предсказанных покойным Распутиным бедствий, Павел Тимофеевич снарядил их за границу. Впрочем, уже и не только провидцы и пророки говорили, что впереди у России большие перемены. В Петербурге из всего обширного семейства остались только сам Смирницкий, его старший сын, который наотрез отказался покидать Россию, да и вообще давно уж не жил с семьей, занимаясь какими-то своими не вполне понятными делами, и маленькая Зинаида, брошенная на попечение няньки.

Павел Тимофеевич застрелился меньше чем через год. Что послужило причиной этому — неизвестно. То ли оккультные тайны как-то подвели его, то ли житейские обстоятельства сподвигли. А сын его, оставшийся в России, взял себе фамилию своей няньки и пошел в большевики...

— Я ваше семейство никогда не бросала, — с гордостью объявила Зинаида. — Как твой дед женился, родились у них девочки, так я при них была неотлучно, на моих руках выросли...

— Какие девочки? — удивился Владимир Дмитриевич. — У мамы была сестра?

— Была, а как же... Марта ее звали. Марта и Майя, вот такие имена им придумали. За Мартой вот не углядела... Потерялась она, когда в эвакуацию ехали. Тогда мы в квартире жили, в городе. Деда твоего на фронте убило, а Майечка замуж вышла, и мы снова сюда въехали. Вот радости-то было, помню!

— Да-а, старая, устроила ты мне сегодня вечер воспоминаний... А теперь признавайся: зачем весь этот разговор затеяла?

Германовна наклонилась к Владимиру Дмитриевичу низко-низко, так что седая прядка тонких волос защекотала тому щеку, и прошептала еле слышно:

— В доме клад спрятан.

— Клад? Германовна, а ты у нас не спятила, часом? Какой клад?

— Вот этого я не знаю, — с достоинством ответила старуха. — Никогда не интересовалась. Я старая дева, одинокая женщина — зачем мне знать о каком-то кладе?

— Однако же ты знаешь!

— Я ж для тебя, Владимир Дмитрич! Вижу, у тебя проблемы. Не знаю какие и вникать

не хочу. Это ведь не мои проблемы, как сейчас говорится. Но полагаю, что тут замешаны деньги. Они повсюду замешаны, все зло от них. Так вот и решила тебе сказать... К тому же помру я скоро. Два века никто не живет, а я уже до второго века дотянула. Пора и честь знать. Могла ли я надеяться новое тысячелетие встретить?

— Ближе к теме, — ласково потребовал Владимир Дмитриевич. — Откуда ты про клад знаешь? Видела, как прадед его прятал?

— Нет, этого не видела и врать не стану. Да только люди видели. Нянька моя.

— Так она померла ж уже сто лет назад! Германовна! Что ты из меня Воробьянинова делаешь!

— Мерси за такое сравнение, — рассердилась старуха. — Я, выходит, сущеглупая воробьяниновская теща? Вот возьму и не скажу тебе ничего. Помру и унесу с собой в могилу...

— Германовна, не надо уносить в могилу. Я тебя люблю, Германовна...

— Так бы и слушала, век бы слушала. — Ехидная старуха прищурилась на солнце. — Мне, в моем возрасте, любовные признания весьма полезны для общего тонуса организма... Бальзам на душу. Ладно, погожу еще помирать. Где клад, не знаю, а знаю, где карта, что на клад указывает.

— А где?

— Да на столе у тебя в кабинете!

Стол был огромный и тяжелый, как могильный памятник генералу от инфантерии. Он (стол, а не генерал) сохранился в неприкосновенности с тех дальних времен, вероятно, не только и не столько из-за почтительности потомков, но и из-за их малосилия. Чтобы вынести его со второго этажа, понадобилась бы целая бригада грузчиков. А на черта его было выносить? Совершенно незачем. Служит стол верой и правдой, вот и пусть стоит на своем историческом месте.

Карта оказалась выжжена на исподе крышки.

— Прадед твой лично трудился, — прошептала Германовна, водя рукой по испещренной темно-коричневыми линиями поверхности. — Только ты, батюшка, уж сам разбирайся в этой карте. Мне зрение не позволяет, да и в прикладной топографии я не сильна.

Откровенно говоря, Владимир Дмитриевич Краснов тоже был «в прикладной топографии» не ахти. Ему понадобилось четыре часа, чтобы расшифровать небрежную схему, мысленно убрать и сдвинуть со своих мест привычные вещи, преодолеть нервную дрожь. Германовна в это время дремала в кресле, ползала на кухню, приносила зеленый чай, ледяной клюквенный морс и сырны палочки, наконец как-то очень молодо устроилась на стуле у окна и запела старинный романс про хуторок. Что там с этим хуторком случилось нехорошего, Владимир Дмитриевич так и не узнал — словно в мозгу открылась форточка, и он ПОНЯЛ, где запрятал свои сокровища его загадочный прадед.

Александра поставила машину на стоянку и некоторое время посидела, глядя перед собой широко раскрытыми пустыми глазами. Как много событий случилось с утра! Ее пророческий сон, в котором она опять называла свою дочь Корой. Вызов к Кленову. Обвинение Киры в убийстве. Наконец, исполнение пророческого сна — дверь, ведущая прямо из монументального буфета на черную лестницу, и таинственная находка... А потом еще неуместный, странный поцелуй, который вот уж никак не вяжется со всем остальным! Она до сих пор чувствует его в уголке рта, и это мешает ей сосредоточиться...

«Кира жива, — сказала себе Александра, стерев поцелуй запястьем. — Теперь я это знаю точно. Она жива, и я найду ее».

И Александра снова выехала со стоянки, сопровождаемая удивленным взглядом скучающего сторожа. Она поедет по улицам, она поедет просто так и будет искать знак. Если ей снятся пророческие сны, то почему бы ей не найти указания на то, где искать Киру? Она увидит ее следы — серебряную дымку, тающую в воздухе. Или она увидит ее самое. Кира будет идти по улице — в белом платье, с летящими но ветру волосами. Потерянная, несчастная девочка, затравленная этим миром.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы войти в состояние близкое к провидческому трансу. Может быть, два часа, а может, и три — Александра потеряла понятие времени. И она уже решила признать свою идею безумной, несостоятельной и вернуться в реальность твердых предметов и конкретных понятий, когда увидела...

Цветок. Белая лилия лежала на асфальте, под ногами прохожих. Их грубые ботинки не сминали и не топтали ее. Лилия словно была нарисована белой краской — но рисунок казался объемным и жизненным, он дышал и манил к себе взгляд. Никто из людей не замечал его...

«Никто не видит его, кроме меня. Это знак. Это тот знак, которого я искала».

Александра хотела остановиться, но неведомый толчок заставил ее тронуться дальше. Через три минуты она снова увидела...

...лилию. На асфальте, под ногами прохожих. И теперь уже было ясно, что цветы указывают ей путь. Дорогу к месту, где она сможет что-то узнать о Коре. Или увидеть ее? Нет, на такое счастье нельзя сейчас рассчитывать!

Их было еще пять. Пять указателей, пять знаков. Последний лежал на самом пороге крошечного магазина.

«Белая лилия» — гласила вывеска. И Александра, кое-как припарковавшись, кинулась туда.

Это был ювелирный магазин. В нем продавались в основном комиссионные вещи — по соседству с магазином располагался ломбард. Очевидно, невыкупленные драгоценности шли именно отсюда на прилавок «Белой лилии». Впрочем, и сам магазинчик гордо заявлял о своей самостоятельности небольшим объявлением на стене за витриной: «Скупка золота. Деньгами выйдем!». Весьма оптимистично. Все ясно — нуждающиеся граждане несут бранзулетки, которые нельзя съесть или выпить, и получают малую толику рублишек. На текущие нужды.

Ассортимент, представленный на витрине, похвалить было трудно. Старые, некрасивые, нелюбимые украшения. Кольца в виде чалмы, перстни с крупными искусственными

камнями. Тускловатые цепочки. Крестики. Грубые серьги — как уши такое выдерживают? И голова не болит?

Но Александра почти сразу нашла то, что искала. На отдельной витрине, украшенной табличкой «Изделия с бриллиантами», на черном потертом бархате лежало кольцо Киры. Буква «К», усыпанная бриллиантиками, увитая ветвями. Стоило оно двадцать пять тысяч. Приличная цена. Но за него заплачено было гораздо больше. Кире сделали его на заказ. Она носила его не снимая.

— Послушайте... — обратилась она к продавцу. — Мне нужно...

— Что вам показать, дама? — оживился тощий прыщавенький парнишка в форменной белой рубашке и желтой бабочке. Одевание, очевидно, изображало наряд белой лилии. Штаны на молодом человеке были зеленые, что приятно разнообразило картину, но делало ее совершенно уж смехотворной.

— Мне ничего не надо показывать. Я сама все вижу. Я хочу у вас спросить... Откуда у вас это кольцо?

Палец Александры уперся в стекло над заветным колечком. Продавец проводил взглядом ее жест и пожал плечами:

— Кольцо, дама, комиссионное. Золото высшей пробы, девять бриллиантов. Камни мелкие, но чистой воды. Штучный товар! Оно стоит гораздо дороже, и вы не пожалеете...

— Я хочу знать — кто вам сдал его? Видите ли...

— Информации о клиентах мы не предоставляем, — перебил ее продавец, сразу поскучнев. — Извините...

— Поймите меня... У меня есть дочь. И она пропала. Объявлена в розыск. Ее, может быть, нет в живых! А это ее кольцо. Вы сами сказали — штучный товар. Оно одно такое! Помогите мне, я вас умоляю! У вас ведь тоже есть мама!

Молодой человек подергал плечами, словно собирался сбавить цену с выходом. Слова необычной клиентки раздражили его, апелляция к ближайшим родственникам смутила.

— Я думаю, вам нужно обратиться к нашему администратору, — заявил он наконец, указав на дверь с соответствующей табличкой. — Может быть, она вам сможет помочь.

С администратором Александре повезло, она поняла это сразу. Из-за стола навстречу ей поднялась молодая круглолицая женщина с внимательными и усталыми глазами.

— Я помогу вам, — сказала она, выслушав сбивчивую речь Александры. — Быть может, это и в самом деле незаконно... Но я вам помогу. Думаю, если вы обратитесь в милицию, меня все равно вынудят предоставить эту информацию... Не хочу гонять вас лишней раз туда-сюда.

— Да ведь я же куплю это кольцо! — неизвестно зачем заявила Александра.

— Тем лучше. — На бледном лице женщины появилась слабая улыбка. — Кольцо было сдано на реализацию. Это значит, что покупатель придет за деньгами только после того, как мы продадим товар. Так, сейчас посмотрим...

Александра сидела как на иголках, но поиски квитанции не заняли много времени.

— Так, вот она. Панькина Анна Егоровна.

В квитанции имелись паспортные данные неведомой Анны Егоровны и ее домашний адрес. Уже схватив заветную бумажку, Александра вдруг засомневалась в правильности своего поступка. Может быть, стоило все проделать через Кленова? Но он поговаривал о том, что Кира виновна в убийстве, он занимается сейчас наркотиком, найденным на черной

лестнице... И Александра отмахнулась от сомнений. Она пойдет к госпоже Панькиной и попытается узнать, откуда у той Кирино кольцо. Кольцо, сделанное на заказ, которое теперь вернулось к Александре! Она расплатилась с помощью карты и теперь получила его в собственность, вернув себе почтение прыщеватой белой лилии за прилавком.

Анна Егоровна жила у метро «Проспект Большевиков». Дом Александра отыскала сразу и издалека углядела сидящих у подъезда старушек. Так как в доме был всего один подъезд, резонно было предположить, что все они знают Анну Егоровну — возрастная группа у них явно общая. Госпожа Панькина родилась на свет божий в 1934 году. Быть может, она даже вот сейчас сидит тут, в этом прелестном обществе! Но обращаться к старушкам с вопросом... Это уж, пожалуй, слишком. Впрочем, цель оправдывает средства!

— Извините, вы не знаете — Панькина Анна Егоровна здесь живет? — спросила Александра представительниц старшего поколения. Те уже давно с любопытством ее оглядывали. — Адрес у меня есть, но...

— Тут она, тут, — поспешно закивала бабушка в цветастой косынке, весьма кокетливо повязанной на манер банданы. — На третьем этаже живет.

— В десятой квартире?

— В десятой, в десятой, — вступил хор старушек. — Ты не бойся, иди, она дома. Дома, дома она. К ней сейчас дочка ее поднималась. Ты, милая, из собеса?

Александра промычала что-то неопределенное, но утвердительное. Провожаемая разноголосыми напутствиями и поощрениями, она вошла в подъезд. Хор старушечьих голосов снаружи завел новую шумную беседу. Теперь, очевидно, обсуждали очередную гостью Анны Егоровны, ее автомобиль и манеру вести разговор. Александра улыбнулась про себя. Неужели работники собеса приезжают к своим питомцам на новых «тойотах»? Кучерявенько живут, нечего сказать! Может, бросить этот хлопотный бизнес и пойти служить в собес?

Дверь в десятую квартиру оказалась распахнута, на пороге валялись какие-то хозяйственные сумки. А в самой квартире происходил самый шумный, самый первоклассный скандал. Эх, не слышат бабуси у подъезда, вот была бы тема для разговора! Впрочем, может быть, это для них привычно?

— Ничего мне не надо! Ничего мне не надо от тебя, ты, дрянь, мерзавка! И не приходи ко мне больше! Я тебе сто раз говорила...

— Но, мам...

— Не произноси этого слова! Ты все опошילה, ты над всем надругалась! Ты мне не дочь! Вон! Вон отсюда, пока я не позвала на помощь!

Александра едва успела отступить — мимо нее, пыхтя и отдуваясь, пролетела полная дама в невыносимо ярком платье леопардовой расцветки. Дама подхватила сумочку и загрохотала вниз по лестнице, не обратив на Александру ни малейшего внимания.

— И можешь не возвращаться! — грянуло ей вслед, прямо под ухом Александры.

Кричавшая не соответствовала громкости своего голоса ни ростом, ни габаритами, ни внешним видом. Прогоняла из квартиры леопардовую даму не стокилограммовая халда, а сухая высокая старуха в черном глухом платье — в такую-то жару! К выцветшему шелку платья был прицеплен воротничок из пожелтевшего кружева, и сама дама выглядела весьма томно. Седые, подсиненные волосы собраны были на затылке в аккуратный пучок, на тонком горбаче носу сидели очки без оправы, воротник придерживала огромная брошь с изображением «Незнакомки» Крамского.

— Извините, бога ради, вы ко мне? — обратилась хозяйка к Александре.

— Если вы Панькина Анна Егоровна, то к вам, — приняла официальный тон Александра. — Здравствуйте.

— Здравствуйте. Проходите.

Александра прошла в прихожую, которую можно было бы охарактеризовать с помощью расхожего выражения «бедно, по чистенько». Осмотревшись, она принялась стаскивать с ног туфли.

— Нет-нет, обуйтесь! — запротестовала хозяйка. — Я никогда не заставляю своих гостей разуваться! Хотя какие уж тут у меня гости... Но по-моему, это дурацкий обычай — заставлять снимать обувь и подсовывать антисанитарные разъезженные тапки. Правда, моя дорогая?

— Правда, — кивнула Александра.

— Вот и хорошо. Проходите в гостиную.

Насколько Александра могла судить, вся квартира и состояла из гостиной, кухни и совмещенного санузла. Но хозяйка проводила ее в единственную комнату, как в тронный зал.

— Присаживайтесь вот тут, у стола. Прежде чем мы приступим к нашему разговору, позвольте извиниться за неприглядную сцену, свидетельницей которой вы стали. Эта дама, которая ушла, — моя дочь... Увы, между нами есть серьезные разногласия...

— В семье такое бывает, — услужливо поддакнула Александра.

— Да? Вы так думаете? — обрадовалась Анна Егоровна. — Отрадно встретити понимание. Ну-с, чем обязана такому приятному визиту?

— Меня зовут Александра. Сегодня я зашла в магазин «Белая лилия» и увидела там кольцо. Кольцо с бриллиантами. Это ведь вы его туда сдали?

— Да, я.

— И это ваше кольцо?

— Что вы, моя дорогая! — рассмеялась Анна Егоровна, широким жестом обведя «гостиную». — Да вы только посмотрите на мою, с позволения сказать, обстановку!

Обстановка, что и говорить, была небогатая. Рассохшаяся чешская стенка, набитая книгами, диван, стол, два стула. Тумбочка для телевизора присутствовала, по сам телевизор куда-то отлучился, оставив вместо себя крошечный радиоприемник. На стене репродукция «Боярыни Морозовой» Сурикова. Ну да, как же иначе.

— О каких бриллиантах может идти речь? Мы с мужем всю жизнь преподавали в школе, никакого добра не нажили. Разве только всемирную библиотеку... Но ее не сдать в ломбард, да я и не решилась бы на такой поступок... Вот моя дочь Марина...

— А чье же это тогда кольцо? — спросила Александра, решив, что исповедь старой учительницы она всегда успеет дослушать до конца.

— Это Костя меня попросил сдать, — пояснила Анна Егоровна и вернулась к излюбленной теме: — Мы растили дочь в любви к прекрасному, а она, представьте...

— Кто такой этот Костя?

— Это мой бывший ученик, премилый мальчик. Он часто заходит ко мне, особенно после смерти мужа. Чинит что-нибудь, помогает мне. Карниз вот прибил. Мальчик недалекий, но добрый. На таких мир держится. А вот моя дочь Марина, несмотря на все наши усилия...

— Откуда у Кости это кольцо?

— Он сказал, что это кольцо его покойной бабушки.

— А почему же он сам его не отнес?

— Ах, да Костя считал — и довольно резонно, на мой взгляд, — что мне дадут денег больше, чем ему. Конечно, он прав. Если я выгляжу как женщина, у которой могут быть фамильные бриллианты, — вы ведь тоже подумали, что кольцо принадлежит мне? — то можно предположить, что я знаю им цену. А Костя такой молодой и такой... Скажем, простоватый. О нем могли подумать дурное и дать ему маленькую цену... Мы с ним вместе ходили, он меня сопровождал.

Глупая старуха откинулась на спинку стула. Она явно была довольна собой, неведомым Костей и такой удачной комбинацией.

— Конечно, он обещал мне за это некоторый процент, но я отказалась! Я привыкла зарабатывать деньги, а не получать их путем финансовых махинаций с чужим имуществом! Государство платит мне пенсию, я репетирую учеников, и мне хватает на скромную жизнь. Так и должны жить сейчас интеллигентные люди. А вот моя дочь Марина... Мне больно об этом говорить, но она предала наши идеалы! Те идеалы, которые мы ей внушали с детства! Подумайте: мало того что она бросила преподавание в школе и, влекомая жаждой наживы, пошла торговать какими-то ничтожными тряпками, так она еще и отдает свою дочь, мою внучку, в какой-то ужасный экономический институт! Чтобы маленькая Анечка тоже впоследствии стала торгашкой! Это ужасно! Я педагог, у меня есть принципы, и я сразу отреклась от недостойной дочери и теперь не принимаю ни ее, ни ее подачки! А она все ходит, ходит!.. Но вы видели, как я к этому отношусь. Видели ведь?

— Видела, видела... А этот Костик — как его фамилия и где он живет?

— Фамилия его Серов, а живет он тут же, по соседству. В тридцать седьмой квартире. Куда же вы? Уже уходите? Значит, я могу сказать Косте, что его колечко продано?

— Можете, можете, — бормотала Александра, пытаясь открыть незнакомый замок. В ногах путались сумки, брошенные леопардовой дамой, проклятой дочерью. — Сегодня же скажите, хорошо? Большое спасибо, до свидания.

— Обязательно скажу, он зайдет сегодня вечером. Деньги забирать мы, конечно, вместе пойдем. Ему-то, хи-хи, не отдадут! Всего вам доброго! Очень приятно было познакомиться! Заходите еще! — неслось ей вслед.

Старушки уже покинули скамейку — очевидно, подошло время сериала. Вместо них у подъезда сидела леопардовая дама, вид она имела самый удрученный. Александра прошла бы мимо, по недостойная дочь, предавшая идеалы, окликнула ее.

— Вы же к моей маме приходили? Скажите, она не выкинула сумки?

— Не выкинула, — улыбнулась Александра. — Лежат в квартире. В прихожей.

— Вот и хорошо. А то в прошлый раз она их вышвырнула прямо на лестницу. Помидоры и крупа рассыпались, бутылки и банки разбились... Мне же потом и пришлось все убирать, соседи сердились.

— Надеюсь, на этот раз обойдется...

— Надеюсь... А вы к ней по какому вопросу?

Александра присела на скамейку рядом с Мариной.

— Вы знаете, что она носила в скупку золотое украшение?

— Господи! — схватилась за обширную леопардовую грудь недостойная Марина. — Какое украшение? У нее ж ничего нет, кроме двух обручальных колец — ее и папино, и те истерлись до неприличия!

— Это кольцо принадлежало ее ученику, Косте Серову. Он попросил ее сдать.

— Ученику? Я сомневаюсь, что он ее ученик. Так любая шушера придет, учеником назовется...

— Но если ваша мама столько лет преподавала...

— Да ладно, я допускаю, что это ее ученик! Предположим. Но он бандит, форменный бандит! Видели бы вы его физиономию! А мама... Да вы видели, какая она.

— Какая?

— Мама сроду-то не очень хорошо разбиралась в людях. Все витала где-то. А после папиной смерти здорово сдала. Порвала со мной отношения, Анечку, в которой раньше души не чаяла, выгнала... Ничего не принимает, что я ей приношу. Мой муж телевизор ей подарил на юбилей — так она его выбросила из окна! И как осилила поднять? Едва замяли дело. Участковый приходил. Мы ей стали чужие, а вот этого Костю она привечает. Боюсь я за нее...

— Вашу маму нужно показать врачу, — посоветовала Александра, поднимаясь. — Это может плохо кончиться.

— Знаю я... Но как ее к врачу отвезти? Она же...

— А не надо везти. Пригласите его на дом, можете себе такое позволить?

— Господи, да я ради мамы... Мы же с мужем неплохо зарабатываем, и если б она согласилась...

— Она очень приветлива с посторонними людьми, особенно с теми, кто согласен выслушивать ее монологи... Может, еще наладится.

— Спасибо, спасибо вам большое на добром слове!

— Не за что. Прощайте.

Александра забралась в машину и, заводя ее, увидела, как леопардовая Марина поднимается и медленно, устало плетется по направлению к метро. Ей стало жаль учительскую дочку. В самом деле, тяжело, когда мать не в себе! Но тут же вернулась мыслями к собственным проблемам.

Так. Если старая учительница ничего не напридумывали походя, то Костя Серов, бывший ее ученик и «форменный бандит», — именно тот человек, который ей, Александре, нужен. Идти к нему домой и выпытывать, откуда он взял колечко, было бы, учитывая все его характеристики, весьма опрометчиво. Значит, нужно его поймать при других обстоятельствах. Но как? Александра ведь не знает его в лицо!

«Все очень просто, — сказала Александра сама себе. — Завтра он пойдет в «Белую лилию» забирать деньги за кольцо. И Анну Егоровну с собой прихватит. Так я его и узнаю. Надо просто проследить...»

Александра понимала, что это вовсе не так просто. К тому же в этом плане был еще один пробел. Что она станет делать после того, как увидит Костю Серова? Что-то подсказывало Александре, что «форменный бандит» не станет разговаривать с ней так же охотно, как его старая учительница. Может, все же стоило подключить Кленова?

И Александра почти уже решила звонить Евгению Эдуардовичу, как вдруг случилось нечто, нарушившее ее планы.

Тайник помещался за резной дубовой панелью, которыми были обшиты стены столовой, видимо, лет сто назад. Хорошо, что ни у кого из предыдущих хозяев не поднялась рука сменить эти панели чем-то более современным!

После нажатия на незаметную завитушку одна из панелей плавно отошла в сторону — Владимир Дмитриевич только подивился необычайно четкой работе механизма, слаженного много лет назад. Интересно, прадед сам его придумал и сконструировал? Или нанимал специального механика, а после работы, согласно канонам романтизма, ослепил его?

Но Краснову-старшему не случилось поразмышлять как следует над судьбой неизвестного механика. В образовавшейся нише он увидел небольшой сундук, скорее даже ларец.

«Пиастры, пиастры!» — птичьим голосом прокричало сознание.

Зинаида Германовна, невозмутимо наблюдавшая за вскрытием тайника, заоглядывалась и перекрестилась, хотя сроду считалась атеисткой.

Владимир Дмитриевич взялся за ларец, с трудом поднял его и чуть не упал под непомерной тяжестью. Осторожно поставил на пол, оглядел. Тут же сунулась Германовна с тряпкой, стала смахивать с крышки несуществующую пыль.

— Да он и не запылится совсем, — пробормотал Владимир Дмитриевич. — Стоял-тс наглухо закрытый... скажи уж прямо, старая, что тебе любопытно.

— А как же! — подтвердила нянька.

— Внимание, открываю!

Что и говорить, с первого взгляда стало понятно, что сундук наполнен не пиастрами, не дублонами и не царскими золотыми червонцами. Бриллиантов, рубинов и прочих кристаллов тоже что-то было не видать. Ларец был заполнен книгами, весь, под завязку. Владимир Дмитриевич брал их осторожно, как ковриги из печи, и «сажал» на пол. Были книги печатные, дореволюционные. «Оккультные тайны», «Новые достижения оккультной науки», «Глас с того света», «Подчинение духов эфира человеческой воле». Все прадедушки Смирницкого. Были книги рукописные — очевидно, его же. И уж в этих книгах ни черта было не разобрать! Владимир Дмитриевич открыл одну, покрутил и плюнул. Вот так почерк был у Павла Тимофеевича, да пошлет ему Господь в ад кувшин водички! Только схемы и чертежи понятны, а что в них толку?

Одна из книг насторожила Краснова. Показалась она ему отличной от других. Не такая была обложка, не скользила под рукой ладно выделанная кожа... Перехватив, он раскрыл книгу — и знакомый почерк запрыгал перед глазами, знакомые, скругленные буквы...

Дмитрий Иванович Краснов нашел тайник раньше своего сына. И без указаний няньки Он обнаружил выжженную на крышке стола карту, когда полез под стол — быть может, за оброненной ручкой или книгой. Он разобрался в ней сам и улучил момент, когда дома никого нет. Быть может, это произошло в те времена, когда одиночество властно вторглось в его жизнь. Когда Марк еще не появился на свет, а старший сын и молодая жена были заняты своими делами — своими молодыми, веселыми делами. Он открыл тайник. Он читал книги Смирницкого и перед тем, как снова закрыть резную дубовую панель перед нишей, спрятал в ларец и свой дневник. Дневник за 1985 год. Одинокий год, печальный год.

Владимир знал, что отец вел дневник всю жизнь. Он описывал не каждый день, но те

события, которые считал значительными для страны и для семьи. Одинаковые черные тетради до сих пор стояли в кабинете на отдельной полке. Владимир в них не заглядывал. Было неловко. И он все собирался эти тетради сжечь — наверняка отец так бы и поступил, если бы смерть не сразила его мгновенно, но все руки не доходили. Да и вдруг они пригодятся когда-нибудь, эти дневники? Вдруг...

До самого дна пошли все книги. Одна из них, с медной застежкой и медными же уголками, в руках у Владимира Дмитриевича тихо брякнула. Откинув застежку и распахнув книгу, он обнаружил, что это вовсе и не книга. Шкатулка в виде книги!

В глаза ему брызнул сноп искр. Драгоценности, таящиеся в поддельном фолианте, были неподдельными. Дрожа и задыхаясь, Владимир Дмитриевич донес находку до стола.

— Взгляни, Германовна! — позвал он, но старуха уже успела задремать в кресле и при звуках его голоса только слабо пошевелилась, кивая седенькой головой. Владимир не стал будить няньку и запустил пальцы в найденные украшения.

Наверное, мещанского происхождения прабабушка, уезжая за границу, большую часть украшений забрала с собой. Невозможно представить, что с ними случилось впоследствии. Были ли они распроданы в тяжелое время, когда иссякли последние средства? Или до сих пор остаются во владении какого-нибудь заграничного Смирницкого, уже забывшего и родной язык, и свое происхождение? Но и то, что лежало перед Владимиром Красновым, было достойно всякого внимания. Полная парюра — жемчужная диадема, ожерелье, брошь в виде букета, тяжелые браслеты, три кольца — какие тонкие пальцы были у прабабки! А вот и мужской перстень — большего размера, тяжелого, темного золота, с мутно-серым опалом. Его Владимир подержал в ладони, поднес близко к лицу, согревая дыханием, и наконец примерил. Перстень пришелся впору, уютно сел на безымянный палец левой руки. Словно тут и был, надо же!

В сущности, драгоценностей нашлось меньше, чем Владимир Дмитриевич себе представлял. С того момента, как Германовна произнесла слово «клад», перед его глазами прошел океан сверкающих огней. Он был уверен, что сундук будет наполнен золотом и бриллиантами... Но и так неплохо. Неожиданная помощь от дедушки!

Владимир Дмитриевич подумал и о своем единокровном брате. Формально клад принадлежит им обоим. Им придется делиться. Ну что ж... Ведь понятно, почему Германовна открыла клад ему, сделав предпочтение перед более удачливым, более богатым братом... Пожалела убогого! Но Владимир Дмитриевич сможет развернуть ситуацию в свою сторону! Этот клад схоронил его прадед, дед его матери! Марк Дмитриевич, будучи сыном второй жены отца, актрисы Дианы Юстицкой, не имеет к сокровищам никакого отношения! А теперь еще выяснилось, что он и к дому не имеет никакого отношения!

Наскоро собрав книги в ларец и прихватив с собой шкатулку с драгоценностями и дневник отца, Владимир Дмитриевич Краснов удалился в свою спальню — благо время было не то позднее, не то уже раннее. Ночь перевалила к утру.

Не стоило и думать о том, чтобы заснуть. Последнее время у Краснова были проблемы со сном. Он пил на ночь молоко и мед, принимал целебный отвар валерианы и пустырника. Таблетки глотать не решался пока, да и не любил медикаментов. Сон приходил только под утро, был зыбок и по-старчески непрочен, и в нем проносились странные видения... Так что теперь, после всех волнений сегодняшнего дня, подремать наверняка не удастся. Для того Владимир Дмитриевич и взял в постель дневник Дмитрия Краснова. Но, вопреки собственным ожиданиям, он заснул, едва прилег. Заснул крепко, не успев выключить свет.

«Багровый дым поднимается к небу. Огонь полыхает на жертвенном алтаре — что там сжигают? Чья плоть видна в языках пламени? Не надо об этом думать, не стоит, не показывайте мне этого! Но огонь горит, слепит глаза. Нет, это не огонь. Это чудовищный пес о трех головах, пес огненно-рыжей масти беснуется на груди человеческих тел. Три пасти оскалены — какие страшные, багрово-красные клыки, похожие на зерна граната! Он сейчас бросится... Нужно бежать... Но ноги как ватные, они не слушаются... Кто-то хватает меня за руку и тянет за собой. Я подчиняюсь. Мы с неизвестным спутником бежим по длинному коридору, потом вверх по лестнице и наконец выбираемся на свободу. Из погреба?»

Человек, спасший меня от чудовищной собаки, — мой брат Марк. Он подталкивает меня к выходу, а сам хочет спуститься обратно. Там остался кто-то, дорогой ему...

— Спасибо, — говорю я ему. — Спасибо, ты меня спас. Чем я тебе отплачу?

— Отдай мне то, что тебе не принадлежит, — отвечает тот, исчезая в темном провале.

Я слышу только его голос... Он становится все ниже и ниже и наконец превращается в подземный гул, сливается с ним...»

Владимир Дмитриевич проснулся в семь часов в холодном поту, сердце бешено колотилось. Ему приснился странный сон... Он не вспомнил бы обстоятельств этого сна, но помнил, что видел брата. Тот спас его от неведомой опасности и взамен просил что-то отдать. «Отдай то, что тебе не принадлежит», — всплыла в сознании фраза. Это сразу успокоило Владимира Дмитриевича. Перед сном он думал о чем? О том, что неожиданную находку стоило бы разделить с братом. И о том, что брат, в сущности, не имеет на нее никакого права, так как он-то вовсе не приходится правнуком Павлу Тимофеевичу Смирницкому... Все эти мысли продолжали одолевать его и во сне — вот откуда эта фраза и это мучительное беспокойство.

Владимир Дмитриевич оделся, запер драгоценности в свой сейф и бодро спустился вниз, в столовую. Прислуга Ниночка подала завтрак — омлет с сыром и грибами, кофе, фрукты. Германовны не было видно. Наверное, старая перечница еще не выбиралась из своего закутка. Ниночка подтвердила, что Зинаида Германовна попросила ее не беспокоить, сказав, что хочет заняться своими личными делами, и Нина отнесла ей омлет в комнату.

Субботнее утро сентября походило на летнее утро — было жарко, в воздухе висело какое-то знойное марево. Деревья стояли без движения, но в их тени уже чувствовался пронзительный холодок осени. Решив сегодняшней день освободить от всех дел, Владимир Дмитриевич прошел с дневником отца в сад, туда, где висел между двух сосен гамак, и улегся, накрыв ноги пледом. Он почитает до обеда, потом, после легкой закуски, пойдет на теннисный корт и сыграет с кем-нибудь пару звонких партий. А к вечеру, быть может, позвонит Ирине, и они поужинают в каком-нибудь уютном ресторанчике.

Но когда Владимир Дмитриевич Краснов встал из гамака — действительно перед обедом, — это был совсем другой человек. И новый человек не пошел обедать, не пошел на корт и не стал звонить Ирине Олеговне, чтобы пригласить ее в ресторан. Впрочем, пару телефонных звонков он действительно сделал.

«1985 год. 12 июля

Я начинаю новый блокнот своего дневника, еще не закончив старого. Тому причиной та неожиданная находка, которую я сделал в собственном доме. В доме, к которому так привык, привык считать, что знаю его как свои пять пальцев! Подумать только — я столько лет работал за этим столом! И вот теперь открыл в нем нечто, что могло не открыться никогда. Очевидно, я один владею этой тайной — я и тот человек, спрятавший в доме клад. Его имя мне известно. Это дед моей дорогой покойной Майечки.

Даже сейчас, написав ее драгоценное имя, я испытал дрожь и горечь любви. Столько лет прошло, а боль утраты не слабеет, не затихает. Как несправедливо, что именно она умерла! Такая веселая, такая живая — она ушла от меня навсегда в ту тьму, откуда нет возврата, и я больше не увижу светлой ее улыбки! Мне тяжело мириться с этой несправедливостью.

Та женщина, что стала теперь спутницей моей жизни, заслуживает всего самого лучшего. Она хороша собой, несомненно талантлива. Ее живой и ровный нрав успокоил мою боль, оживил дом, помог Володе в его скорби. Для мальчика было очень важно присутствие женщины, которой он мог бы довериться... Диана заменила Володе мать. И он нуждался в этом — ведь я слишком занят. Диана преподнесла мне и тот дар, который особенно ценен для человека, чьи дни идут к закату. У меня теперь есть Марк. Он совсем взрослый юноша. У него вся жизнь впереди, и я чувствую, что он сможет добиться многого. Но почему у меня так болит глупое стариковское сердце?

Владимир опустил дневник на грудь и печально усмехнулся. Он всегда догадывался, что его отец так и не смог, до самой смерти не смог забыть Майю... И утешал себя тем, что его новый брак помог ему, Владимиру.

Впрочем, я отвлекся. Скорбя о Майе, я мог бы исписать сотню страниц. Но я хочу все же вернуться к своей находке. Володя, Марк и Диана уехали отдыхать в санаторий на Черноморское побережье. Зинаида Германовна уже две недели как лежит в глазной клинике, скоро ее должны прооперировать. Именно поэтому, пользуясь свободой, пользуясь тем, что никто не гонит меня спать, ссылаясь на якобы необходимый мне режим, я работал поздно ночью. Курил без меры — все же пора оставить эту дурную привычку! Но вчера она сослужила мне отличную службу. Очередную папиросу я уронил и не поленился полезть за ней под стол. Свет лампы падал удачно, и я смог рассмотреть на внутренней поверхности крышки стола какие-то причудливо пересекающиеся линии. Сначала мне показалось, что это жилы дерева, из которого был сделан стол, но потом я понял, что ошибся. С величайшими усилиями снял крышку со стола (минус полгода жизни за этот пот и дрожь в ногах и за то, что грохнул крышку себе на ноги, чуть не раздробив ступни!).

Я сразу понял, что это план нашего дома. Понял и обозначения. Маленьким крестиком было обозначено место, где находится рычаг, поднимающий панель, большим — панель, которая должна подняться. Вне себя от нетерпения, я спустился в гостиную и попробовал, удерживая в памяти схему, отыскать спрятанное.

Мои усилия увенчались успехом. После пяти-шести безуспешных попыток я нашел тот завиток в дубовой резьбе, который приводил в действие секретный и очень тонко сработанный механизм. Пятая, если считать направо от лестницы, панель поднялась. Там

стоял небольшой сундук.

В нем лежали книги. Книги по оккультизму, признанному лженаукой. Интересно, будет ли когда-нибудь известно, какое значение имели оккультные изыскания в становлении Страны Советов? Ту информацию, которой я владею сейчас (далеко не в полном объеме), вряд ли можно будет когда-либо обнародовать. Занятные факты о «красных магах», соорудивших ментальную завесу над Кремлем, ограждавших пролетарских вождей от черной вражеской магии, разработавших символику молодому Советскому государству... «Коммунистическую свастику», сиречь серп и молот, например. Впрочем, я отвлекаюсь. Мысли путаются. Павел Смирницкий не вошел в избранную когорту «красных магов». Не знаю, что случилось с ним. Впрочем, он предсказал дату своей смерти в своих записях. У оккультиста был отвратительный почерк. Буду и дальше работать над расшифровкой его записей.

27 июля

Работа оказалась трудней, чем я предполагал. Скоро вернутся с курорта мои родные. Мне придется убрать книги обратно в тайник и молчать о своем открытии. Кроме книг, я нашел еще и драгоценности. Вероятно, они принадлежали супруге Павла Смирницкого. Как они подошли бы моей милой Майе, как прекрасна она была бы в этих бриллиантах! Но Майи больше нет со мной. И я не хочу, чтобы эти украшения носила Диана. Они останутся под спудом — до тех пор, пока один из моих сыновей не вскрыет тайник. Я хотел бы, чтобы это был Владимир. Он приходится правнуком Смирницкому, и для него предназначены те тайные знания и те украшения, которые принадлежали его прабабке.

Владимир последнее время причинял мне много огорчений. Он успешно движется по жизни, но порой мне кажется, что он слишком многого не замечает на своем пути. Для него не существует препятствий. Порой мне кажется, что он способен перешагнуть в своем движении вверх через все, что составляет смысл человеческой жизни, что ему чужды любовь, привязанность, элементарное понятие о нравственности. В этом моя вина, моя огромная вина. Взяв на себя ответственность за жизнь ребенка, нельзя отгораживаться от этой ответственности своей чрезмерной занятостью. А я именно так и поступал. Мне тяжело признать это. Майя могла бы исправить дело, но ушла так рано и так скоропостижно, что это только настроило сына против нее. Смерть матери Владимир воспринял как препятствие и перестал, как выяснилось впоследствии, ждать от людей добра. Он относится с подозрением и недоверием ко всему миру — особенно к женщинам.

«Какие тонкие наблюдения, какие блистательные выводы!» — усмехнулся про себя Владимир Дмитриевич. Старик принимал естественное стремление молодого человека к свободе за цинизм. Строил из себя великого психолога, зачем-то привязал сюда смерть матери... Ерунда какая! Впрочем, в одном старик профессор оказался прав. Владимир Краснов действительно не доверял женщинам.

И эта несчастная история с девушкой из деревни... К стыду своему, я мало знаю о ней. Диана слишком легкомысленно отнеслась к известию, что ее пасынок сделал бедную девушку матерью. «С кем не бывает! Нужно дать ей денег, она сделает аборт, и дело с концом!» Какие жестокие слова! Но ей это простительно, я и не ждал от нее ничего другого... А Владимир! Как жестоко он отказался от встречи с девушкой, как сухо объявил, что она «пудрит ему мозги», что она «нагуляла ребенка», что хочет «пролезть в богатенькую семью»! Какие циничные выражения он употреблял. А я струсил. Да, я — старый трус. Мне

нужно было самому найти ее, повидаться, поговорить. Но у меня не хватило силы духа.

«Неудивительно, — кивнул Владимир. — Я даже не знал, что мой покойный батюшка был в курсе этой истории. Никогда он со мной об этом не заговаривал. Я советовался с Дианой. Она бой-баба, она сразу обозначила для меня линию поведения, предложила денег, раздавила во мне остатки сомнений. А старик, оказывается, знал и здорово огорчился... Если бы я был в курсе, что он так близко принимал к сердцу «беременную» историю, я бы, наверное, вел себя иначе. И со стариком, и с Александрой. А так я полагал, что молчание — знак согласия...»

Среди книг и драгоценностей Смирницкого я нашел предмет, который был весьма непохож на другие. Его смысл объяснили мне книги. Павел Смирницкий сам сделал этот талисман. Могучий талисман, как объясняет он в своих записях — в том куске, который мне удалось прочесть. Золотое ожерелье очень грубой работы.

Владимир подскочил и чуть не выпал из гамака. С трудом занял подобающее положение и еще раз перечитал последние слова. Никакого ожерелья он в схроне не обнаружил! Нет, обнаружил. Бриллиантовое ожерелье, но даже слепой не назвал бы его «грубой работой»!

Найдя его, я был потрясен мощью, заложенной в этом украшении. Нет, это не украшение. Это нечто большее. Я не верю в магические свойства ожерелья. Но надо признать — оно представляет собой нечто совершенно исключительное. Три огромных камня впаяны в тяжелое темное золото. К ювелирам я обращаться не рискнул. Но моих познаний хватило, чтобы распознать эти камни.

В центре — несомненно алмаз. Алмаз «сырой», то есть неограниченный. Неизвестный гранильщик отполировал только естественные грани кристалла, имеющего форму октаэдра. Насколько я могу понять с помощью своего старенького микроскопа, в камне нет ни малейшего изъяна. Но потрясло меня не это... По самым скромным предположениям, этот алмаз весит около 60 карат, что при отсутствии изъянов ставит его в ряд с такими известными бриллиантами, как «Звезда Южной Африки», «Ягерсфонтейн» и «Йонкер». В случае огранки камень может уменьшиться, но ненамного.

Обрамляют это чудо два не менее прекрасных, хотя, быть может, и не таких дорогих камня. Оба они не огранены. Кристалл изумруда ярко-зеленого цвета представляет собой шестигранную усеченную призму, весом около 125–130 карат (я могу сильно ошибаться, но скорее в меньшую сторону). Желто-зеленый кристалл топаза (очевидно, бразильского происхождения) представляет правильно сформированную ромбопирамидальную призму. Весом он не менее 150 карат.

Описывать ожерелье сложно. Оно словно ускользает из-под пера. В любом случае, я не могу с ним расстаться. Пусть оно останется у меня. Порой мне кажется, что из кристаллов в меня льются силы.

Значит, драгоценность осталась у отца. И где она сейчас? Ничего подобного Владимир в доме не находил — но он ведь и не искал! Остается библиотека, где за рядами книг можно не только ожерелье — и «Кохинор» спрятать, вместе со всей Голкондой в придачу! Алмаз в шестьдесят карат! Владимир Дмитриевич мало смыслил в каратах, но понимал худо-бедно, что это очень много. Надо искать! «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» — так, кажется, говорилось в книжке про двух капитанов?

Наконец вернулись мои родные! Марк загорел, похудел, одичал. Смеясь, говорит, что не представляет, как возвращаться к занятиям в институте после месяца на море. Диана сразу же уехала в театр, даже не поздоровались как следует. Переодевалась и напевала в спальне. Она заметно помолодела, что дало мне основания предполагать — не обошлось без банального курортного романа. Мальчики развлекались в компании молодежи, а она наверняка урвала момент...

«Да уж, урвала. Подцепила в первый же день какого-то дирижера. Гуляла с ним по набережной в сумерках — в золотистом шелковом платье свободных форм, на шее жемчуга моей матери, на голове — огромная соломенная шляпа. Воображала себя дамой с собачкой. Мы с Марком жили в одном номере, а она — в другом. Я выпроваживал Марка «полюбоваться на вечернее море», а сам приводил сговорчивых курортниц. Особенно охотно шли на одноразовое приключение бальзаковские и предбальзаковские дамы. Вырвавшиеся из домашней обстановки, ошалевшие от свободы, солнца, моря, собственной привлекательности и безнаказанности... Бутылка массандровского портвейна, одно запретное яблоко на двоих и жаркие объятия на сбившихся простынях. Потом я провожал случайную подругу и в холле частенько сталкивался с тем самым дирижером, который выходил из Дианиного номера. Дирижер бывал встрепан и смущен, а я не без намека преувеличенно почтительно его приветствовал... Один Марк щелкал клювом, да он, видно, в папеньку удался».

...Впрочем, я не стал забивать себе голову. Такие ситуации неизбежны, когда жена намного моложе мужа, когда он к тому же по роду своих занятий или по складу характера не в состоянии сопровождать ее на отдыхе. Впрочем, Диана вернулась не поздно. Мы долго ужинали вдвоем на террасе — дети уехали в город повидаться с друзьями. Она говорила мне о теплом море, а я любовался ее обновленной красотой... И потом я почувствовал удивительное вдохновение, потрясающий прилив сил... Такого со мной давно не было. С молодых лет, пожалуй. Диана была потрясена! Она быстро заснула, утомленная, и я тоже заснул.

6 августа

Быть может, все это бредни выжившего из ума старика. Быть может, мне и в самом деле нужно было принимать те таблетки, что мне рекомендовал Сидорович еще в прошлом году. Но мне кажется, что ожерелье действует на меня. Последние пять дней я чувствую себя гораздо лучше. Меня не мучает высокое давление, у меня не ноет больше сердце. Я уже давно не работал. Делал вид, что работаю, — вот до чего дошел! Сидел у себя в кабинете за закрытой дверью, перечитывал Чехова, к обеду выходил с сосредоточенным видом. Но теперь ко мне вернулась ясность мысли, я написал новую статью и начал систематизировать некоторые исследования. Систематизация и анализ займут некоторое время, после можно будет сделать доклад в Академии наук. Кроме того, ко мне вернулась мужская сила. Диана не знает, что и думать. Я слышал краем уха ее телефонный разговор с какой-то подругой — она уверена, что все дело в каких-то чудодейственных таблетках, которые мне привезли год назад из Дании. Но я тех таблеток не пил, опасался.

Я смотрю на ожерелье ночами. Я пью ту силу, которая исходит от него.

Владимир прервал чтение и задумчиво воззрелся вверх, в густую синеву неба. «Надо же... Отец всегда был чужд суеверий. Значит, в этом ожерелье и впрямь было что-то... Трудно верить современным «магамам», слишком они подпортили свою репутацию. Но в

прошлом наверняка были люди, способные сконцентрировать могучие природные силы, силы неведомого, и вложить их в какой-то предмет...

Я найду это ожерелье, чего бы мне это ни стоило, — решил Владимир. — Оно необходимо мне! Оно должно принадлежать мне, и я его найду».

Дальше записи стали менее интересными. Профессор Краснов сухо описывал незначительные семейные события, но много писал о своих планах. Он работал над новой книгой. Судя по записям, работа подвигалась бодро. Это странно. Ведь, насколько Владимир Дмитриевич помнил, последняя книга отца осталась незаконченной.

«Странное ощущение — я читаю и словно бы отец жив. А я знаю, что это последний год его жизни. Он умрет 2 января. После праздников. Не так обидно умирать после праздников, когда подарки уже распакованы и индейка доедена... Но все равно странно, что он не дописал книгу...»

Владимир Дмитриевич читал дальше, и волосы вставали дыбом у него на голове.

18 ноября

Сегодня самый страшный день в моей жизни.

Случилось то, чего никто не мог ожидать.

Хорошо, что Майечка не дожила до этого дня.

Прости нас, Господи. Мы были неразумны в своих эгоистичных желаниях. И расплата настигла невиновных. Господи, я никогда не верил в Тебя. И никогда ни о чем не просил. Так прости мне теперь в величайшей милости Твоей мое неверие!

Или не Бог. Просто судьба. Страшная судьба. Ананке. Ананке. Высшая сила необходимости и неизбежности, которой подчиняются даже боги.

Сегодня я видел свою внучку. Дочь моего сына. Дочь моего приемного сына. Плод кровосмешения. Дитя инцеста.

Девушка пришла к нашему дому. Я опять был один. Последнее время я всегда один, по теперь это меня уже не тяготит. Я много работал над книгой. Я пригласил ее в дом, стал угощать чаем и пирогами. Она показала мне девочку. Крошечную красавицу Киру. Мое сердце дрогнуло при виде маленького, удивительно правильного лица с бледными губками. Девочка нездорова, она родилась с пороком сердца. Я представил себе, что, если бы Владимир иначе отнесся к появлению ребенка на свет, они жили бы у нас в доме. Скажем, на втором этаже, в розовой комнате. Там почти всегда светло, и это самая теплая комната в доме. Там всегда пахло бы ребенком, и чистотой, и молоком, и я бы приходил туда помянуть малютку, отдохнуть от своих научных трудов...

Так я размечтался, несчастный урод, и начал расспрашивать молодую женщину (я упорно называю ее девушкой, ведь она так молода, она ровесница Марку!) о ней, о ее жизни и семье. И почти с первых ее слов...

Она сестра Владимира. Да. Она его родная сестра, дочь Марты и Леонида. Не знаю почему я не умер от инфаркта в тот момент, когда это осознал. Не знаю, откуда у меня взялись силы скрыть от Александры свое состояние. Она не должна ничего знать. Она не должна всю жизнь нести на себе груз чужой вины... У нее и так было много горя. И будет, вероятно, еще. Девочка серьезно больна. Прости меня, Боже, но лучше бы ей умереть. Да, быть может, ей лучше умереть.

Но кто бы мог подумать? Кто бы мог подумать в тот день и час, когда Майя приняла ребенка своей сестры? Он был таким крошечным, и для Марты это была всего лишь забавная

игрушка. И я, осел, смотрел на это снисходительно!

Марта не хотела оставлять у себя мальчика. Она сказала: «Я не сделаю ему такого подарка». Она не могла простить своему мужу своей изломанной, искалеченной жизни, не могла простить тех детей, которые умерли в младенчестве. Марта рыдала и клялась, что убьет новорожденного своими руками, если мы его не возьмем. Потому что он все равно умрет... Умрет, как... И тут она называла какое-то имя. Неизвестное мне имя. И я забыл его. Она уверяла, что ее муж убил того человека, и убивал не раз.

И мы взяли мальчика. Мы взяли его, как взяли старинные часы с фигурой Крона, пожирающего младенца. Сувенир. Игрушку. Это обошлось нам недорого. Майя отдала деревенской акушерке свои серьги и брошку. И какие-то деньги. Та согласилась...

Я дал Александре денег и пообещал найти врача. Хорошего врача, который мог бы проконсультировать девочку. Обещал поддерживать ее... А когда они уходили и вызванная мной машина уже сигналила у ворот, я... В общем, я отдал Александре ожерелье Смирницкого. Я сказал ей: «Это для Киры».

Ожерелье принадлежит ей по праву. Пусть оно принесет ей счастье, здоровье, долголетие. Пусть мой грех не ляжет на нее. А мне остается одно — молиться и ждать смерти, которая избавит меня от этой муки и позволит соединиться с возлюбленной моей Майей.

29 декабря

Домашние разъехались. У всех есть дела перед Новым годом. Купить подарки друг другу, поздравить с наступающим знакомых... У меня тоже есть дело. Я открою тайник и положу туда этот блокнот. Пусть лежит, пока кто-то не найдет его и не поразится готическим страстям, бушевавшим в двадцатом веке...»

На этом записи обрывались. Дальше шли чистые страницы. Но Владимир Дмитриевич зачем-то пролистал дневник до конца и некоторое время полежал, машинально раскачиваясь. Потом пошел в дом, покачиваясь, словно был сильно пьян.

Внутренним взором он видел, как его отец стоит в гостиной, у раздвижной панели. Должно быть, он был в халате. Этот халат до сих пор висит в кабинете, в шкафу. Шелковый, темно-синий, простеганный халат. Можно найти его и прикоснуться к нему. Можно надеть его и спуститься в нем к ужину. Отец был уже очень стар. Белые волосы, сияющим венчиком обрамляющие лысину, слегка вились. Шаркая сухими старыми ногами, он подходит к раздвижной панели, нажимает на потайную закорючку. Потом открывает ларец и кладет свой дневник. Не глядя. Небольшая книжица проскользнет в щель между фолиантами и останется там лежать. Через четыре дня отца не станет. Он умрет ясным морозным утром. Ночью будет идти снег, а утром выглянет солнце. Оконные стекла покроются диковинными узорами — заколдованный лес, волшебные северные джунгли. Отец так и останется сидеть за своим столом — до самого обеда. Только в два часа дня его, уже застывшего, найдет Диана. Ее вопль встревожит весь дом... А книжица будет лежать там, в тайнике.

Чтобы Владимир Дмитриевич Краснов нашел ее. Через много лет.

На пороге дома ему встретилась Зинаида Германовна.

— Ты куда запропал, дружок? Я ищу, ищу! Батюшки мои! — вскрикнула вдруг старуха. — Да ты ж как лунь поседел!

Владимир Дмитриевич бросил взгляд в зеркало. Даже в темном старом стекле он смог

рассмотреть — его темные волосы, в которых только кое-где пробивалась седина, за несколько часов стали почти сплошь белыми...

Из глубины прошлого. Крон и Рея

Ленька Морозов был деревенским сиротой. Колченогий, конопатый мальчишка, злой, как волчонок, был никому не нужен и не мил. После смерти отца-бобыля мотался он по деревне без призора, промышлял мелким воровством. Прибили бы его добрые односельчане до смерти, но поп вступился. Пригрел сироту. Кто говорил — от доброты душевной, кто — польстился отец Василий на дармового работника. Сам батюшка был худ, мал и слабосилен, имел прискорбную слабость к спиртному и в деревенском хозяйстве смыслил мало. Впрочем, человек был не злой и не жадный. Работал у него Ленька от зари и до зари, но кто в деревне иначе живет? А кормил его отец Василий за своим столом, что семья ела, то и он. Только попадья была вредная, приемыша шпыняла нещадно, куском попрекнуть не стыдилась. Но опять же, брань на ворота не виснет. Поповы дети тоже от мамашкиного нрава немало перенесли.

Но и сам Ленька хорош был — благодарности к благодетелю не чувствовал ни малейшей. От работы не отлынивал, но при малейшей возможности из постылого дома норовил сбежать. С ровесниками не водился — те дразнили его колченогим, поповским нахлебником. Мальчишка один бродил по лесу, собирал грибы, ягоды, орехи — по времени. Разговорчив не был, да и кто бы с ним стал разговоры вести? Так никто и не знал, что он за человек. Только подпасок Шкалик, прозванный так за неумную любовь к проклятой, со смехом рассказывал как-то, что видел пацана на Етишкином холме — тот оттуда смотрел на деревню и грозил ей колючим кулаком.

Пропал он летом. Отец Василий взял воспитанника с собой в город — посторожить лошадь с телегой, пока будет по своим надобностям ходить. Но кауряя кобылка осталась без присмотра. Ленька сбежал, только его и видели. Никому о нем жалеть и в голову не пришло.

Морозов, попав первый раз в жизни в город, сначала словно бы оглох и ослеп. Но быстро пришел в сознание и сообразил по-сиротски хватким умишком — тут прожить можно гораздо слаще, чем у попа в работниках. Прихватил из телеги мешок с поповскими гостинцами и ушел. Ушел, чтобы не знать больше над собой никакого начальства, чтоб никто не смел его попрекать и понукать. «Я вам еще покажу», — бормотал он, мысленно прощаясь с постылой деревней. Путь его лежал ни много ни мало — в Москву. Ленька собирался выйти в люди.

И вышел. И показал.

Он вернулся через десять лет с отрядом красных дьяволят. Отца Василия с малым семейством увезли куда-то, да так он и сгинул. Тот же самый Шкалик, но не подпасок уже, а колхозник из беднейших, клялся и божился, что тело попа осталось на поживу зверям в лесу. Говорил, что поливал Ленька священнослужителя на морозе ледяной водой, приговаривая: «Ты меня, батюшка, в купели крестил, а теперь моя очередь настала!» Но Шкалик соврет — недорого возьмет, а свидетелей такому душегубству не нашлось.

Потом Морозов снова пропал на несколько лет. Видно, зря времени не терял, потому что вернулся с чекистскими лычками, при сапогах и шинели. Приехал на зловонно фырчащем автомобиле и тут же погнал односельчан обустроивать старую барскую усадьбу, что уже полвека ветшала на холме. Поползли слухи о том, что в усадьбе обоснуется колония для малолетних преступников. Селяне горевали — все шпана разорит, растащит, дня покойного не будет! Но Ленька Морозов порядок держал крепко. Сто пятьдесят пацанов,

собранных и присланных коллектором, не остались без дела, не выпало им свободной минуты для набега на крестьянские наделы, и без того скудные. Старинный барский дом окружили хозяйственные постройки, в числе которых была даже и небольшая деревообделочная фабрика. Жизнь в коммуне подчинялась строжайшей дисциплине. В десять вечера — отбой. В спальнях гасится свет, в коридоре появляются дневальные — крепкие ребята из числа особо правильных колонистов. Да не с голыми руками дежурят — вооружены винтовками, чтоб какому-нибудь полуночнику не пришло в голову в неурочный час покинуть колонию. Впрочем, со временем такие бродяги перевелись — тяжелый труд не оставлял сил. Подъем трубили в шесть, и начинался трудовой день колониста. Уборка, завтрак и в половине восьмого — сигнал к работе. В небольших мастерских делались сотни столов, стульев, табуретов и прочих нужных молодой стране вещей. Было выделено время и для уроков, но Морозов высказывался по этому поводу так: «Мы тут воспитываем — кого? Молодого коммуниста мы тут воспитываем. Лишняя грамотность коммунисту не нужна, а только стремление быть полезным обществу и дисциплина. А то пойдут тут, понимаешь, мечтания какие-нибудь, задумчивость...»

Мечтаний начкол не любил, задумчивых презирал. Отлынивающие от работы — под каким бы то ни было предлогом — сажались под арест. Тюремной камерой в колонии служил погреб, выкопанный силами колонистов. Земляная яма в небольшом сарайчике. Правда, с начала основания колонии туда попадали человек пять-шесть, не больше. И не дольше чем на сутки. Вниз заключенному подавался котелок воды и коврига хлеба, дневального не ставили, просто поднимали лестницу. Подобная дисциплинарная мера действовала безотказно. Мечтатели, бездельники, дармоеды в колонии перевелись. В наробразе и помдете Леонидом Андреевичем были довольны. Колония исправно поставляла на городские фабрики молодые обученные кадры, тринадцать мальчишек уже успешно обучались на рабфаке, на заседаниях Морозов старательно зачитывал сочиненный секретарем доклад:

— Локализованная система медико-педагогического воздействия на личность ребенка, поскольку она дифференцируется в аспекте социалистического воспитания, превалирует настолько, насколько она согласуется с естественными потребностями ребенка и насколько она выявляет перспективы дальнейшего развития коммунистической личности. Исходя из этого, могу заявить...

Продираясь сквозь частокол непонятных слов, Морозов едва не зевал. Слова были не только непонятны, они были не нужны. Ясно ведь: есть работа — надо ее выполнять. Остальное — ерунда.

Когда началась война, Леонид Андреевич Морозов уехал в город — проситься добровольцем. Но на фронт его не взяли. То ли колченовость помешала — с возрастом он стал хромать еще сильнее, то ли на своем месте он казался властям нужнее... Да и то сказать — работы в колонии прибавилось. Война стала фабрикой сирот.

12 сентября 1945 года Морозов ждал новую партию воспитанников. Шестерых ему привезут из города, и всех прими, накорми, вылечи, приодень... Леонид Андреевич сплюнул на дорогу, растер ногой и задумался, пристально глядя в пыль, а очнулся только от звука подъезжающего автомобиля.

На этот раз в колонию привезли шестерых пацанов. Нищета и горе обезличивают людей. Словно шесть близнецов стояли перед Морозовым — с серо-голубой кожей, ввалившимися голодными глазами, обросшие и обтрепанные.

— В баню! — коротко скомандовал он и сам захромал впереди небольшой колонны.

В предбаннике уже лежали на лавках шесть комплектов старенького, но чистого белья, колониетская форма. Ботинок не полагалось — до первых заморозков питомцы бегали босиком. Баня натоплена была жарко, у каменки толочся в одном фартуке дежурный колонист.

— Готово, Леонид Андреевич, — доложил он, вытянувшись.

— Хорошо. Раздевайтесь, — кивнул он новеньким.

Дежурный ушел. Мальчишки по очереди раздевались, ныряли в жаркую пасть бани. Только один тихонько сидел на скамейке, отвернувшись в сторону.

— Ну? — коротко обратился к нему Морозов.

Мальчишка обернулся. Он был невероятно худ, огромные глаза смотрели с ужасом.

— Больной, что ли? Ну? Отвечай! — предложил Морозов. — Да не трясись, не съем я тебя!

Пацан совсем вжался в стену. Морозов решил обойтись лаской. Видно, совсем затурканный попался. Или немой, что ли?

— Ну, не дрожи, не бойся, — сказал спокойнее. — Как тебя зовут-то? Фамилию свою знаешь, имя?

— Марта Челобанова, — ответил пацан.

Марта все же вымылась в бане, дождавшись, когда распаренные и вовсе непохожие друг на друга колонисты уйдут в дом. Растерявшийся Морозов привел ее к себе во флигель, напоил спитым чаем с кусочком сахара. Смотрел задумчиво, скреб пятерней затылок.

— Что ж мне с тобой делать? — бормотал озадаченно.

Воспитанниц в колонии не водилось. Как ввести барышню в мальчишеский коллектив, Морозов не представлял. К тому же, по немногословным ответам Марты, выяснилось, что ей зимой исполнится семнадцать, то есть в колониетки она уже и по возрасту не годится. Морозов морщил лоб, размышляя, пока не увидел, что девчонка клюет носом.

— Иди ложись. — Он подтолкнул Марту к высокой никелированной кровати. Девочка влезла на нее и сразу же заснула. Морозов долго сидел у стола, рассматривая спящую пигалицу — на вид ей было лет тринадцать, потом ушел ночевать на сеновал.

Марта Челобанова оказалась потеряшкой. Но ее словам, мать и младшую сестру эвакуировали из Ленинграда, а Марта отстала от них, потерялась в толпе. Двумя месяцами раньше пришло известие о гибели отца. Марта вернулась в квартиру, где жила с семьей, но квартира оказалась закрыта. Дальнейшее память девчонки не сохранила. Где она шаталась эти страшные месяцы, какие добрые люди помогали ей, чем она была сыта — неизвестно. Куда уехали мать и сестра — Марта не знала. По всему было видно, девчонка из интеллигентской семьи.

Три дня Морозов соображал, куда ему девать девчонку. Надо бы взять ее и поехать в Ленинград, авось нашла бы там знакомых или родных... Но ничего такого он не сделал. Девочка осталась жить в колонии — на правах то ли приживалки, то ли экономки. Постепенно втянулась в хозяйство, стала заправлять на кухне, в кладовых. Не могла видеть только, как забивают домашнюю всякую живность. Съезживалась и убегала куда подальше, за луг, к лесу. Однажды, когда резали любимую ее корову, резали только от нужды, от нехватки кормов, Марта убежала так далеко, что ее искали всей колонией и еле отыскивали. Впрочем, несмотря на мелкие неурядицы, она чувствовала себя неплохо. За зиму девочка отъелась, повеселела, на впалых щеках появился румянец, в глазах — веселый блеск. На ней ловко

сидели простая синяя юбка и белоснежная кофточка, сшитая из куска парашютного шелка. Это стало еще заметней, когда пришла весна и скинула девчонка тяжелую мужскую телогрейку, неловкие валенки сменились на брезентовые легкие тапочки. Она ухитрялась не запачкаться на самых грязных работах, и темно-русые волосы всегда были гладко зачесаны на прямой пробор. Одно только беспокоило Леонида Андреевича — на Марту стали заглядываться колонисты. Поначалу, пока девчонка выглядела полуголодной, запуганной пигалицей, к ней относились покровительственно, с некоторым оттенком презрения, так, как, по мнению Морозова, и следовало обращаться с женским полом. Но едва только на щеках Марты зацвели робкие розы, а парашютный шелк кофточки натянула острая юная грудь, колонисты переменили свое отношение. Грубоватое их внимание смущало Марту и несказанно раздражало Морозова. Впрочем, пацаны держали себя в рамках благопристойности и их внимание еще можно было назвать товарищеским. Но один... Невесть откуда взявшийся пащенок — тощий, со впалой грудью, слабосильный, к физическому труду почти и непригодный, Юрка Рябушинский, — принялся ухаживать за Мартой всерьез. Цветочки собирал и дарил ей, надо же! А в школьной тетрадке, грубо сшитой из дурно разглаженных листов старых газет, нашлись и стишки. Кто-то любезно подложил тетрадку на стол Морозову, тот читал и хмыкал:

*Я неожиданно твои глаза увидел.
И вот теперь, поверженный, стою.
Я раньше просто жил и ненавидел.
А вот теперь, наверное, люблю.*

*В твоем веселом имени весеннем
Я вместе с жаворонком каждый звук пою.
Не плачь над тающим снежком последним.
Я не исчезну. Я тебя люблю.*

*Мы звали нашу яблоньку «невеста»,
Она росла оврага на краю.
В груди для сердца слишком мало места.
Слов мало. Слово лишь одно: люблю.*

— Стишками балуется, жаворонок! — удивлялся он и, отбросив тетрадку, принялся ходить по кабинету взад-вперед. Была еще надежда, что все как-то уляжется, успокоится... Но дальше было еще хуже.

Решили починить фундамент дома. Юрке, как слабосильному, поручили собирать на самодельные носилки старый хлам, куски битых кирпичей, строительный мусор. И надо же было такому случиться, что именно он отыскал в грудях всякого шурум-бурума барскую штучку с прошлых времен — каминные часы, украшенные непонятной бронзовой фигурой. Когда Рябушинский вытащил часы на свет божий и стал обтирать с них грязь и глину, они благодарно, тоненько зазвенели.

— Ну, Ряба, отличился! — высказались колонисты.

Но Ряба отличился еще больше, чем можно предположить. Найденные часы — не

только старинные и красивые, но еще и вполне рабочие (ключик торчал у них сзади, фигурный ключик) — не начколу отдал, не в спальне поставил, а подарил Марте! Так прямо, при всех, не стесняясь и подарил. А та, дуреха, и рада — аж запыльхала вся.

В тот же вечер в колонии показывали трофейный фильм про любовь. На вольном воздухе, между двух черемух натянули экран, поставили скамейки для зрителей. Сначала на экране возникла надпись «Фильм взят в качестве трофея», потом замелькали надписи и началась иная жизнь — цветная, иностранная. Странно выглядело это пестрое мелькание в сумеречно-благоухающем, захлебывающемся соловьями саду, и полуоборванные колонисты, погоготовав, скоро притихли. Не то притомились за день, не то увлеклись малопонятным, но занимательным зрелищем. Леонид Андреевич, тоже отложивший свои дела и явившийся «последить за порядком», как он сам перед собой оправдывался, тоже был увлечен. Ему приглянулась главная героиня.

Морозов мало знал женщин. Высокий и статный, но рябоватый, некрасивый и к тому же колченогий, он в молодости изведаль только продажную или равнодушную любовь в самом грубом ее смысле. Потом было «не до баловства», как он сам себе объяснял. Пока шла война, к нему похаживали деревенские бабенки, стосковавшиеся но мужской ласке и мужскому теплу в охолодевшем доме. Ко многим из них вернулись потом с фронта мужья, и они предпочли забыть свои шашни с начколом. К другим мужья не вернулись, и были среди них те, кто не задумался бы прибрать к рукам холостого мужика. В послевоенные годы и не такие, как Морозов, сходили за завидных женихов, тем более в деревнях. Но тот начал сторониться невест. Деревенские бабенки и девки казались ему слишком уж бойкими, их назойливое внимание не льстило, а досаждало ему. К тому же ходили они неряхами — не перед кем было причепуриваться, да и не в обычае это было, да и не было к тому возможностей. От тяжелой работы в деревне женщины раньше времени прокисали, как перебродившее тесто. Спины прогибались, как у старых кляч, выпячивались животы, тяжелые, натруженные руки висели плетью вдоль тела, и их ласки были пресными и скучными.

Женщина из трофейного кино понравилась Морозову больше. Такую к работе не приспособишь, да и не для того она вылеплена. Кожа у нее не задубевшая от солнца и ветра, а тоненькая, беленькая, так и видно, как под ней кровушка переливается. Волосы пышной волной лежат над узким лобиком, губы сложены сердечком, глаза огромные, ласковые. Только и дел у нее по хозяйству что разливать чай или, скажем, кофе по тонким расписным чашкам и рукоделие какое-то вышивать. Да и то не вспотела она над этим шитьем. Одни шашни на уме, оно и видно! Только и знает, что обнимается с этим чернявым.

Припомнив шашни, Морозов нахмурился и задумался. Фильма он больше не видел, только воспринимал далеким уголком сознания, и, когда сеанс окончился за полночь, в этом уголке осталось невнятное томление, легкое, но волнующее.

«Теперь не заснуть», — сообразил Леонид Андреевич и решил пройтись по саду, выкурить папиросу и развеять хозяйственными раздумьями эту дурацкую хмарь, что села на душу.

Но уж видно, так день задался — все кувырком. Не вышло у Морозова успокоительно-раздумчивой прогулки по темному саду, не выкурил он папиросы у крылечка. Только вот истома не то что развеялась — в клочья разлетелась. Потому что под калиновым кустом заметил двоих. Сначала решил, что один из преждевременно созревших воспитанников обжимает какую-нибудь деревенскую Маруську, припозднившуюся после кино, хотел

спугнуть молодежь, гаркнув что-нибудь веселое. К подобного рода происшествиям Морозов относился вполне благосклонно, как ни странно. Несколько браков между выросшими колонистами и сельскими девушками уже были заключены. Но тут явно был другой случай. Не слышалось что-то визгливого смеха, каким обычно отличались деревенские красотки, укоряющих возгласов и возни, необходимых для кокетства в те моменты ухаживания, когда руки парня выкинут слишком уж нескромный фортель, тоже не слышалось. Напротив, парочка сидела почти неподвижно и только девушка словно что-то напевала. Он понял, что это мелодия без слов — из давешнего фильма, понял и то, что помурлыкивает ее Марта. А рядом сидит, конечно, Рябушинский, гаденыш заморенный!

Леонид Андреевич скомкал в кулаке так и не закуренную папиросу, повернулся, ушел в дом. Молодая трава заглушала его шаги. Было тихо, очень тихо — только разливались соловьи да брехала внизу, в деревне, чья-то дурная шавка. Морозов до зари сидел в кабинете. Он слышал, как через полчаса после его возвращения пришла Марта — тихонько скрипнула дверь ее комнатки. Юрка, видно, так и остался в саду ночевать — в спальне бы дневальный не пустил без шума. Но начкол не озаботился местом ночлега непутевого воспитанника — он обдумывал свой собственный хитроумный план, результатом которого должно было стать водворение порядка в колонии, да и в жизни самого начальника.

Утром он приказал завхозу, чудаковатому старику Фомичу, запрячь в возок вороную кобылку Муху. Марта поднялась рано, хлопотала на кухне, помогала поварихе управиться со щами. По весеннему времени щи варили из крапивы, острый и свежий ее запах стоял в кухне, и от этого запаха у Морозова на душе стало полегче. Марта была всегдашняя — свежая, деловитая, спокойно-веселая. «Словно и не валялась под кустом ночью», — подумал начкол, но тут же одернул себя за такие мысли. Не годится так про девку думать. Оно что ж, дело понятное — время ее пришло. Тут важно на верный путь направить, чтоб не наделала она глупостей, за которые потом каяться придется. Разве не в этом его, Морозова, долг, разве не в ответственности он за судьбу этой дурехи, которую он, можно сказать, на груди пригрел?

От таких правильных размышлений Морозов совсем повеселел и обратился к Марте небывало приветливо:

— Хотел тебя попросить в город съездить. С Фомичом поедете, закупить кое-что надо. Он старик, всего не сообразит. Мне же некогда, да и женский взгляд тут нужен будет...

— Есть съездить в город! — по-колонистски четко ответила Марта. Прямые пряди темно-русых волос выбились из-под старенького платочка, повисли вдоль румяных щек. Она улыбалась, и эта улыбка одними краешками губ, и эти ямочки на щеках вдруг так живо напомнили Леониду Андреевичу давешнюю киношную красотку, что тот даже смутился слегка, чего с ним давненько не бывало.

— Зайди ко мне, как соберешься, — попросил напоследок и ушел, стараясь не прихрамывать.

Она прибежала к нему через пятнадцать минут, уже одетая, гладко причесанная. Морозов стоял на пороге, покуривал. Когда Марта поравнялась с ним, он сквозь запах дрянного табака почувствовал молочную свежесть ее дыхания, нежный запах ее волос.

— Ты вот чего, — пробормотал он, пытаясь скрыть смятение, но быстро овладел собой и скучным голосом принялся давать Марте обыденные поручения. Ей было не внове, последние пару месяцев она часто ездила с Фомичом, а то и с самим начколом в город, делала сама покупки. Но теперь она радовалась тому, что в дороге придется не зябнуть, а дышать теплым весенним воздухом, не скучать, а думать о себе... О том новом, что

случилось с ней, и предчувствовать впереди какое-то огромное, неведомое счастье. О таком счастье ей раньше только в книгах читать приходилось, но у нее это будет гораздо, гораздо лучше — потому что у нее!

Морозов выдал Марте тугой рулончик — деньги. Он, правду сказать, опасался отдавать девчонке такую солидную сумму — мало ли что случится по дороге, в повозке старик и девка, а по дорогам сейчас всякие люди ходят! Но успокоил себя тем, что у Фомича будет наган для обороны, а через пару дней и он, Морозов, подъедет в город и обратно уж сопроводит покупки.

Марта уже обернулась — бежать, по Леонид Андреевич остановил ее.

— Погоди, торопыга, — произнес добродушно-насмешливо. — Что ж не попрощаешься?

— Ненадолго расстаемся, — рассмеялась Марта. — До свидания, Леонид Андреевич.

— До свидания, Марта, — негромко сказал Морозов и придвинулся поближе к девушке — так, словно вообразил себя тем лощеным чернявым красавцем, который в кинофильме увивался вокруг деликатного сложения дамочки, а потом так целовал ее на диванах, что колонисты свистели, срамя соловьев.

И Марта, видимо, что-то почувствовала — притихла, глядя на начкола широко открытыми серыми глазами, по лицу словно рябь прошла — волнение? отвращение? страх? — не угадать, не удержать. Упорхнула.

Ей предстояло провести в городе два дня и две ночи. Традиционно наезжающий в город начкол останавливался у своего бывшего воспитанника, Тимофея Крошкина, который с тех пор, как выпустился из колонии, успел поработать на заводе токарем, жениться, повоевать и вернуться домой без правой ноги. Жил Тимофей с женой на окраине города, в крошечной хибарке. Промышлял он тем, что паял и чинил кастрюли да тазы — всей улице, да и ближним улицам тоже. Потому закуток, отведенный Марте под постой, завален был чуть не до потолка грохочущим хламом — оставалось место только для крохотного топчанчика. Фомич ночевал прямо на улице, в возке, и Марта, оставшись одна в темноте, долго ворочалась на узком и жестком ложе, опасаясь повалить кучу жестяного хлама. Под полом шуршали мыши, за стеной громко храпел хозяин.

Утром ездили по делам, передавали в наробраз какие-то бумаги, получали на карточки ситец и необычную ткань «чертову кожу», из которой шили колонистам неснашиваемые штаны. Проезжали мимо толкучки, и это было очень интересно. Марта мечтала пойти в кино, но Фомич отказался наотрез, а одна она пойти побоялась. Только взглядывалась в афиши — не идет ли та картина, что привозили в колонию, та, от которой так сладко млело сердце?

Вечером следующего дня приехал начкол — очень веселый, пахнувший дальними лугами и дорожной пылью. Приехал верхом, на лихом жеребчике но кличке Офицер. Мимоходом поздоровался с Мартой, сел ужинать с хозяевами. После ужина они с Тимофеем долго пили сахарный самогон, причем Морозов не пьянел, а только бледнел, так что видней становились рябинки на лице. Марте тоже налили полстаканчика, поднесли и Тамаре, жене Тимофея. Толстая и веселая Тамара выпила с удовольствием, резко выдохнула и закусила мягко-кислым соленым огурцом. Марта от самогонки закашлялась, замахала руками и кашляла, пока Морозов не ткнул ей прямо в губы круто посоленный кусок черного мякиша. Но телу разлилось горячее тепло, глаза почти сразу стали слипаться.

— Девчушка-то спит совсем, — сдобным голосом пропела Тамара. — Иди, иди, у тебя там постелено. Ишь умучалась как! Иди, голуба.

Марта ушла в чуланчик спать. Под мерный гул голосов за стеной она задремала, а проснулась оттого, что дверь в чуланчик распахнулась. На пороге, освещенный ярким лунным светом из оконца, стоял Леонид Андреевич и пристально смотрел на Марту.

— Что? — вскинулась она. Ей стало жутковато, но интересно, словно все это — и мерное треньканье сверчка, и лунный луч из оконца, и даже куча кастрюль и тазов — вдруг стало принадлежать какому-то незнакомому, чужому миру, где все интересно, и страшно, и можно, и все равно.

— Ничего. Спи, — ответил Леонид Андреевич. — Завтра на базар с утра поедем. Платье тебе куплю. Хочешь?

— Хочу, — ответила Марта, ужаснувшись своим ощущениям и своему ответу. Темным инстинктом, поднявшимся со дна души, она поняла, что этот вопрос означает что-то большее, чем просто покупка платья, касается чего-то более важного. Но о чем идет речь — она понять не могла, тяжелая дрема наваливалась на грудь, жарко дышала в лицо и пахла дальними лугами, дорожной пылью, сахарным самогоном...

Утром поехали на барахолку. У Марты чуть кружилась голова, сладко томилось тело и в ногах было тягучее, тянущее ощущение. Разноцветная карусель базара потрясла ее. Продавалась разная еда, о существовании которой можно было уже и забыть за годы войны. Толстые плитки шоколада, коричневые жженосахарные петушки на занозистых деревянных палочках, жаренные в масле пирожки, похожие на стоптанные ботинки, булочки со сладкой посыпкой и изюм с курагой. Продавались вещи — обычные, привычные за последние годы: и куски парашютного шелка, и галоши, и брезентовые чоботы. Продавались вещи невиданные давным-давно — кружевные комбинации и панталоны, черно-бурая лисья горжетка с неприятно-блестящими стеклянными глазами и молевыми проплешинами, книги с ятями, но без обложек... Продавалось совсем невиданное, трофейное — и платья, и швейцарские золотые часики, какие-то альбомы с видовыми открытками, туфли, как из рыбьей чешуи, нестерпимо сверкающие на утреннем солнце. Продавались вещицы самодельные — зажигалки, сделанные из гильз, портсигары, прозрачные, как лед на пруду, какие-то необычные ручки и вставочки...

Из этого верчения ее, словно котенка за шкуру, вытянул Морозов. Ей понадобилась пара минут, чтобы понять, о чем он ей толкует.

Платье продавала нездорово полная старуха с усиками над верхней губой. Руки у нее сильно тряслись, и платье, которое она держала, тоже трепыхалось, играло на легком ветерке, и Марта не могла рассмотреть, что на нем за узор, но потом рассмотрела. Красные маки на снежно-белом фоне.

— По размеру тебе, что ли? — допытывался Морозов, улыбаясь. — Да говори — или очумела совсем?

Старуха приложила платье к плечам Марты.

— В пору, — констатировала она неожиданно певучим для такого большого и грубого тела, журчащим голосом. — Берите. Я отдаю недорого. Это моей дочери, ее больше нет. Берите. У меня еще туфли, думаю, они тоже подойдут.

Туфли — белые, на маленьком каблучке, с пуговкой на носике — тоже подошли. Марта плохо помнила, как Морозов совершал покупку, сколько он дал за платье и туфли, так что тот факт, что Леонид Андреевич самоотверженно решил не торговаться, прошел мимо ее потрясенного сознания. Она помнила только, как старуха сказала Морозову:

— Ваша дочь будет очаровательна в этом наряде!

И еще она помнила, как помрачнело лицо Морозова, словно черная туча на него накатила. Но через пять минут он уже снова посмеивался и кормил ее житными пряниками с сильным привкусом солода.

Вернувшись в колонию, Марта узнала, что Юрка Рябушинский пропал неведь куда.

— На один день вас нельзя оставить! — бушевал у себя в кабинете Леонид Андреевич.

Марта, испуганная и обессиленная, сидела в своей комнате на кровати, застеленной голубым покрывалом. На грубо сработанном комодике тикали часы, остатки роскоши прежних хозяев дома. Страшный старик пожирал младенца. На свете есть тысячи дорог, и только одна из них ведет в сырой овраг за рощей, а остальные — в тысячи стран.

А Шкалик помер еще до войны.

Крон и Рея (продолжение)

Первая дочь, Галина, далась молодой матери тяжело. Марта рожала трое суток и родила ребенка «с варежку», как высказалась молодая, но знающая акушерка. Акушерка была Марте задушевной подругой, и, если бы не ее забота и находчивость, не вырвались бы мать с младенцем из прохладных, нежных объятий безвременной смерти. Впрочем, роженица не высказала особой радости, когда ее оповестили, что жизнь дочери вне опасности. Казалось, она вполне равнодушна к ребенку и заботится о нем только по обязанности.

«У молодых-то оно всегда так, потом пообвыкнется, привяжется к малютке», — успокаивал себя Леонид Андреевич, словно много мог знать о психологии молодых мамаш. Он был вполне счастлив и доволен, почувствовав себя отцом. Правда, ему бы хотелось мальчика... Ну ничего, Марта совсем молодая, он тоже еще долго будет в силах... Обзаведутся и пацаном. Девчонка тоже хорошо, будет помощница матери.

А Марта в помощницах нуждалась. Через год после их свадьбы колонию расформировали, но Морозова власти не обидели. Памятуя его заслуги, его хозяйственную сноровку, назначили председателем колхоза. Пост не маленький, что и говорить, и ответственность велика. Но Леонид Андреевич не испугался, повел себя как и присталс партийцу. Принял хозяйство в свои руки, и Марта стала председателевой женой. А это — всем пример и мужу помощница, а как быть, если к тому же еще и свой дом вести надо, и младенец присмотра требует? Кое-как, однако, перебились. Соседки помогали молодой председательше, но все равно сюсюкаться с дочуркой ей было некогда. Так и выросла Галина неприласканной. Да так, может, и лучше было — для жизни. С ранних лет стала помогать Марте по хозяйству. Никакого дива тут, конечно, нет — так все сельские дети и делают. Но Галина, считай, весь дом на себе тянула и умела еще какой-то особенный уют в нем наладить.

После Галины родилось еще две дочери, но они появились на белый свет недоношенными и умерли обе от пупочного сепсиса, не прожив и месяца.

В деревне сочувствовали молодой матери, но та по младенцам особенно не убивалась. Вообще же она была не то чтобы тихая или забитая — Морозов бывал крут в гневе, по жену любил и напрасно не обижал, — но какая-то равнодушная. Со спокойными серыми глазами, неопределенной кроткой улыбкой, мягкими волосами и мягкими движениями, она выглядела образцовой женой, матерью и хозяйкой.

В 1955 году Марта снова забеременела. Леонид Андреевич весь этот год находился в делах и разъездах. Времена после смерти лучшего друга всех колхозников поменялись круто, но Морозову линия, взятая партией, нравилась. На новом пленуме ЦК в 1953 году приняли новую программу, по которой списали все недоимки по сельхозналогу с колхозов и совхозов, сам налог снизили в два с половиной раза, стали больше поставлять в село техники и дали наконец селу долгожданной самостоятельности. По крайней мере, сроки уборки и посевов, да и что сажать позволили определять в районе. Свободы стало больше, но и ответственности прибавилось. Нужно было учиться работать по-новому. Леонид Андреевич побывал даже в Болгарии, для обмена опытом. Всякий раз, уезжая, наказывал Марте беречься и втайне лелеял мысль о сыне, прикидывал, какой дорогой подарок сделать жене, если на свет появится долгожданный наследник. Но сделал такой подарок, о котором никто и помыслить не мог.

Ехал из Москвы и купил на вокзале газету — до поезда оставалось два часа, нужно было занять время. Много тогда публиковалось объявлений о поиске пропавших в войну людей. Дети искали родителей, братья сестер. Пробегая глазами колонки, Леонид Андреевич споткнулся о знакомую фамилию: Челобановы. «Майя Челобанова ищет свою сестру Марту Челобанову, пропавшую в 1942 году...» У Морозова закружилась голова, впервые в жизни. К чести его надо заметить — он ни на секунду не задумался о том, стоит ли рассказывать жене о ищущих ее родственниках. Позвонил с телефона-автомата, обстоятельно объяснил, в чем дело, рассказал, где Марта живет. Долго потом улыбался, вспоминая захлебнувшийся счастьем женский голос в трубке, — был он похож на голос Марты, только моложе и звонче...

Впервые за много лет Марта засмеялась и заплакала — одновременно.

Младшая сестричка Майя, которую Марта помнила несносной, веснушчатой егозой с торчащими тощими косичками и вздорным характером, за эти годы успела выйти замуж за профессора и вернуться в Ленинград, но зазнаваться не стала — приехала навестить сестру. У председателя дома остановилась невиданная машина — черпая и блестящая, как галоша. Из нее выпорхнула городская штучка, по моде одетая, в пышном платье, в перчатках, при лаковой сумочке и в лаковых же туфельках. Завитая, надушенная чудесными какими-то духами... Муж-профессор солидно шел следом. Сестры обнялись. Леонид Андреевич смотрел на Марту — и не узнавал ее. Вот она какой могла бы стать, если бы не деревенская житуха, если бы не постоянные беременности и роды, если бы не это вечное равнодушие в серых усталых глазах! Сестра навезла Марте подарков, и она теперь с радостью перебирала их. Ткань на платье, пестрый креп-жоржет. Куда она, дуреха, пойдет в таком платье? Коров доить? С золотой бисерной сумкой только в театр ходить, а какие в деревне театры? Додумалась сестрица!

В желтой коробочке, высланной шелком, лежали флакон духов, коробочка пудры, футлярчик губной помады. Марта понюхала духи, поднесла к лицу пуховку и, взглянув в зеркало, снова затряслась в рыданиях.

Однако и у Морозовых нашлось чем похвастаться. Помимо богатого деревенского угощения, конечно. Профессор во весь голос восторгался и свежим воздухом, и близостью реки, и ароматами деревенского вечера, но прямо-таки застыл в изумлении, увидев в светлой горнице на комодe часы. Те часы, что откопал когда-то в подвале несчастный Юрка Рябушинский и сдуру презентовал понравившейся девчонке. Так они и стояли с тех пор, никому глаз не мозолили, потому что Леонид Андреевич стал уж и забывать историю их появления, а Марта, может, и помнила, да никому не говорила.

— Позвольте, но... Это же потрясающе! Майечка, посмотри, какая прелесть!

Часы были сняты с комода и подвергнуты тщательному изучению, причем профессор не прекращал присвистывать и охать.

— Да ты скажи, свояк, золотые они, что ли? — решил поддержать беседу Леонид Андреевич.

— Золотые? Нет. Фигура бронзовая, изображает Крона, пожирающего младенца.

— Чего это он его пожирает? Людоед?

— Один из греческих богов, — ответила за профессора Марта. — Его мать предсказала ему, что он будет низвергнут одним из своих детей, и Крон всех их проглатывал при рождении.

— Так всех и сожрал? — полунасмешливо-полузаинтересованно осведомился Леонид

Андреевич. Он был задет. Сколько лет стояли эти часы на комод, шли исправно, время отбивали звонко. Сколько раз он, остановившись перед ними, развивал свои предположения о том, кто этот бронзовый старик, чем он таким непотребным занят и для какой надобности буржуи его к часам присобачили. Причем и вслух неоднократно высказывался — Марта своих познаний никак не проявляла. А при профессоре да при расфуфыренной профессорской жене — своей сестрице — разошлась!

— Один остался, — не спеша пояснила Марта. — Зевс был спасен и сам стал царем и отцом богов и людей.

— Значит, правильно Крону нагадали, — удовлетворенно заметил Леонид Андреевич. — Хотя как сказать... Кабы он поумнее был — не стал бы детей жрать, вот у сынка на него обиды бы и не было. Глядишь, при царстве бы остался... Правильно я говорю? Ну а для какой такой надобности его на часы поставили, ответь ты мне?

— Впоследствии в народе его стали рассматривать как бога времени, — пояснил теперь уже профессор — Марта то ли не знала ответа на этот вопрос, то ли просто погасла уже, задумавшись о чем-то своем.

— Вот оно что... Назначили, стало быть, — покачал головой Морозов.

Профессор снова стал восторгаться часами:

— Необыкновенно выразительное изображение! Я, конечно, не специалист... Но если механизм без специальной чистки, без реставрации продолжал столько лет функционировать, то...

— Если они вам так нравятся, Дмитрий Иванович, то позвольте их вам подарить, — заявила вдруг Марта.

Морозов усмехнулся:

— И правда, забирайте. У вас коллекция, вы разбираетесь, а у нас они только вот на комод пылятся. Часов у нас полон дом — и будильник, и мои командирские. А нам пришлете из Ленинграда часы с кукушкой — гораздо веселее будет!

После долгих церемонных отнекиваний с одной стороны и простодушных уговоров — с другой заметно ошарашенный профессор часы все же принять согласился. Согласились и погостить в совхозе пару недель — попить молока, погулять на свежем воздухе. К тому же профессор оказался охотник до рыбалки.

— Только я тебе, свояк, компании не составлю. Послезавтра еду как раз на пару недель в столицу — наш Центральный комитет партии вызывает на конференцию. Надеюсь, побудете, пока Марта не опростается... Все и ей полегче будет.

Профессор затаил усмешку — хитер крестьянин по-прежнему, несмотря на все организации и реорганизации. Да и это правильно — гости должны чем-то отплатить хозяевам за гостеприимство. Хотя эти часики стоят даже того, чтобы год за них авгиевы конюшни чистить. Тем более что Майе предложенный Морозовым порядок понравился — она даже всплакнула на радостях. После долгой, в несколько лет — или длиною в жизнь, кто отмерит этот счет? — разлуки она рада была побыть рядом с любимой старшей сестрой, вспомнить детство, погибших родителей, рассказать ей о своей счастливой жизни, послушать ее жалобы.

Майе было чем хвалиться. Она осталась сиротой в эвакуации — через несколько дней после похоронки на старшего капитана Челобанова скоропостижно скончалась мать. По счастью, среди эвакуированных нашлись знакомые. Девчущку пригрели — она имела счастливый, живой нрав, с детства отличалась умением и желанием нравиться и к концу

войны совершенно очаровала профессора Краснова. Краснов на фронт не попал, был эвакуирован в Омск вместе с университетом. Его знания в области археологии были нужны молодой стране даже в тяжелое военное время, его книги были переведены на все языки мира, а находки украшали многие музеи. Мирное светило влюбился в Майю по уши — тем более что, дожив до сорока лет, он как-то не удосужился влюбиться и завести семью. Сначала планировал удочерить шустрюю девчущку, но к концу войны Майе исполнилось уже шестнадцать лет, и жизнь, как часто бывает, расставила все по своим местам.

Майя вернулась в свой родной город уже профессорской женой. Молодой профессорше пришлось к лицу и особнячок на Черной речке, и свое новое положение, и красивые платья, и драгоценности...

«О, как на склоне наших лет нежней мы любим и суеверней...»^[4] — бормотал профессор, наряжая жену, как новогоднюю елку. Ему нравилось считать себя старым, заслуженным и умудренным. Ни капли не умаляя личных заслуг профессора, все же стоит напомнить, что многим, ох как многим Дмитрий Иванович Краснов был обязан своему отцу, который... Но не будем, не будем злословить. Профессор был умен и добр, обожал жену и только несколько печалился из-за отсутствия детей. Впрочем, и это он надеялся со временем поправить — знакомый дипломат недавно привез из одной малоразвитой страны одно могучее средство, которое в ближайшее же время должно было помочь.

Леонид Андреевич уехал совершенно успокоенным. Его сердце не предчувствовало беды, и тем тяжелей оказалось испытанное потрясение, когда при возвращении он узнал — ребенка нет, мальчик родился мертвым. Все вокруг сочувствовали председателю и его жене. Деревня — такое дело, ничего не скроешь, даже если рожала в районном роддоме, а Марта и родила в деревне, но парнишка и недели не прожил. Председательше сочувствовали, ее сестру, городскую фифу, осуждали — даже не побывала с сестрой после похорон младенчика, умотала в тот же день в свой Ленинград, только ее и видели. Кому охота гостить в доме, до краев наполненном скорбью? Все уже, отдохнули, свое получили — отъезжающий профессор бережно держал в руках часы с Кроном, как ребенка.

Жизнь шла по-прежнему. Галина Морозова, старшая и пока единственная дочь Леонида Андреевича, вышла замуж рано, едва успев перешагнуть порог совершеннолетия. Из родной деревни она никуда не подавалась — к учению девушка оказалась неспособной, еле дотянула до восьмого класса, а там пошла на ферму работать. Правда, замуж вышла на редкость удачно. Витька Богушев был завидным женихом — отучился в городе на агронома и вернулся в родной колхоз, теперь он представлял собой сельскую интеллигенцию. Парень был видный, многие на него заглядывались. А Галина и из себя была не красавица, и во лбу не семи пядей. Только работа у нее в руках горела, то, на что другие тратили целый день, она улаживала за полчаса, и все у нее выходило лучше — и пироги пышнее, и сливки гуще, и рукоделия фасонистее. Леонид Андреевич ждал от нее внуков. А тут Марта на старости лет снова забеременела.

— Люди смеяться будут, — равнодушно-ласковым тоном говорила она мужу.

— Ничего... Лишь бы парня родила, лишь бы поскребыш наш жил.

За месяц до срока Марта полезла зачем-то в погреб и оступилась. К вечеру ее опоясала боль. Местная акушерка только покачала головой и велела Леониду Андреевичу везти жену в город, пока не поздно. Побоялась принять на себя ответственность за немолодую роженицу и преждевременного ее ребенка. Совет оказался дурным — в городском роддоме, куда под утро привез стонущую жену Морозов, его строго выбрали и тут же увезли Марту в

операционную.

— Кесарево сечение, — бормотал Морозов, сидя в полутемном коридоре, где остро пахло хлоркой и страхом.

Морозов почувствовал неладное, только когда его пригласили зайти к жене. Раньше никогда не только не звали — не пускали, когда хотел зайти. Лицо жены на зеленой клеенчатой подушке показалось ему незнакомым. И голос был чужим:

— Девочка...

— Вот и хорошо, — пробормотал Леонид Андреевич, стесняясь своего страха и жалости.

— Авророй назовем, — потребовала Марта.

— Как? — удивился Морозов. Но жена не ответила. Она дышала слабо, словно понарошку, лицо было серым, нос заострился. Леонид Андреевич потянулся погладить Марту по слипшимся волосам, но дрогнул и руку отвел, вздрогнув от прокатившего по спине холодка. — Ты выздоравливай, — неловко сказал он.

— Устала я, — прошептала Марта. — А...

Она не договорила, словно и в самом деле сраженная какой-то страшной усталостью.

Леонид Андреевич привез жену домой в тот же день. Через три дня ее похоронили. Малышку из роддома позволили забрать только через месяц. За ней съездила Галина — Леонид Андреевич после похорон занемог.

Морозову было уже шестьдесят. Бодрый и крепкий мужик, властный председатель, в одночасье согнулся и сник. Дом без хозяйки, да еще грудной младенец на руках. Жениться? Да кому он, старый пень, нужен? А если б кто и согласился... Леонид Андреевич представить не мог в своем доме чужую женщину. Четверть века прожил с Мартой, ни разу на другую не посмотрел. Да и не до того было.

Он так привык к Марте, что ему все время казалось, что она где-то рядом. Он даже голос ее слышал — тихий, шелестящий, жалобный какой-то.

— Леонид, обед готов.

— Иду, Марта, — отвечает он спросонок.

Нет никого. Тишина.

Взяла к себе сестра Галина. Старику с ребенком ни за что не управиться. Аврорка оказалась голосистой — горланила трое суток напролет, словно оплакивала мать и свое будущее житье-бытье. Спасибо, соседка посоветовала положить ее в овчину — дедовское средство подействовало. Девочка успокоилась, убаюканная животным теплом пахучего густого меха. К трем месяцам малышка совершенно выправилась, набрала вес на козьем молочке — никто бы и не сказал, что недоношенной родилась.

Галина сестренку не обижала, но и не баловала — сыта девочка, одета, ухоженна, чего еще надо. Аврора росла понятливой, живой и веселой. Рано стала помогать по хозяйству. Делала все на совесть, как большая. Многие бытовые мелочи в доме Галины стали делаться как бы сами — крошек на столе не оставалось, сор с полу выметался сам собой, молоко в кошкином блюде никогда не переводилось. Аврора вечно возилась то с больным теленком, то с хилым цыпленком. Ей было шесть лет, когда она упростила сестру посадить в палисаднике цветы — собирала семена и черенки по всем соседям. Агроном расщедрился для председателевой дочки. Привез из города черенки невиданных каких-то роз.

В деревне цветами никого не удивишь, растут и растут себе в палисаднике. Но на Авроркины цветы водили даже приезжих посмотреть.

В семь лет Аврора, как полагается, пошла в школу. Галина отвела ее за руку в первый класс, а домой девчонка не вернулась. Прямо из школы пошла к отцу и сказала ему:

— Я, папка, у тебя теперь буду жить. Галина говорила: как я стану большая, буду тебе помогать. Вот я выросла, в школу пошла, теперь буду за тобой ходить.

Леонид Андреевич растерялся совершенно. Попытался погладить дочь по голове, но она уже возилась у плиты, гремела кастрюлями.

Так и стали жить, старый да малый. Аврора (которая, как только пошла в школу, велела звать себя Сашей) оказалась хорошей хозяйкой. Управлялась и с уроками, и со стряпней. Леонид Андреевич вышел на пенсию, сам занимался скотиной. Он пришел в себя после смерти жены, в глазах снова появился блеск, походка стала легкой. Он души не чаял в дочери, настоял, чтобы девочка после школы ехала в Ленинград, поступать в институт. Рассчитывал на помощь жениной родни, припоминал вежливого и обходительного профессора... Но бумажка с адресом, которая вроде бы хранилась где-то у жены, потерялась навсегда. А сам он — за возрастом и многими хлопотами — забыл и фамилию сватьев. Делать нечего, пришлось Авроре-Александре поступать в институт без протекции. Леонид Андреевич хвастал соседям, как маленький, кому только не показал дочкино письмо, где подробно описывались удачно выдержанные приемные экзамены. Казалось бы, тем горше должно было быть его разочарование, когда спустя два года Аврора вернулась к родным пенатам. Вернулась с приплодом — еле вылезла из автобуса, толкая впереди себя тяжелое брюшко. Леонид Андреевич, надо сказать, тут был на высоте — принял дочь как ни в чем не бывало и все толковал соседям, как рад дожидаться внуков. Но не дождался — мозговое кровоизлияние сразило его в одночасье.

Ей недолго пришлось дежурить у «Белой лилии». Хорошо, хоть удалось припарковать машину так, чтобы был свободный обзор. Магазин открывался в десять, Александра подъехала в половине десятого, а старая учительница со своим учеником появилась у магазина без пятнадцати одиннадцать. Анна Егоровна была все в том же черном вылинявшем платице с кружевным воротничком. Она с трудом выбралась из автомобиля. С водительского же места вышел, очевидно, Костя Серов. Больше никому.

Александра пригнулась. Чем черт не шутит — вдруг Анна Егоровна разглядит ее за рулем и укажет на нее Косте. «А вот та дама, которая приходила вчера и расспрашивала о том колечке, которое ты, Костенька, попросил меня заложить». Такой поворот не входил в планы Александры. Но она могла бы и не пригибаться. Анна Егоровна даже не посмотрела в ее сторону. Все внимание старушки было направлено на ее спутника. Пожилая учительница опиралась на локоть своего ученика и что-то оживленно ему втолковывала. Про недостойную, неблагодарную дочь Марину рассказывала, не иначе. Про погранные идеалы!

Александра подавила истерический смешок. Не правда ли, странно? Педагог, человек с определенным жизненным опытом и внушительным багажом знаний, отказывается от своей дочери и внучки и от своего зятя, который, вероятно, тоже неплохой человек. Телевизор вот теще подарил. Не говоря уж о кровных родственниках! Марина, видно, душевная баба, искренне привязана к матери. Но мать отказывается от нее из-за каких-то невнятных соображений и отдает предпочтение явному прохвосту!

Да, Костя Серов на бандита не тянул. Тем более на «форменного бандита». Он выглядел именно как скользкий тип. Классический прохвост. Александре хватило всего-навсего полуминуты, что он был в поле ее зрения, для вынесения этого вердикта! Росточком Костя не вышел, телосложение тоже подкачало. Видно, пытался нагнать мышцу, по плечи остались узкими, кадыкастая шея тощей, а бедра — по-бабьи широкими. Недостатки внешности он явно пытался компенсировать общим лоском и продуманностью наряда. Черные джинсы, по виду недешевые. Шелковая желтая рубашка. Кожаный пиджачок. Александра голову бы на отсечение дала, что он, кроме того, маникюрит ногти и носит кольца.

Физиономия у Кости Серова была бы, пожалуй, даже привлекательной, несмотря на широкий нос уточкой. Но он для чего-то гладко зализывал назад тонкие, почти белые волосы и, вероятно, смазывал их гелем или еще какой-нибудь подобной дрянью вроде воска. Белесые пряди непривлекательно склеивались и прилипали к черепу. Впрочем, Александра голову бы дала на отсечение, что сам себе Костя очень нравится. Может быть даже, он косит под героя сериала «Бандитский Петербург». Под того, которого Дмитрий Певцов играл. Как же звали этого героя? Сергей Челищев, да. Антибиотик еще, кажется, говорил ему: «Что ж ты, Сереженька, сучонок ты эдакий! Я тебя на груди пригрел, а ты всю идею обговнял...»

Сучонок в оригинальном исполнении Кости Серова проследовал под ручку с Анной Егоровной к двери «Белой лилии». Не исключено, что это надолго. Там будут оформлять документы. Время пока есть. Можно посидеть и подумать о том о сем. Главное, не надо строить дальнейших планов. Не надо думать, как она дальше будет за Костей следить и что предпримет. «Жизнь — это то, что происходит вокруг нас, пока мы строим планы на будущее». Чьи слова? Не важно. Форс у нее есть. Все равно он сначала отвезет свою старую учительницу домой. Не бросит же у метро? Она вон еле ноги волочит.

Можно думать о том, не выкинула ли Анна Егоровна Панькина на лестницу те сумки, которые принесла ей давеча ее непокорная дочь Марина. А если не выкинула, то разобрала ли она их, как полагается, положила ли курицу в морозилку, а картошку — в ящик для овощей? И что сварила себе на ужин? Может быть, куриный супчик? Неплохо.

Потом Александра начала думать о сестре Галине. Та здорово помогла ей в эти страшные дни. Бодрилась, как могла, и подбадривала младшую сестру. Александра даже предположить не могла, что у Галины такая сила духа, такое самообладание, мужество и выдержка! Легко страдать, лежа на диване, отказываясь от еды и глядя в потолок воспаленными, покрасневшими от слез глазами. Легко проклинать свою несчастную судьбу и заниматься самокопанием! Именно так и поступала она, Александра, в первые дни после исчезновения Киры. А Галина вела свою привычную жизнь, хотя переживала не меньше сестры.

В самом деле, это не она, а Галина была девочке настоящей матерью! Александра занималась своим бизнесом, только об этом и думала. А Галина готовила еду, прибирала квартиру, стирала, готовила с девочкой уроки, причесывала ее и водила по врачам... И после исчезновения Киры она не оставила своего домашнего поста. Александре не приходило раньше в голову задуматься, почему в доме так чисто, кто моет ее обувь и стирает ее белье, кто печет пироги...

Единственное, в чем Галина изменилась, — она стала ходить в церковь. Сестра всегда была истово верующей, она отправлялась в храм, как только выдавалась свободная минутка, бывала на службах по праздникам... Посещение церкви, стояние у обедни было для нее истинным праздником, радостью. Теперь она искала в храме утешения. Только вчера она пришла из Казанского собора, после того как Александра вернулась домой. Непривычно певучим, умиротворенным голосом рассказывала, какая хорошая была служба, как понятно читает проповедь батюшка Серафим, какие правильные и душеполезные советы он ей давал. Галина и подруг себе нашла в церкви — в рассказе упоминалась и хорошая женщина Ксения, которая ходит молиться за своего сына...

На хорошей женщине Ксении мысли пришлось оборвать. А жаль. Хорошие они были, успокоительные, как настой валерианы. Анна Егоровна со своим весьма несимпатичным учеником вышла из магазина. Костя Серов, судя по физиономии, был вне себя от радости. Что, не рассчитывал так быстро получить денежки, сучонок прилизанный?

Машина тронулась, и Александра поспешно завела мотор. Вопреки ее опасениям, автомобильная слежка оказалась задачей выполнимой. Сложной, но выполнимой. Она осторожно двигалась за раздолбанной красной «ауди», не отставая, но и не приближаясь вплотную — все же опасалась, что Анна Егоровна проявит неуместную наблюдательность. Через десять минут «ауди» остановилась у супермаркета. Косте Серову явно не удалось всучить госпоже Панькиной процент со сделки, и он решил, проявив благородство, прикупить для нее какой-нибудь снеди.

Соображения Александры оказались верными. Костя вернулся не скоро и выбрался из супермаркета в обнимку с двумя объемистыми пакетами. Он уложил их на заднее сиденье и уселся в машину. Александра снова тронулась за ним.

Ею внезапно овладела паника. Она вдруг поняла, что не знает, как поступать дальше. Зря она не обратилась к Кленову! Теперь трудно найти доказательства того, что это именно Костя сдал Кирино кольцо в скупку... Хотя у них наверняка сохранились квитанции!

Приступ паники был подавлен. Красная «ауди» увеличила скорость. Костя куда-то

торопился. Он высадил Анну Егоровну у ее дома. Та вышла из машины страшно довольная, держа в обеих руках щедрые супермаркетовские дары. Важной походкой прошествовала мимо заскучавших было старушек на скамейке. Вступит ли она с ними в беседу, Александре осталось неизвестным. Анне Егоровне больше не суждено было встретиться с ней на жизненном пути, и Александра не узнала, простила ли та наконец недостойную леопардовую Марину и оказал ли ей помощь вызванный дочерью психиатр.

Александра снова следовала за красной «ауди». Костя Серов ехал на работу. Полчаса сосредоточенной слезки — и его машина остановилась у офисного здания. Табличка на дверях гласила: «Фармацевтический концерн МАРК». Серов вышел из машины, запер ее пиликнул брелоком и вошел в двери. Александра осталась сидеть в своей машине. И тут зазвонил ее мобильный телефон.

О, великие духи телефона! О, эти современные боги из машины! Кто помнит о вас? Кто знает, что именно вы помогаете Ананке вершить наши судьбы? Право же, о вас стоит вспомнить. Стоит помолиться вам и принести какую-нибудь жертву, чтобы вы освобождали линию, когда мы ждем важного звонка, и сбивали радиоволны, когда должен позвонить человек назойливый и неприятный! Пусть всегда дозваниваются до нас наши любимые, а для врагов всегда будет занято!

Кленов дозванивался в МАРК второй час. Не то чтобы очень безуспешно, но... Ег настигла та беда, которая обошла Александру стороной. Ему отказывали в даче информации. Разумеется, он мог бы потребовать ее. Явился бы лично, предъявил документы и потребовал показаний. Но такой прямолинейный способ он оставил напоследок. Таким образом действий он может спугнуть человека, который что-то знает. Пришлось действовать стороной, исподволь, через виртуальное пространство.

Телефоны кампании МАРК он нашел во всезнающем Интернете. Деятельности кампании была обширна, но Евгения Эдуардовича интересовал один-единственный аспект: изготовление духов на заказ. Он полагал, что дело это, во-первых, недешевое, во-вторых, не очень-то прибыльное. Зачем богатому человеку заказывать духи в российской фармацевтической кампании, если за те же деньги он может приобрести за границей (или здесь же, в России, в хорошем магазине) флакон духов известного парфюмера? Посмотрим правде в глаза: россияне никогда не умели ценить эксклюзив. Им подавай продукцию известной марки, какую угодно чепуху, но чтобы к ней присобачен был узнаваемый фирменный ярлычок...

Однако даже у этой идеи оказались свои поклонники. На сайте в форуме паслось полтора десятка молодых людей обоего пола, которые вяло обсуждали продукцию фирмы. Часто упоминался некто Могилевский, который, судя по различным репликам, и был парфюмерным гением фирмы. Были и восторженные реплики: «Могилевский — гений! Ему бы раскрутиться как следует, и он всех забьет», и критические: «Могилевский — плагиатор», и категоричные: «Могилевский — гомик отстойный». Последняя, справедливости ради надо заметить, парфюмерных талантов Могилевского не затрагивала.

Кленов влез в форум и с ходу заявил, что он тут новичок, но умирает от желания обзавестись своими, индивидуальными духами. Ему моментально надавали кучу советов — аборигены форума явно были рады новому лицу, им порядком надоело вариться и тушиться в собственном соку. Какая-то хамка посоветовала ему не морочить голову приличным людям, пойти и купить себе в подземном переходе одеколон «Олд спайз». Это был наезд, и Кленов его проигнорировал. В целом все рекомендации отличались благожелательностью и сводились к одному: Спайку (таков был пик Евгения Эдуардовича) нужно непременно обратиться к Петечке Могилевскому. Познакомиться с ним... И парфюмерный талант, насмотревшись на клиента, состряпает ему тот единственный аромат, который неминуемо будет привлекать к Кленову женские сердца, как тазик с вареньем привлекает ос!

Через десять минут виртуальной беседы и лазанья по сайту Кленов понял, что имеется в виду. Оказывается, в фирме МАРК в духи добавляли еще и так называемые феромоны. То есть те вещества, которые якобы привлекают противоположный пол. Евгений Эдуардович был совершенно не уверен в научности этой идеи. Чисто по-человечески неприятно было

признать, что внимание противоположного пола можно заслужить с помощью каких-то пахучих веществ. Мы же не кролики, на самом деле, не сунсы какие?

Но для плезиру новым виртуальным знакомым Кленов выразил восторг по поводу всемогущих феромонов. В самом деле, он был бы не прочь привлекать сердца... Сердце одной женщины. Это ведь немного? Это была женщина с длинными ногами и лебединой шеей, глаза у нее глядели тревожно, а губы пахли морошкой. У нее пропала дочь, и Кленов вот сейчас общается с этими идиотами именно для того, чтобы как-то выйти на след беглянки! Хотя беглянка, судя по всему, была непростой девочкой. Сколько успела наколобродить, надо же!

Наконец, в конце рабочего дня, на форуме появился и сам парфюмерный гений Петечка Могилевский под многозначительным ником Голубой Ангел. Кленов был ему представлен, и Голубой Ангел благосклонно с новичком пообщался. Он был снисходителен, блистателен и мудр. За время, проведенное на форуме, Кленов успел многое понять о Петечкиной натуре, и теперь ему удалось попасть в тон. Не зная, как это предложение будет воспринято, и смертельно опасаясь ляпнуть что-нибудь не то, он предложил Могилевскому «встретиться, пообщаться». Голубой Ангел пококетничал минуты три и согласился. То ли сильна в нем была тяга к презренному металлу, а заказ сулил лично ему неплохие деньги, то ли купился на льстивые речи Евгения Эдуардовича... В общем, Петечка Могилевский назначил своему новому приятелю встречу — сегодня вечером, в кафе «Рома». «Заметано?» — спросил Голубой Ангел. «Заметано, — ответил Спайк. — А как я тебя узнаю?» — «Это я тебя узнаю, — улыбнулся смайликом Голубой Ангел. — У тебя в руках будет две розы, желтая и белая».

Спайк подивился про себя наглости избалованного парфюмера, но, конечно, согласился, выразив приличный, подобающий случаю восторг. К восьми часам он с шиком подкатил к кафе «Рома» на серебристом «опеле-астре». Машину пришлось одолжить у сослуживца, которому крупно повезло с женой. Вернее, с тестем. Сослуживцу Евгений Эдуардович недавно сделал одолжение из разряда тех, о которых не забывают, и, как ни кривился счастливый в семейной жизни коллега, ему все же пришлось автомобиль одолжить. Кленов, как мог, приделался, даже в парикмахерскую сходил, презирая себя, купил две условленные розы и потащился на свидание с Голубым Ангелом.

Кафе было вполне приличным, но вот посетители... Это был маленький клуб мужчин с нетрадиционной сексуальной ориентацией, и Кленов это сразу понял. Не то чтобы он испугался... Просто напомнил себе, что любит женщин, и храбро перешагнул порог. Навстречу ему сразу же шагнуло дивное существо. Даже если бы Евгений Эдуардович просто увидел такое на улице, он бы твердо сказал: это и есть самый что ни на есть Голубой Ангел!

Существо было тощим и едва доходило Кленову до плеча. На голове оно имело серебристо-белый паричок. Длинная парниковая челка кокетливо спадала Голубому Ангелу на глаза, придавая ему сходство с неухоженной болонкой. Из-под белых прядей торчали длинные накрашенные ресницы. Не исключено, что ресницы были накладными — скромный опыт в области макияжа не позволил Кленову этого определить. Губы существа были сложены в капризную гримаску. Тощий торс облекала гипюровая рубашка. Две верхние перламутровые пуговицы были расстегнуты, обнажая безволосую грудь. На груди мотался замысловатый кулончик. Худенький зад Голубого Ангела затянут был в кожаные брюки, на ногах красовались тяжеленные «гриндерсы». Или «мартенсы» — в этом Евгений Эдуардович тоже был не силен. Тяжелые ботинки, казалось, были единственным грузом, удерживающим

Голубого Ангела на этой грешной земле. Кабы не они — то-то бы он воспарил над всем паршивым миром!

Знакомство в общем удалось. Стесняясь самого себя, Кленов признался — опять же самому себе, — что произвел на Могилевского неизгладимое впечатление. Или он со всеми так общается? Петечка мурлыкал, как избалованная кошечка, и посматривал на Евгения Эдуардовича так игриво, что тому становилось не по себе. Но Кленов удачно выбрал имидж. Мрачноватый мачо, не желающий демонстрировать свои чувства. Угрюмый красавец с ранимой и влюбчивой душой. Именно так он и описал свои личностные качества, когда Могилевский, не скрывая заинтересованности, принялся о них расспрашивать.

— Великолепно! — закатил глаза великий парфюмер. — Я уже слышу этот аромат! О да, я слышу аромат, как люди слышат музыку! В этом и состоит мой гений! Это будет сюита!

— Чего? — не выдержал Кленов.

— Да-да, сюита! Сначала — мощный аккорд кедра с привкусом зеленого мандарина. Понимаешь меня?

— Чего тут не понять, — пробормотал Кленов, отметив, что Могилевский внезапно перешел на «ты». — Мощный аккорд кедра, чего проще.

— Ливанский кедр! Мужество! Сила! — экстатически вскрикивал Голубой Ангел, привлекая к себе внимание посетителей. Впрочем, вполне благосклонное внимание. — Потом вступают пряные ноты. Шафран и имбирь. Шафран — интрига, имбирь — ностальгия. Загадочный Восток. Тайна одинокой души! Ночные мечты, о которых не говорят вслух!

Кленов попытался выразить заинтересованность.

— И наконец — жженный мед и молоко! Понимаешь? Нет, ты понимаешь?

«Все равно что отвечать на вопрос «ты меня уважаешь?» — подумал Кленов. Вслух он такого сказать не мог, потому собрался и ответил:

— А чего ж тут непонятного? Молоко и мед под языком твоим, сотовый мед каплет из уст твоих!

— Да! Ты тоньше, чем кажешься, Евгений! Ты все понял! Именно «Песнь Песней» Финальные затухающие ноты — их услышит только тот человек, который поцелует твою кожу! Прикоснется к ней нежным эпидермисом губ! Это будет мой шедевр!

Кленов тоже значительно покивал. Быть может, Голубой Ангел и в самом деле великий парфюмер? Излагает, по крайней мере, складно и вдохновенно!

Могилевский уже погас. Тянул свой коктейль и глазел по сторонам. Пора было заводить главный разговор.

— Мне говорили, ты не так давно сделал замечательные духи... Вроде бы они назывались «Кира»...

— А кто говорил? — насторожился Петечка. — Хотя какая разница... Честно? Говно. Сляпал наскоро, из чего бог послал. Про носителя ничего не знал.

— Как же делал?

— Говорю тебе: спустя рукава. Заказ пришел внутренний, от кого-то из начальства. Я не знаю от кого. Да они все в этом ни хрена не разбираются. Погоди, так откуда ты про эти духи знаешь?

— Я знаком с их владелицей, представь себе. Она... давала мне понюхать.

— Так она ими пользуется?

— Вовсю! — заверил Кленов самолюбивого гения. Он уже понял, что дело не выгорело.

и начал скучать. — Они ей страшно нравятся.

— Ну, прелестненько. Хотя и это не главное. Мои духи должны нести на себе отпечаток личности, компрене?

— Уи.

Голубой Ангел рассмеялся. Внезапно Кленов увидел его, как под сильным микроскопом. Действительно, он неплохой парфюмер. Мастер своего дела и любит свое дело. Это редкость. За гиперболизированной внешностью нетрадиционного мальчика Евгению Эдуардовичу померещилась чистая и светлая, хоть и сумбурная душа. Ему отчего-то стало весело.

Но не было смысла затягивать вечер. Пора смываться. Иначе увидит его кто-нибудь в таком месте да в таком обществе! Засмеют потом.

Кленов не хотел обижать Голубого Ангела, потому провел финал встречи блестяще — на максимальном напряжении сил. Намекнул на срочное дело, поблагодарил за приятный и познавательный разговор и выразил надежду на скорое свидание.

— Конечно, милый! Обязательно позвони! — проворковал Петечка, обливая Кленова жженым медом и молоком ласкового взгляда. — И заходи в форум. До встречи!

Кленов с удовольствием раскланялся. Он знал — как только он перешагнет порог, Петечка забудет его лицо. А через пару дней и сам факт существования Кленова канет для Могилевского в мутнопамятные воды Леты. Такое уж это создание. Попрыгунья-стрекоза.

И, заводя мотор чужого «опеля», Кленов от всего сердца пожелал несуразному Петечке Могилевскому удачи.

— Мне нужно с тобой встретиться. — От этого голоса у Александры сразу зачесалось под черепной коробкой. Интересно, могут ли чесаться мозги? Наверное, могут. — Ты меня слышишь?

— Разумеется, слышу, я ведь не глухая, — ответила Александра, теребя брелок на связке ключей. Вот тот самый ключ, которым она открыла дверь в страшную комнату... Несколько дней назад, а кажется — вечность. — Во-первых, здравствуй, Владимир.

— Здравствуй. Извини. Просто я... У меня...

— Я уже поняла, что ты находишься в некотором душевном смятении. Не так ли?

Александра сама себе поражалась. «Некоторое душевное смятение» — это ж надо такое выдумать! На Краснова, похоже, это произвело впечатление.

— Да. Ты права.

— Это касается меня? Или Киры?

— Тебя. И Киры. Мы не могли бы встретиться, чтобы обсудить все это подробнее?

С ума сойти! У него в голосе прямо-таки слышалось нетерпеливое звучание умоляюще-униженных интонаций. Что могло случиться? Небо на землю рухнуло, что ли, а Александра и не заметила?

— Ты согласна? — допытывался Владимир.

— Согласна, — вздохнула Александра. — Где ваша светлость изволит назначить мне встречу?

— Я мог бы приехать к тебе, — после паузы заявил Краснов. — Если ты меня пригласишь, конечно.

Если б разговор происходил не в автомобиле, Александра бы с кресла упала! Но падать было некуда — впереди торчал руль, сзади подпирала спинка. Поэтому пришлось с достоинством заявить:

— Буду рада такому гостю. Приезжай сегодня же. Я дома после полудня. Запиши адрес...

— Записываю. С твоего разрешения, я приеду к часу.

На этом потрясающая беседа закончилась. Александра отключила телефон и сунула его в сумку. Чтобы больше никто не вздумал позвонить, чем-то ее отвлечь, что-то назначить. Кстати, ей пришло в голову, что у Краснова не было номера ее телефона! Этот разговор был странен не только по тону, но и по самому факту! Владимир Краснов не звонил Александре никогда. Она — да, звонила ему. Когда ей что-то было нужно. А было нужно ей очень редко. Но он ей не звонил... Или она все же давала ему номер телефона? Этого Александра, как ни билась, припомнить не могла.

Следовало спешить домой. Посмотреть, все ли там в порядке, предупредить Галину, привести себя в порядок. И хорошенько подготовиться к разговору — хотя как можно подготовиться к тому, о чем не имеешь понятия?

Как можно готовиться к встрече с человеком, о котором ничего не знаешь?

Александра фактически совсем ничего не знала о Краснове.

Она знала о нем меньше, чем о самом случайном прохожем, спросившем, который теперь час. Как странно — у нее ребенок от Краснова, а они — незнакомые люди. Впрочем, такое часто бывает. Чаще, чем можно предположить.

Тогда, почти двадцать лет назад, она была очень молода, очень наивна. Наверное, очень хороша собой. Судить трудно. Фотографии тех лет сохранили вполне невинный образ девушки-ребенка с круглыми наивными глазами, но во взрослом шелковом платье и со взрослой прической. Она приехала в Ленинград, впервые в жизни вырвавшись из родного села. Город показался ей очень холодным, очень страшным и бесконечно чужим. У нее никого тут не было... А ей предстояло тут жить и учиться.

В институтском общежитии она жила в одной комнате с тремя такими же провинциалками, как и она сама. Неразлучные подружки, Людка и Оксана, были занудными зубрилами, проводили все свое свободное время в библиотеке, говорить могли только об учебе. А третья... Нинка Кудякова, разбитная деваха, думала и говорила исключительно об удачном замужестве.

«У нас, девки, факультет женский, его так и называют — факультет старых дев, — вещала она вечерами, глядя в потолок и размазывая по мордашке огуречную маску. — А кончишь учебу — пойдешь в школу работать, там тоже мужиков не навалом. Так и прокукуешь век. Не знаю, как вам, а мне такое дело не подходит. Вы, зубрилки, в аспирантуру готовитесь? Да кому вы нужны в аспирантуре? Тут своих ученых полно. Поедете обратно в свою Мухосрань, всю жизнь с охламонами провозитесь, только и будет у вас счастья, что родители на Восьмое марта хрустальную вазочку подарят. Не-ет, я на свою жизнь другие планы имею. Я себе золотую рыбку поймаю... Останусь в городе, вот увидите».

Если бы не разбитная Нинка — кто знает, как повернулась бы судьба Александры? Соседка по общежитию сообразила, что и на улицах, и на танцах охотнее знакомятся с двумя подружками. Парни-то тоже ходят по двое, два и два, вот и будут две парочки. И стала таскать за собой Александру. На танцы вместе ходили, и в кино, и по театрам... От парней отбою не предвиделось, но все это было не то, все это было несерьезно...

«Я, Шурочка, этих прохвостов насквозь вижу, — хвасталась Нинка. — Сразу видно, что у парня на уме. Время он с тобой провести хочет или серьезные намерения имеет...»

Но и на старуху бывает проруха. Несмотря на всю свою житейскую мудрость, Нинка влюбилась в художника. Художник был немолод, нетрезв и беден. У него имелось одно существенное достоинство — он был холост и являлся счастливым обладателем комнаты с косым потолком в мансарде, которую с гордостью именовал «студией». Познакомились они, насколько Александра знала, на какой-то выставке. Огненная южнорусская Нинкина красота, редкая в Северной Пальмире, скосила застенчивого художника под корень. Не в силах сопротивляться ее темпераментному напору, живописец с говорящей фамилией Недогонов позволил испортить свой девственно-чистый паспорт штампом, а свою привычную холостяцко-богемную жизнь — женской заботой и лаской.

Неожиданно для себя самой Нина оказалась владелицей светского салона. В мансарду с косым потолком, с видом на помойку, приходили писатели, художники, актеры, товароведы и фарцовщики. Бывали там и иностранцы... Картины Недогонова продавались — а когда не хватало денег, гости приносили с собой портвейн, серые макароны и рыбные консервы... В общем, Нинка была довольна жизнью. Теперь она звалась Нонна и за ней ухаживали богемные знаменитости. Влюбиться в нее считалось правилом хорошего тона. Надо отдать ей должное — разбитная деваха стала примерной супругой, и никто не мог похвастаться победой над женой Недогонова.

Выскочив замуж, Нина не забыла свою подругу и наперсницу. Она пригласила

Александру в гости. Александра пришла и тут же почувствовала себя провинциальной, старомодной, отсталой. В студии собралась богема. Истерзанные постоянным непониманием и недоеданием поэты декламировали странные стихи. В прихожей на сваленной груде пальто спал бард, впоследствии всенародно прославившийся. Даже во сне он не выпускал из рук гитары... Фарцовщики с наглыми глазами говорили вполголоса о чем-то своем. Насколько Александра могла понять, речь шла о какой-то иконе. На девушку никто не обращал внимания. Нонна варила на кухне картошку, ее муж спорил с коллегой по цеху. Чересчур оживленная дискуссия грозила вот-вот перейти в мордобой.

— Не волнуйтесь, они не подерутся, — сказал кто-то у нее над ухом.

— Да? — переспросила она, пытаясь краем глаза рассмотреть собеседника.

— Они все время так общаются. Хотите портвейна?

Александра выпила стакан чернильного цвета пойла. Сразу зашумело в голове и стало весело. Она забыла про свое нелепое шерстяное платье в клеточку, про портфель с книгами и про заштопанные колготки. Дешевый портвейн сделал чудо. Александра показалась сама себе светской львицей, богемной дамой, загадочной и томной. Она положила ногу на ногу и впервые в жизни закурила сигарету. Сигареты назывались «Шипка» и воняли невыносимо. Закинув ногу на ногу и стараясь не затягиваться, светская львица в клетчатом платье внимала своему собеседнику. Мужчина представился Владимиром. Он красиво, умно и долго говорил о новой книге Солженицына, о загадочной гибели Галича, об академике Сахарове. Александра содрогалась и кивала. Все это было страшно интересно, страшно и интересно.

— Давайте сбежим? — предложил ей новый знакомый.

— Давайте, — с готовностью согласилась Александра.

Они долго гуляли по ночному Ленинграду. Шел мокрый снег, Александра быстро промочила ноги в замшевых бежевых сапожках. Эти сапожки были ее гордостью, она сама купила их в Апраксином Дворе, истратив всю стипендию и доложив денег из присланных отцом. И вот теперь они так подло подвели ее.

— Что же ты молчала? — побранил ее Владимир, когда она наконец пожаловалась на заочневшие ноги. — Давай пойдем ко мне — это рядом...

Александра не посмела отказаться. Владимир понравился ей. Он был высок и очень хорош собой — темно-серые стрелчатые глаза, прямой нос, мужественный подбородок.

В полутемной квартире пахло краской и мелом, там шел ремонт. Но гармошки батарей старательно источали ровное тепло, скоро согрелся чай, и Александра почувствовала себя уютно. Она приготовила ужин из продуктов, которые нашлись в невиданном огромном холодильнике. «Импортный», — сообразила девушка, осторожно прикрывая дверцу. После еды Александра вымыла посуду, Владимир в это время застелил простынями узкий диван.

Все произошло очень быстро и просто, как будто не в первый раз. Александра заснула на плече своего мужчины, а утром он разбудил ее вопросом:

— А ты предохраняешься?

Она даже не поняла толком, о чем он ее спросил.

— Нет... ну ладно, я принял кое-какие меры...

Александра с трудом сообразила, о чем он говорит, и покраснела до корней волос.

— Ну что, подруга? Тебе, наверное, на учебу надо?

— Надо, — пробормотала Александра.

— Так собирайся. Я сейчас кофе сварю.

Сапожки, на ночь пристроенные к батарее, совсем высохли. Александра сунула ноги в их теплое нутро, нырнула в пальто, поданное Владимиром. Тот небрежно поцеловал ее в висок.

— Давай, до скорого. Ты извини, что не провожаю, у меня там ванна набирается...

Из глубины квартиры действительно слышался шум бегущей воды. Александра послушно кивнула и вышла, прихватив тяжеленный портфель.

Для нее все было ясно и понятно. Ведь как у Нинки получилось с ее художником? Она переночевала у него, потом пришла в общежитие и сразу собрала вещи. А к вечеру уже переехала в мансарду со скошенным потолком. Конечно, она, Александра, не такая отважная. Она, пожалуй, погодит собирать вещи. Жаль, что она так мало узнала о Владимире. Но ничего, будет время узнать его ближе. Главное — он не женат, невесты у него тоже нет. Квартира явно без женской руки. Отец с мачехой, к счастью, живут отдельно, где-то за городом. Значит, Владимир и она встретят вместе Новый год. Может быть, посидят вдвоем. Она наготовит салатов, пожарит мяса, напечет пирогов. Они выпьют шампанского и будут смотреть «Голубой огонек». А может быть, пойдут в гости к Нинке... Или Владимир захочет, чтобы они провели новогоднюю ночь в компании его друзей? Что ж, Александра будет не против. Нужно только не забыть обзавестись новым платьем. Отец пришлет денег к празднику, и она купит то, из темно-красного шелка... давно уже на него заглядывалась. Или платье стоит одолжить у кого-нибудь из подруг, а деньги на всякий случай приберечь?

Засыпая, она представляла себе, как привезет Владимира в деревню знакомить с отцом, как сама будет гостить у его родных за городом... И улыбалась во сне. А в ней уже кипело что-то, шли потайные процессы, зарождалась новая жизнь...

Вечером она пришла к дому Владимира, позвонила в дверь. Но ей никто не открыл, и окна квартиры были безнадежно темны. Его не было дома! Как странно! Неужели он не ждал ее? Или, может быть, они разминулись? Владимир пошел к ней в общежитие? Конечно! И она должна была сидеть и ждать его, а не бегать по темным улицам! У девушки должна быть своя гордость — так об этом везде говорят и пишут.

Но в общежитие Владимир не приходил. Подруги смотрели на Александру удивленно — мало того что дома не ночевала, так теперь выглядит и ведет себя как полоумная!

Не дождавшись Владимира, девушка заснула, вдоволь наредевшись. Он не пришел и на следующий день, и через два дня...

«Наверное, очень занят, — соображала Александра, — мужчины всегда заняты».

Лекции и семинары в институте кончились, впереди маячила грозная первая сессия, но девушка не в состоянии была думать об экзаменах. Чтобы развеять тоску, она отправилась в гости к Нинке. У той, как всегда, сидели гости. Подруга приняла Александру приветливо, но поглядывала на нее лукаво.

— Что, Шурка, подцепила фраера? — прошептала Нина, уловив момент. — Хорош, ничего не скажешь. С ног до головы — фирма, папочка-профессор, сам в экономическом учится... Да только такого не просто окрутить. Это тебе не мой растяпа. Смотри, тебе жить. Попытка не пытка.

Александра кивнула, но сердце у нее похолодело. Что значит «не просто окрутить»? Разве она уже не окрутила? Да и зачем крутить, спрашивается? Они полюбили друг друга, стали как муж и жена, только без регистрации. Неужели есть другая точка зрения?

Как оказалось, есть. И вскоре ей пришлось с нею познакомиться. Новый год, к слову, пришлось встретить в общаге, в компании двух занудных подружек. Нина с мужем к себе не

позвали, на что Александра, честно говоря, очень сильно рассчитывала.

Сессия далась девушке легко. Сердечные волнения не успели сказаться на учебе, и она отлично сдала экзамены. На каникулы домой не поехала. Отец прислал перевод и приветливую телеграмму. Поздравлял с Новым годом, подбадривал дочку, уговаривал не скучать и как следует отдохнуть, повеселиться в Ленинграде.

Но Сашеньке было не до веселья. После экзаменов она почувствовала себя плохо. Впрочем, многие в общежитии мучались расстройством желудка — видно, недобросовестная администрация студенческой столовки перед праздниками стремилась сэкономить как можно больше себе на шампанское, и пища стала совсем уж неудобоваримой.

Целыми днями Александра лежала на своей общежитской койке. Девчонки разъехались по домам, никто не приходил ее навестить. Раз в день она находила в себе силы выползти на улицу, покупала свежую булку, бутылку кефира. Больше организм ничего не принимал. С ужасом Сашенька поняла, что ежемесячные женские трудности тоже обошли ее стороной...

Мысль о беременности заставила Сашеньку мобилизовать все силы. Она заставила себя встать, приделась и пошла к Владимиру. К удивлению, ей удалось застать его дома. Нежданной гостье он обрадовался:

— О! Куда ж ты тогда пропала? Сессию сдавала, да? Ну проходи, проходи. Что-то ты бледненькая. Ничего, сейчас я тебя чаем напою.

Они пили чай в чистенькой, отремонтированной уже кухне. И Владимир смеивался, глядя то на Сашеньку, то в дверь кухни, откуда видна была незастеленная постель.

— Что-то ты грустная, — шутил он, а тяжелая рука уже мяла Сашенькину коленку. — Может, вина? У меня есть крымская мадера. Хочешь мадеры?

— Я беременна, — лягнула Александра. — Мне пить нельзя.

— Та-ак, — протянул Владимир. В лице он не изменился, но руку с Сашенькиной коленки сразу же убрал. — И ты пришла ко мне с этой радостной вестью?

— К кому ж мне идти, — пожала плечами Александра. Она чувствовала за собой какую-то правоту, оттого держалась очень храбро. Очевидно, Владимиру эта храбрость показалась на редкость возмутительной.

— Да к кому угодно! — рявкнул он так, что в кухонном шкафчике жалостно задрезжала какая-то утварь. — Почему ко мне-то?

— С тобой же гуляла, — оробев, ответила Александра.

— Со мной? А еще с кем? Вот к ним и иди. Я, милочка, поберегся. Это не мой ребенок. Если ты и в самом деле беременна.

— Я... Да...

— А может, это все девичьи фантазии? Ты что думаешь, на мальчика нарвалась? Думаешь, я вас таких не видел? Значит, ложишься под холостого мужика с квартирой и пропиской, а потом — ах, ты станешь папой? Ну нет, дорогая. Я не из тех, кто женится. Меня на этот крючок не поймать. Или придумай что-нибудь более оригинальное, или найди дурака, который поверит в эту старую сказку!

— Я схожу к врачу и принесу тебе справку!

— Очень хорошо. Буду ждать с нетерпением. А теперь давай надевай свой лапсердак. Аудиенция закончена.

Александра быстро оделась в прихожей, причем Владимир на этот раз не подал ей пальто, несправедливо обруганное «лапсердаком»! Джентльменские ухватки, очевидно,

применялись только в определенных ситуациях. Галантность не годилась для беременной любовницы!

К сожалению, простодушная Александра приняла ироническое высказывание Владимира насчет справки от врача за чистую монету и пришла к нему во второй раз. Но в этот раз он ее даже на порог не пустил.

— Вот деньги, — сказал он и сунул в дверную щель конверт. — Возьми и уходи. Хочешь — сделай аборт. Не хочешь — не делай. Но учти: я никогда не признаю этого ребенка. Пытаться меня разжалобить бесполезно. Уходи, чтоб я тебя не видел!

Александра ушла.

Об аборте она не думала. Слышала, что бывают такие женщины, которые избавляются от детей. Читала в журнале «Здоровье» о том, как это вредно и плохо. К себе применить не могла, как ни пыталась. Ребенка решила оставить. Скоро ее беременность стала явной для соучеников и преподавателей. Вопреки ожиданиям, ее не стали клеймить и позорить — правда, намекнули, что ей придется покинуть общежитие и найти себе частную квартиру...

Понимание и трогательное сочувствие преподавателей здорово помогло Сашеньке. Она досрочно сдала летнюю сессию, оформила академический отпуск и уехала к отцу. Владимира она до появления на свет Киры больше не видела. Да и потом их встречи носили напряженный характер...

Но теперь что-то изменилось. В голосе Владимира Дмитриевича Краснова Александр слышались новые, незнакомые интонации. Что это? Сцена из советской мелодрамы «Москва слезам не верит»? Твой отец не только жив, но даже довольно упитан? Петербург тоже не верит слезам. Несмотря на схожесть судьбы и имени, Александра не любила эту классическую слезокапку.

— Теперь ты все знаешь, — выдохнул Владимир, отвернувшись к окну. — Прости меня. Нас всех.

— Мне не за что тебя прощать, — бодро заявила Александра. — Это ты меня прости.

Рассказ Владимира обрушился на нее и придавил, как снежная лавина. Но под лавиной тоже можно жить. Можно набраться сил и вылезти на поверхность. Главное — пережить первый, самый опасный момент, когда ледяные осколки вопьются в твое тело, а снежная пыль забьет дыхание.

И Александра сделала это. Она была сильным человеком, сильной женщиной. Она смогла.

— За что? Ты ни в чем не виновата!

Владимир давился слезами. Видеть на своей кухне плачущего мужчину, немолодого, уважаемого человека, было странно. И страшно. Но Александра Леонидовна Морозова справилась и с этим. Этот человек — ее брат. Старший брат, которого у нее никогда не было, о котором она всегда мечтала. И сейчас ему плохо. Значит, она должна ему помочь. Она должна взять его ношу на себя. Она сможет. Она выкарабкается из-под этой лавины.

— Выслушай меня, — мягко сказала Александра. Владимир достал белоснежный платок, крепко утер покрасневшие глаза и посмотрел на нее. Приготовился слушать. — Ты был прав тогда... Двадцать лет назад. Кира — не твоя дочь.

— К-как? — только и смог выговорить Владимир.

— Вот так. Все, что ты мне тогда говорил, все твои обвинения справедливы. Я залетела от случайного знакомого, богемного писателя. Там же с ним познакомилась, у Нонны

Недогоновой. Позволь уж мне не называть его имени. Разумеется, я не могла рассчитывать на брак — он был женат, и у него были дети. Между вами было определенное внешнее сходство... И я сделала ставку на тебя. Я затащила тебя в постель, а потом сказала, что это твой ребенок. Ты был свободен, богат и вполне мог на мне жениться. Гипотетически.

— Гипотетически мог, — согласился Владимир. Глаза его заблестели, но не мутным блеском слез, а ярко и радостно. — Как гора с плеч!

— Я рада. Ты простил меня?

— Да! Да, конечно, честное слово, это самая лучшая новость за последние двадцать лет!

— А о том, что было между нами... Вполне можно забыть, как мне кажется. Я уж и не помню ничего.

— И я...

Они не обнялись и не расцеловались, не стали произносить речей о том, как приятно обрести друг друга. Они просто сидели и пили чай. Они говорили, как говорят малознакомые, но симпатичные друг другу люди, как говорят родственники, живущие далеко друг от друга и встречающиеся только на семейных торжествах.

— Ты, конечно, и не подумал разыскивать свою племянницу? — ехидно прищурилась Александра. — Думаю, тебе стоит взяться за дело теперь. Тебя же интересует ожерелье, я правильно поняла?

— Не искал, признаюсь, — со вздохом ответил Владимир Дмитриевич. — Не ругай меня за это. Я же не детектив, не сыщик из романа... Но если тебе нужна помощь... Как говорил Кнуров из «Бесприданницы» — для меня невозможного мало... И ожерелье меня интересует. Оно у тебя?

— Нет. Твой отец отдал его мне, это правда. Но я приняла его за безделушку. Оно не выглядело золотым, и камни тоже не смотрелись драгоценными. Я думала, что оно очень старое... И долго хранила. Когда Кире исполнилось двенадцать, я отдала его ей. Не знаю, где оно сейчас. Вряд ли она его потеряла. Скорее всего, припрятала куда-нибудь.

— Ладно, черт с ним. Скажи, как я могу тебе помочь?

— Вот слушай...

Чаю они напились «до седьмой тоски». Когда седьмая тоска подступила, ее развеяла вернувшаяся из храма Галина. Ей был представлен новоявленный братец, рассказана история о хитрой девчонке, пытавшейся поймать выгодного жениха «на беременность». Галина поплакала, выпила корвалола, подержалась, не без того, за голову и за сердце. Но она-то была крепкая баба, деревенской закалки! Ее такими мелочами не проймешь! Главное — найти девочку, а уж чья она дочь — не суть важно. И брату Галина обрадовалась.

— А я ж тебе на могилку цветочки носила! — повторяла она постоянно, отчего Владимир каждый раз несколько спадал с лица и отмахивался.

Дня, целого дня оказалось мало для разговоров. Впереди ждали дела.

— Если адрес точный и номер машины правильный — мои ребята на него сегодня же выйдут, — заверил Александру новообретенный братец.

— Хорошо, хорошо. Смотри только, чтоб твои чичисбеи не перестарались. Пусть только расскажет, где взял кольцо и где Кира!

— Не учи, сам знаю...

Сегодня Косте Серову на собственной шкуре пришлось изведать популярное выражение «Судьба играет человеком». Еще утром он был здоров (только слегка страдал похмельем, но это ничего), богат и счастлив. Небольшой доход, полученный от продажи доставшейся на халяву драгоценности, оказался хорошим подспорьем Костиному бюджету. Бюджет порядком хромал — Костя любил казино, виски и манекенщиц. Доходов для удовлетворения всех этих невинных страстишек не хватало. Серов не стал бы избегать и незаконных способов приобретения денег, но в бандиты его не принимали, а воровать он боялся. Костя с детства не любил, чтоб его били, и с возрастом, надо отметить, его вкусы не переменялись. В сущности, Костя был трус, но ни за что не признался бы в этом даже самому себе.

Когда его отправили «на дело» — вернее, когда его взял с собой в поселок Болотное Игорь, настоящий крутой боевик, Костя испугался и обрадовался. Он понимал, что убивать ему никого не придется. Просто не доверят. Так, подай-принеси... Есть шанс почувствовать себя крутым, не замаравшись кровью... Все так и вышло. На Костину долю выпало отнести жмуриков в укромное местечко, а так их даже бензином поливал Игорь! Куш обломился хороший, да еще Серов, пока напарник не видел, стащил с пальца у застреленной девчонки колечко. Непростое колечко.

Ночью его, правда, мучили кошмары. Снилось, что покойница идет к нему, вытянув длинные синие руки (с пальцев капает вода), и говорит: «Зачем перстенок стибрил? Отдай колечко, отдай немедленно!» Костя вопил так, что перебудил соседей.

Но утром, при свете, страхи показались смешными. Костя уговорил старую учительницу литературы, Анну Егоровну, сходить вместе с ним и отнести колечко в скупку. На безделушку поставили неплохую цену... Все бы хорошо, но Костю одолевали невнятные и недобрые предчувствия... Покойница, понятно, за колечком не придет, но не заинтересуется ли им кто-нибудь из мира живых, такой небезразличный?

И вот к вечеру понедельник Костины опасения подтвердились. Он вчера гулял долго, был в казино, крепко поддал, соблазнившись на бесплатные напитки, и весь понедельник прохворал. Голова не болела, но гудела потихоньку, а уж к вечеру, когда все должно бы и пройти, такая мутота накатила — хоть ложись и помирай. Костя решил сегодня никуда не ездить, лечь в постель, неторопливо потягивать минералку и смотреть телевизор. Футбольный матч там, боевичок какой-нибудь — а потом баиньки.

Но Косте не удалось узнать, как «Локомотив» сыграет с венским «Рапидом», не удалось полюбоваться на знаменитые «венские кружева» иностранной команды. У дверей квартиры его поджидали двое, и Серов сразу понял — от этих добра не жди!

Костя Серов даже не пытался рыпаться. Если тебе под ребра сразу тычут холодное дуло пистолета, то желание изображать супермена бесследно испаряется даже у храбрецов. А Костя излишком храбрости не страдал, потому пошел с незнакомцами кротко, как овечка. Его, как овцу же, как кавказскую пленницу, уложили на заднее сиденье и надели на физиономию холщовый мешок. В мешке было душновато и воняло ботвой, но Серов мешка не снимал. Потому что любил жизнь и надеялся хоть еще немного ей порадоваться. Пусть даже с мешком на голове. Какой идиот придумал, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях? Ничего он не понимал, этот храбрый философ, ей-богу!

Привезли куда-то — куда, Костя не понял. Воздух стал посвежее и попрохладнее.

Значит, за город. Вода шумит... Неужели утопят? Ноги в тазик с цементом, и прости-прощай, Костенька! Но нет — ведут куда-то по лестнице.

Мешок с головы содрали. Костя некоторое время шумно отдувался, потом смог рассмотреть, куда привезли. Казенный кабинет, как у небольшого начальника. За облупленным столом сидит мужик. Среднего роста, не выше Кости, сам худой, щеки впалые. А глаза у мужика ску-учные такие, что сразу хочется заснуть. Или уж просто — лечь да помереть.

— Ну-с, Серов Константин Богданович, 1982 года рождения, — с ходу выдал мужик. — Что вы можете нам сказать по существу дела?

— Какого такого дела? — проямлил Костя. Он прекрасно знал, что рыльце у него в пуху, по решил тянуть резину до последнего. И идти в глухую несознанку!

— Такого дела, — скучно вымолвил мужик. — Колечко-то где взял? Которое в «Белую лилию» снес? За которое ты сегодня утром денежки получил? Ну давай, пой, птичка, пой. Не стыдись!

— Это недоразумение! — фальшиво рассмеялся Серов. — Колечко же не мое! Я просто сопровождал его хозяйку, Анну Егоровну Панькину, в магазин. Она пожилой человек, она моя учительница литературы. И русского языка, между прочим. Попросила подвезти — я и подвез. Это ее кольцо, и деньги она получила! А у меня денег нет!

Это была неправда. Деньги у Костика наличествовали, и лежали они в бумажнике, а бумажник — в борсеточке. Проверить это ничего не стоило. Но вряд ли купюры помечены... Быть того не может!

— Какой благородный мальчик! — пришел в экзальтацию скучный мужик. — Помогает одиноким старушкам! Это, наверное, тимуровец! Слушай, Тимур, а где твоя команда?

На этот вопрос Костя не знал, как отвечать, потому промолчал.

— Так вот, тимуровец яйцеголовый, не засирай мне мозги. У твоей старенькой учительницы отроду ничего дороже долбаной указки не водилось. Ты уж меня извини, но мы живем в России, и учителя здесь — не самые обеспеченные люди...

— Так фамильное! — обрадовался Костя невесть чему. — Ей от мамы досталось, а той от ее мамы...

— А той от чертовой матери, — услужливо подсказал мужик. — Константин Богданович, хреновый из вас романист. Нет у Анны Егоровны никакого фамильного перстня и не было никогда. Мы с ней уже поговорили, будьте уверены. И она указала нам на вас, дорогой вы мой! Так что давайте излагайте истину. Правду говорить легко и приятно. И не играйте в партизана. А то мне придется поиграть в гестаповца!

Это была угроза. Это явно была угроза, и намекал он на физические пытки, каким Костя Серов может подвергнуться.

— Не надо... в гестаповца, — голосом умирающего лебедя произнес Костя. — Я вам все расскажу. Только вы должны мне обещать, что никто больше об этом не узнает... Тайну... Программа защиты свидетелей! — припомнил Костя нужное словосочетание.

— Ну-у, милый, это ты далеко зашел. Я тебе что могу гарантировать? Что в случае честного и искреннего рассказа ты выйдешь отсюда живым. И даже на своих ногах. А все остальное в руках Божьих. Не могу ж я к тебе телохранителя приставить? Впрочем, ежели пожелаешь, могу обеспечить тюремное заключение. Так сказать, в качестве защиты от внешних врагов.

— Спасибо... Только не надо тюремного заключения и гестапо не надо, хорошо?

И Костя раскололся. Предоставленный им отчет, пожалуй, грешил литературными излишествами. С потрясающей экспрессией Костя описал произвол злодея шефа над сотрудниками и лично над ним, Серовым. Потом поведал, как шеф отправлял его на убийство, а Костя отказывался. Нет, он не знает, чем ему так досадили те убитые люди. Витька Перехват работал в конторе давно, раньше даже Кости, и был хороший парень. А девка вообще какая-то неизвестная, и Серов не знает, почему она шефу не угодила. Он, Костя, никого не убивал. Убивал Игорь. Игорь — зверь, ему ничего не стоит кого угодно замочить! И вы, товарищ начальник, когда будете его брать, высылайте прямо сразу вооруженный отряд! Группу «Альфа»! Игорь застрелил и девчонку, и Витька, а Костя только помогал перетаскивать тела в укромное местечко. Ну вот, а пока перетаскивали, причем Игорь еще все время смеялся над его слабосилием, Костя и заметил на пальце у покойницы это колечко. Оно ведь мертвой ни к чему, конечно? Вот Костя и решил его взять. Пока Игорь отвернулся. Взять и продать. Но исключительно ради того, чтобы на вырученные деньги немедленно уехать из этого бандитского города обратно в маленькую пензенскую деревушку, где у него, Кости Серова, проживает старушка бабушка.

— Бедная старушка, — хмыкнул мужик. — Не повезло ей с внуками.

— Почему с внуками? Я ее единственный внук, — заявил Костя, сам немного воодушевившись от рассказанного. Если так посмотреть, то он не очень-то и виноват, получается!

— Тем более, — хмуро бросил мужик. — Так где, говоришь, душегубство-то произошло?

— Так у Витьки Перехвата на даче!

— Можно подумать, я знаю, где у него дача! Точный адрес давай!

— Поселок Болотное. А улицы я не знаю! Направо от станции!

— Ладно. Найдем. Номер дома?

— Восемнадцатый...

— А тела где?

— Так сожгли их, товарищ начальник! Бензином облили и сожгли. Там на соседнем участке такой сарайчик заброшенный...

— Вот оно что, — покивал «товарищ начальник». — Ну ладно. Бывай здоров, Костя Серов. И вот что: про нашу встречу забудь. А лучше всего, пока чего плохого не случилось, собирайся-ка на самом деле и отчаливай в пензенскую деревеньку к старушке бабушке. Понял меня? Там здоровый труд на свежем воздухе, там тебе самое место. А в криминал не лезь. Такие, как ты, в криминале долго не живут.

Тут Костю стукнули по затылку, и он отключился, успев подумать, что скучный мужик обманул и его, Костю, убили до смерти.

Но его не убили. Он очнулся на рассвете под дверью собственной квартиры. Очнулся оттого, что огромный ризеншнауцер, живший по соседству в семье скандалистов Караваевых, вылизывал ему лицо и жарко дышал. А над Костей стоял Караваев-младший и нудно повторял:

— Костян, ты чего, опять нажрался? Костян, да вставай, простату заморозишь! Костян, вставай. Надо же, как напоролся!

Костя встал, отпугнул мерзкого пса, открыл дверь и ввалился в квартиру. Времени он зря терять не стал — быстро покидал в огромную спортивную сумку кое-какие вещицы и документы, оставил ключи от квартиры на столе — для квартирной хозяйки, вышел и

захлопнул дверь. Потом сел за руль своей «ауди» и покинул Петербург, только его и видели. Гнал он так, что его два раза останавливали гаишники, но только в Новгороде он решился оставить машину на стоянке и поспать в гостинице. Подался ли Костя Серов в пензенскую деревеньку к старушке бабушке и не существовала ли бабушка только в воспаленном Костином воображении... Откровенно говоря, нас мало волнует дальнейшая судьба этого малосимпатичного субъекта.

Зевс и Деметра (продолжение)

«Все вокруг было усыпано серым пеплом. Это было великое кострище. Словно полмира сгорело синим пламенем. А посреди пепелища, в окружении вспыхивающих угольков, сидела девушка в белом платье... Лицо она закрывала руками. И на одном из пальцев я заметила кольцо. Знакомое кольцо — буква «К» в окружении ветвей.

— Кора?

Девушка отводит руки от лица, и я могу посмотреть на нее. Но это не моя дочь! Эта девушка привлекательна, молода и стройна. Но у нее мелкие черты лица, ее волосы вьются непослушными колечками. Быть может, моя дочь приняла другое обличье?

— Кора? Это ты? Ответь мне!

— Нет, — тихо говорит девушка. — Я не та, кого ты ищешь. Меня же оплакать некому.

— Ты хочешь сказать, что ты мертва?

— Да. Я мертва. Я не успела понять, что умираю. Мне нужно привыкнуть к этой мысли.

— Но почему ты здесь? Почему я вижу тебя?

— Мне положено быть здесь. А вот ты... Что ты тут делаешь?

— Я ищу свою дочь, Кору...

— Ее здесь нет, Деметра. Я узнала тебя. Прими, о богиня, мое поклонение.

— Богиня? Я? Что за чепуха! Я ищу свою дочь! И ты, если можешь, помоги мне.

— Не могу. Я помогла бы тебе, о великая богиня. Я всего лишь душа смертной женщины. За порогом жизни мне открылось кое-какое знание... Но узнать, где Кора, мне не по силам. Тебе должен помочь Гелиос...

— Гелиос? Кто это?

— Бог солнца, богиня. Он видит всех и вся, он должен знать, куда пропала Кора.

— Ты хочешь сказать, что Кора жива?

— Боги не могут быть живыми или мертвыми, Деметра. Я умерла за богиню Кору и мать ее Персефону. Моя плоть удобрит землю, и куда пал прах мой — вырастут цветы. Я — жертва во славу твою! Прозрей же!»

Что-то горячее коснулось век Александры, и она проснулась. Солнечный луч, пробившийся через шторы, падал на ее лицо. Александра провела ладонью по векам, словно стряхивая остатки сна. И так, ей было новое видение. В нем неизвестная девушка — неизвестная мертвая девушка! — называла ее богиней Деметрой. Кто такая Деметра, Александра помнила смутно. Пришлось порыться в книгах. Ей пришлось основательно покопаться в библиотеке. По закону подлости нужная книга нашлась в самом последнем ряду, на самой дальней полке. Тощенький «Мифологический словарь», выпущенный в тот же год, когда родилась Кира.

«Деметра — в греческой мифологии богиня плодородия и земледелия, божество созревания хлеба, дочь Кроноса и Реи, сестра Зевса. Родила от Зевса дочь Кору. Кора была похищена богом подземного мира Аидом, братом Зевса. Убитая горем, Деметра разыскивала дочь. Земля перестала давать урожай, наступил голод, и Зевс согласился вернуть Кору матери. Но Аид дал Коре гранатовые зерна, после чего она стала его женой и владычицей подземного царства Персефой. Когда Деметра добилась возвращения дочери, она только часть года могла быть на земле с матерью, а в остальное время, как жена Аида, должна была находиться в подземном царстве...»

Дальше было еще что-то о различных культах и мистериях. Но Александра дальше читать не стала. Она сунула книгу на место, отряхнула с ладоней пыль и принялась размышлять.

«Удивительно, сколько совпадений! Зевс и Деметра — брат и сестра, у них рождается дочь, имя которой отличается от имени Киры всего в одной букве. Еще один пункт соприкосновения — гранат. Я все время видела его во сне, все время боялась, что Кира его попробует или хотя бы дотронется до него. И наконец — в этих снах-видениях я неизменно называю свою дочь Корой. А вот сегодня неизвестная девушка произнесла и мое имя. Деметра. И сеть своих магазинов я назвала именно так — много лет назад. Значит, я уже читала этот миф раньше. Значит, когда Кира пропала, я подсознательно провела параллель между нашей историей и древнегреческим мифом. Что ж, он заканчивается довольно оптимистично. Кира выйдет замуж и будет навещать меня. Это был бы самый счастливый исход, но я уже не жду его. Мне страшно. Мне страшно, что Аид, который станет мужем моей дочери, — владыка царства мертвых. Неужели это значит, что Кира умрет? Но как тогда она станет навещать меня? Боже, как я запуталась!»

Уже прошло несколько дней, по Краснов-старший не давал о себе знать. Александра понимала — если бы были хоть какие-то результаты, он бы позвонил или объявился бы... Это произойдет сегодня. Да, именно сегодня!

Владимир Дмитриевич приехал к полудню. Галина уже ушла в церковь, не дождавшись его.

— Здравствуй, Зевс, — сказала Александра, встречая брата на пороге.

— Зевс? — устало усмехнулся он. — Спасибо. Моего могущества хватило, чтобы узнать у Константина Серова, откуда он взял кольцо. И мне пришлось стать гонцом, принесшим дурные вести. Саша... Киры больше нет.

— Откуда ты знаешь? Ты видел ее мертвой? Ты опознал тело? Ведь ты же не видел ее, никогда не видел!

— Не видел, нет. И если она в самом деле мертва, то никто ее больше не увидит. Тело было кремировано, Саша. Экспертиза показала, что костная ткань, обнаруженная в пепле, принадлежит молодой женщине... Правда, исследование затруднялось тем, что сожжено было два тела... Но показания Серова делают эти предположения...

— Моя дочь жива, — ровным голосом сказала Александра. — За нее умерла другая девушка. Примерно ее лет. И на ней было кольцо Киры. Я не знаю, как оно к ней попало. И вообще больше ничего не знаю, кроме одного: Кира жива!

— Ты можешь так думать. Если тебе легче...

В дверь позвонили.

— Открыто! — сказал Владимир Дмитриевич.

И вошел Евгений Эдуардович Кленов. Увидев его, Александра сделала какое-то движение навстречу... Но не смогла сдвинуться с места. Кленов молчал и выжидающе смотрел на Краснова.

— Кленов Евгений Эдуардович, следовательно, — наконец он решил представиться первым. — Здравствуйте.

— Я Владимир Дмитриевич Краснов, брат Александры.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Мне нужно сказать вам пару слов, Евгений Эдуардович...

По знаку Александры они прошли в гостиную, и Краснов плотно прикрыл дверь.

Разговаривали они около получаса. Все это время Александра сидела на маленьком пуфике в прихожей, не сводя глаз с незапертой двери. Она почему-то была уверена, что Кира вот-вот войдет... И могла бы просидеть так год, и два, и три, но вышедший из гостиной Кленов сказал Краснову:

— По-моему, Александре Леонидовне не по себе. Давайте-ка уведем ее на кухню...

Мужчины под руки привели Александру на кухню и осторожно усадили на стул. Краснов кинулся наливать ей воды из кувшина, нашел какие-то капли и стал капать в столовую ложку, смешно шевеля губами. Кленов тем временем говорил:

— И все нити, концы которых мне удалось обнаружить, ведут к фармацевтическому концерну МАРК. Мне не удалось узнать, кому этот концерн принадлежит, а руководство, я уверен, не...

Владимир Краснов уронил ложку. Капли расплескались по полу, сразу пронзительно запахло лекарством.

— Концерн МАРК принадлежит моему единокровному брату, Марку Дмитриевичу Краснову.

— Ничего себе... — ошарашенно протянул Кленов. — А единокровный — это как, я что-то не понял?

— На самом деле тут недавно были раскрыты кое-какие семейные тайны, — вздохнул Владимир Дмитриевич, покосившись на Александру, которая все так же сидела без движения и без выражения на побелевшем лице. — Но это, я думаю, к следствию не относится. Он сын моего отца и его второй жены, Дианы Юстицкой. Слышали про такую актрису?

— Конечно, конечно, — еле выговорил Евгений Эдуардович. — Вот то звено, которого мне не хватало... Конечно, теперь я многое понимаю... А я могу увидаться с вашим братом?

— Ну, вы, наверное, можете вызвать его повесткой, — усмехнулся Краснов. — Впрочем, ежели желаете избежать таких мер и просто побеседовать с ним — добро пожаловать в наш старинный замок. Мы можем сегодня же съездить в Петергоф, и вы зададите ему интересующие вас вопросы... Я сам там не был несколько дней и с удовольствием вернусь к родным пенатам.

— Я тоже поеду, — словно очнувшись от смертельного сна, произнесла Александра. На ее щеки вернулся легкий румянец, губы порозовели, в глазах снова появилось осмысленное выражение. — Я тоже поеду с вами! И не смотрите на меня так! Я не умру. Богини не умирают...

— Она явно не в себе, — шепнул Кленов Краснову. — С кем мы ее оставим?

— Да все со мной хорошо! — вскричала Александра. — Это просто такая дурацкая поговорка, я себя ею подбадриваю, понимаете? Ну прошу вас, возьмите меня с собой! Мне это необходимо!

— Сашенька, не кричи. Если ты успокоишься и выпьешь капли — мы поедем вместе.

— Бога ради, Володя, перестань со мной разговаривать как с ребенком!

— Ты моя младшая сестра! Я буду с тобой разговаривать, как считаю нужным!

— Высокие, высокие отношения, — пробормотал Кленов.

Эти двое тут же умолкли и уставились на следователя с удивительно совершенно схожим выражением подозрительности на лицах.

— Я ничего, — объявил Евгений Эдуардович. — Если Александра Леонидовна действительно собирается ехать с нами, то ей стоит привести себя в порядок. Извините, но

вы пока еще в пижаме.

Александра даже взвизгнула слегка, вскочила и побежала в свою комнату.

— А вы знаете женщин, — заметил Владимир Краснов, глядя на Кленова с симпатией.

— На том стоим, — заметил скромный следователь. — А вы — не знаете?

— Плоховато... Собираюсь вот жениться, но опасаясь за свой багаж знаний...

— Я тоже собираюсь жениться, — вздохнул Евгений Эдуардович. — На вашей сестре.

— Вот это новость... А она об этом знает?

— Скоро узнает...

Александра влезла в уже привычные джинсы, собрала волосы в хвостик, натянула рубашку. Из стеклянной глубины зеркала на нее взглянула молодая женщина с испуганными глазами.

— Почему я записала себя в старухи? Из-за взрослой дочери? Все же рановато. Богини не умирают и не стареют.

И, зашнуровав кроссовки, выбежала из комнаты.

— Едем! Надо ехать!

— Желание дамы — закон, — вздохнул Краснов. Энтузиазм сестры вдохновил его. В самом деле, материнское сердце — вещун. Что, если девочка и в самом деле жива? Вон как скачет Александра! Или у нее шок?

— Вот это дом! — присвистнул Кленов, вылезая из машины Краснова и разминаясь. — Не дом, а дворец! Ничего, что я не во фраке?

— Ничего, — усмехнулся Владимир Дмитриевич. — Сестренка, ты где там? Выходи! В сущности, этот дом принадлежит Александре...

— Да ну? Александра Леонидовна у нас богатая невеста?

— Уж не бесприданница, — с достоинством ответила Александра. — И дом у нас, и особо ценный талисман... О последнем, правда, только Кира знает... Вот мы у нее и спросим.

Краснов и Кленов с тревогой переглянулись. В глазах у обоих светилась одна мысль: «Уж не спятила ли несчастная мать от горя?»

Александра обогнала их, вприпрыжку направилась к воротам «замка». Навстречу ей двинулась сухонькая, сгорбленная фигура...

— Нянечка, а вы помните меня? — ласково спросила Александра, поравнявшись с Зинаидой Германовной. — Я к вам с ребеночком приходила, двадцать лет назад...

— Деточка моя, конечно помню! — всплеснула руками старуха. — Сердце у меня изболелось о вас!

— Это, Германовна, дочь Марты, — тихо сказал Краснов, догоняя Александру.

Старуха заплакала, худые плечи под тканью простого ситцевого платья затряслись. Но Александра обняла ее:

— Все будет хорошо, нянечка... Не плачьте, — и плакала сама. — Нам только бы Кирочку найти...

— Кирочку? — Зинаида Германовна высвободилась из объятий, утирая глаза. — Да чего ж ее искать? Вон она, в гамаке отдыхает после обеда. Марк Дмитриевич...

Но Александра уже не слышала. Белой птицей неслась она по саду, словно не касаясь земли, выкликая имя обожаемой, потерянной и найденной дочери. Из гамака, подвешенного между двух сосен, поднялась бледная тень, и какой-то широкоплечий мужчина, сидевший рядом, испуганно отстранился...

— Кира! Кирочка, доченька моя!

— Мама? Мама!

— Боже, какая ты стала худенькая, бледная... Где ты была? Что с тобой было, милая?

— Мамочка, прости меня. Я тебе все расскажу, все! Только потом, хорошо? Мама, дай я тебе руку поцелую. Вот так. А теперь посмотри: вот мой Марк...

— Аид? — прошептала Александра, глядя на широкоплечего густобрового мужчину, с застенчивой улыбкой стоящего рядом.

— Марк Дмитриевич Краснов, — отрекомендовался он, кланяясь. — Хочу сразу избежать упреков. Кира после всего пережитого страдала частичной амнезией... Именно поэтому мы и не дали вам знать... А как вы нас нашли?

— Да уж вот нашла! — рассмеялась Александра, обнимая и его уж заодно. — Она ела гранат?

— Гранат? Откуда вы знаете про гранат? — испугался Марк, пристально вглядываясь в лицо этой удивительной женщины, произведшей на свет Киру. — Откуда...

— Он мне все время снился во сне. Я умоляла Киру не трогать его...

— «Гранат-Z» — новый наркотик. Страшный наркотик. Его изобрели в моем концерне... Я бы ничего не знал, если бы не Кира. Ей пришлось тяжело, она испытала на себе действие этого яда. Не по своей воле, конечно, — заметил Марк. — Но именно это и привело ее ко мне.

— Я так и знала, — заметила Александра непонятно.

— Но как вы ее нашли? Как?

— Мне помогли Зевс и Гелиос, — все так же непонятно ответила она. Кира из гамака смотрела на мать с удивлением. — Не волнуйся, доченька. Это я так, чудить начала на старости лет...

— Ты помолодела за это время, мама! Ты стала какая-то... новая.

— И все же, как вы нас нашли? — не отставал Марк.

— Упрямый какой! — засмеялась Александра. — Вас, неразлучники, и без меня бы нашли. Обернитесь, Марк, и посмотрите, кто у вас за спиной...

На песчаной тропинке стояли две женщины.

— Мама?

— Именно я, — объявила Диана, снимая с головы и комкая в руках шелковый платочек. — Марк Твен, это ж надо было так случиться! Невероятно! Смотри — это Галина, родная тетя нашей Кирочки... — Диана указала на пожилую, просто одетую женщину, которая, плача, обнимала Киру. — Мы с ней — прихожанки одного храма. Встречались чуть не каждый день... И я все знала про то, что Кира пропала... Представляешь? Только Галя не называла ее по имени... И вот сегодня все выяснилось. Я пошла поставить свечку за Кирино здоровье, мы с Галиной, как обычно, завели разговор... Мчались сюда, как на пожар! Уф! А это мама Кирочки, да? Я Диана!

— Я — Александра. Но постойте, Галина рассказывала мне о вас! Но почему же она всегда называла имя Ксения?

— Ах, да ведь это мое православное имя. В святцах нет Дианы, и при крещении я назвалась Ксенией, в честь блаженной Ксении Петербургской. Диана я только на афишах, а в душе своей, для друзей и, конечно, для Господа нашего я — Ксения...

— Кирочке пора идти в дом, — заявила Зинаида Германовна. Она успела переодеться в парадное шелковое платье, накинуть вязаную шаль, даже подкрасить губы. — Она простудится. И, мне кажется, никто не откажется от чая с шоколадным печеньем. Правда, я не рассчитывала на такую ораву...

— Няня! — с упреком возопил совершенно счастливый Марк.

— Я шучу, милый, шучу. Никто не станет обижаться на древнюю старуху...

Свадебное платье Киры было красным.

Это обстоятельство повергло в ужас всех. Диана Юстицкая и Галина плакали и уговаривали девушку образумиться. Зинаида Германовна ворчала. Александра пыталась воздействовать на дочь через Марка, но после многочисленных усилий «продать» нестигаемую волю будущего зятя плюнула и махнула рукой.

— Да пусть она выходит замуж хоть в рубище! — завопила счастливая мать, когда Владимир Дмитриевич сунулся к ней с каким-то вопросом. — Хоть во вретнице! Есть такое слово?

— Есть, — хмыкнул Краснов-старший и постарался донести мнение Александры до всех, кого оно интересовало. Тут, разумеется, все успокоились. В самом деле, что такого? Это всего лишь тряпки, груда материи, какая разница, какого они цвета? Девочка выходит замуж, это ее праздник, так пусть порадует!

Платье было прекрасно. Волны струящегося шелка обтекали стан Киры, воздушные облака шлейфа летели за ней, как крылья.

— Ты такая красивая, — шептал Марк своей невесте.

Перед свадьбой молодым дали побыть вдвоем. В полутемном бальном зале царил тишина. Через два часа здесь будет гореть яркий свет, будут танцевать женщины с обнаженными плечами и мужчины в черных костюмах... Официанты станут разносить шампанское... Но сейчас — тишина и полутьма.

— Ты очень красивая... Но я хотел поговорить с тобой...

— Что? Ты передумал на мне жениться? — с ужасом спросила Кира, заглядывая своему возлюбленному в лицо.

— Что ты, вовсе нет! Просто это все так внезапно произошло...

— И ты хочешь взять тайм-аут?

— Нет, ты погоди, дай мне сказать... Это касается тебя. Я все переживу, я все перенесу, но ты слабая женщина... Понимаешь, тебе будет очень тяжело со мной. Знаешь?

— Знаю, — серьезно кивнула Кира. — Потому что ты — олигарх.

— Я не олигарх, я вообще не знаю, что это слово означает, но это не важно. Но ты права. Сейчас изменяется политическая система, это действует на каждую клетку нашей экономической структуры. То, что вчера считалось нормой, завтра может быть приравнено к преступлению. Закон сегодня превратился в оружие власть имущих, но не в орудие правосудия и справедливости... О господи, и о чем я говорю! Прости меня, милая. Тебе перед свадьбой наверняка хотелось бы услышать что-то более... более романтическое?

— Да, — кивнула Кира. — Но я думаю, у нас будет время и на романтику. Ты не думай, я все понимаю!

— Все это очень сумбурно, я не привык выражать эти мысли вслух. Ни для кого не секрет, что наше государство живет на нефтяной игле. Мы жируем, пока идет война в Ираке, пока высоки цены на черное золото. Но так не может дольше продолжаться. Мы исчерпаем запасы, мы должны позаботиться, чтобы не исчерпать их раньше времени, консервировать «кладовые солнца»... Надо подумать о природе, мы уничтожаем ее своим варварским освоением, а экологи у нас считаются шпионами. Но меня сворачивает не в ту степь. Я тебе потом все расскажу. Деньги нужно вкладывать не только в хищническую добычу нефти, но и

подумать о людях. Руководя такой огромной системой, становишься ее заложником. Человек, вкладывающий деньги в социальные проекты, политические движения и в политическую жизнедеятельность в целом, финансирующий правозащитную инфраструктуру, что очень важно для гражданского общества... Такой человек многим мешает. Сейчас, чтобы выжить, нужно быть тенью. Приходит время торжествующей серости. Мне могут не помочь даже охранные грамоты моей информационной империи. Меня могут убить, оклеветать, посадить, отправить в изгнание...

— И я с тобой! Я везде буду с тобой, я буду тебе помогать.

— Я знал, что ты так скажешь. Потом, когда мы поженимся, тебе нужно будет подписать кое-какие бумаги. Это касается передачи акций... Ты потом сама все поймешь. Прости, родная, что сейчас, в такой момент, я разговариваю с тобой о делах, деньгах, акциях... Но я слишком долго был без тебя, это вьелось мне в подкорку, и потом — я не хочу, чтобы ты бедствовала, если я... Если со мной что-то случится.

— Во-первых, ничего с тобой случиться не может, — щедро улыбнулась Кира. — У тебя теперь есть я... И ты мне так нужен! А во-вторых, как ты думаешь, мне пойдет строгий костюм? Я ведь буду участвовать в собрании акционеров?

— Будешь, если захочешь. В твоих руках будет судьба не только чиновников, в чьих жилах вместо крови течет нефть, но и судьба твоей страны, земли, на которой ты живешь... Прислушайся к подземным недрам, посмотри на землю. Это — великая сила, великая энергия... Но с ней нужно уметь поладить. И у нас это получится.

— А как же театр?

— У тебя будет все, что ты захочешь. Но этого я тебе подарить не смогу. Если тебе действительно нужно, ты будешь учиться актерскому мастерству, будешь играть на сцене...

Кира ничего не сказала, но лицо ее неприметно изменилось. И когда молодые вышли из зала, чтобы вернуться к своим родным и гостям, Александра заметила, что лицо дочери стало другим.

— Кора стала Персефоной, — прошептала она. — Преображение свершилось.

— Что? — наклонился к ней Кленов.

— Ничего, милый, ничего...

Наутро после свадьбы молодые уехали в свадебное путешествие, а в гости к Александре приехал Владимир Дмитриевич.

— Ну, как ты? — спросил он, мимоходом целуя сестру в висок.

— Нормально, — пожала она плечами. — А ты что так рано? Дело какое-нибудь? Ах да, ты же беспокоился насчет...

— Да нет, нет же! — запротестовал Владимир Дмитриевич, притворяясь рассерженным, но потом сдался. — Понимаешь, я решил... Пусть оно останется у Киры. Я только посмотрю на него. Просто кину взгляд.

— Смотри. — Александра ушла в спальню и через некоторое время вернулась, держа в руках довольно большую черно-лаковую шкатулку. Внутри, на ярко-малиновом бархате, лежало ожерелье Смирницкого.

— Какая красота, — прошептал Краснов. — Знаешь, в нем действительно есть какая-то древняя сила...

— Возьми. Оно твое. Кира от него отказалась.

— Правда? Почему?

— Она сказала, что привыкла к нему с детства. Видишь ли, мы считали, что это грубая безделушка... Просто игрушка, понимаешь? И Кира любила эту игрушку. Кира таскала его повсюду по дому, цепляла на кукол и на занавески, изображала в нем Хозяюку Медной горы на празднике в школе... Она уверяет, что вобрала и впитала все силы, какие мог дать ей этот древний талисман. Если принять во внимание то, что она пережила и как она это пережила, — я склонна верить ее словам. И этому бесценному артефакту тоже. Забирай.

Владимир Дмитриевич с благодарностью принял шкатулку в обе руки, как хлеб-соль.

Владимир Краснов женился на своей невесте Ирине через три месяца. На свадьбе были специально приехавшие из Москвы его брат Марк и племянница Кира. Кира уже ждала ребенка. После свадьбы немолодые молодые остались жить в Петергофском доме. Таким образом, Ирина получила желаемое, но в нагрузку к дому пошла и Зинаида Германовна, которая внимательно следит за тем, чтоб жена «не очень-то командовала», и держит весь дом в подчинении и трепете. Чувствует она себя великолепно и умирать, похоже, не собирается в принципе.

Александра тоже вышла замуж. За следователя Кленова Евгения Эдуардовича. Правда это радостное событие долго откладывалось — влюбленные все никак не могли решиться связать свои жизни узами Гименя. Евгений Эдуардович со страхом вспоминал свой предыдущий неудачный брак, а Александре Леонидовне сравнивать было не с чем, она просто не считала штамп в паспорте чем-то необходимым. Однако они все же зарегистрировались, во многом благодаря стараниям Галины Леонидовны. Добрейшей души существо, она переживала, что младшая сестренка живет с мужчиной во грехе. Диана Юстицкая поддерживала свою подругу, и обе богомолки так надоели влюбленным, что те все-таки расписались и даже обвенчались. Говорят, что сын Кленова без ума от новой папиной жены, считает ее классной теткой, настоящей бизнеследи и с удовольствием вникает в цветочное дело.

Диана Юстицкая не только ходит по церквям и храмам с Галиной, она не забывает и про светскую жизнь и продолжает играть на театральной сцене, а недавно даже снялась в остросюжетном сериале. Играет она там крутую дамочку, которая попала в криминальную структуру. Говорят, играет очень хорошо.

Наташа схоронила Георгия Карева, своего несчастного мужа, и осталась работать в магазине у Александры Леонидовны Морозовой. Говорят, она совершенно отказалась от личной жизни ради карьеры и преуспевает. Во всяком случае, сейчас она уже директор магазина.

Петечка Могилевский уехал жить в Голландию и даже открыл там небольшую парфюмерную фирму. Недавно прислал Кленову письмецо на нарочито корявом русском, подписанное ником Голубой Ангел. В письме утверждал, что очень счастлив. У нас нет причин в этом сомневаться...

Этот мир так изумительно пестр и разнообразен, в нем порой происходят такие странные случаи, необыкновенные совпадения и удивительные встречи... Кипят страсти человеческие, и бессмертные, древние, забытые боги, чьи храмы давно лежат в развалинах и жертвенники повержены, снова спускаются на землю. Они входят в наполненную опасностями жизнь, чтобы снова познать — любовь и ненависть, верность и предательство, горе и радость.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

НАТАЛИЯ КОЧЕЛАЕВА

е́мейные тайны

И В ГОРЕ, И В РАДОСТИ

Дочь Александры Морозовой, удачливой бизнес-леди, — чудесная, странная, необыкновенная девушка Кира, ни в чем не получающая отказа. Мать и тетя обожают ее, предоставляя жить в своем мире, не зная забот, нужды и опасностей. Но однажды Кира исчезает, и мать понимает, что, собственно, ничего не знает о своей дочери. Бросив все, она отправляется на поиски. Неожиданные находки, мистические сны и таинственные подсказки приводят Александру к старинному петергофскому особняку...

ISBN 5-9524-2096-6

9 785952 420960

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

НАТАЛИЯ КОЧЕЛАЕВА

емейные тайны

И В ГОРЕ, И В РАДОСТИ

Дочь Александры Морозовой, удачливой бизнес-леди, — чудесная, странная, необыкновенная девушка Кира, ни в чем не получающая отказа. Мать и тетя обожают ее, предоставляя жить в своем мире, не зная забот, нужды и опасностей. Но однажды Кира исчезает, и мать понимает, что, собственно, ничего не знает о своей дочери. Бросив все, она отправляется на поиски. Неожиданные находки, мистические сны и таинственные подсказки приводят Александру к старинному петергофскому особняку...

ISBN 5-9524-2096-6

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

НАТАЛИЯ
КОЧЕЛАЕВА

И В ГОРЕ,
И В РАДОСТИ

емейные тайны

Н. КОЧЕЛАЕВА

емейные тайны

И В ГОРЕ,
И В РАДОСТИ

*Кипят страсти человеческие —
древние и вечно юные...
Рождаются семьи —
сливаются судьбы, течет жизнь...*

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин». Глава VI. (Примеч. ред.)

С и в и л л а — прорицательница.

Мифологические чудовища подземного мира.

Стихотворение Ф. И. Тютчева «Последняя любовь».